
·ХАННУ РАЙАНИЕМИ·
СТРАНА ВЕЧНОГО ЛЕТА
fanzon

Страна вечного лета
Ханну Райаниеми

Аннотация
Ханну Райаниеми. Страна вечного лета
1. Дуэль в отеле «Лэнгэм», 29 октября 1938 года
2. Беспризорники, 29 октября 1938 года
3. Маленькие войны, 8 ноября 1938 года
4. Естественные ограничения, 30 октября 1938 года
5. День в Летнем управлении, 9 ноября 1938 года
6. Как приручить слона, 5 ноября 1938 года
7. Процедура Термена, 10 ноября 1938 года
8. Вечер у Харрисов, 10 ноября 1938 года
9. Специальный комитет по проблемам Иберии, 11 ноября 1938 года
10. Чтение душ, 11–12 ноября 1938 года
11. Интрижка в картотеке, 14 ноября 1938 года
12. Ночные альпинисты Кембриджа, 14 ноября 1938 года
13. Вербовка агента, 16 ноября 1938 года
14. Финальный экзамен, 29 ноября 1938 года
15. В пабе «Синий пес», 30 ноября 1938 года
16. Всебытие, 30 ноября 1938 года
17. «Камо грядеши», 30 ноября 1938 года

18. Мелочовка, 1 декабря 1938 года
19. Разум на краю своей натянутой узды, 5 декабря 1938 года
20. Облик грядущего, 5 декабря 1938 года
21. Встреча в клубе «Альба», 5 декабря 1938 года
22. Ловушка для канареек, 6 декабря 1938 года
23. Криминальная клиника, 6 декабря 1938 года
24. Последний танец, 3 января 1939 года
Благодарности
Примечания переводчика

Персонажи романа, существовавшие и в нашей версии реальности (в порядке упоминания)

Аннотация

Люди больше не боятся смерти, больше не теряют близких. Душа, имеющая Билет, уходит в Страну вечного лета. Там практически невозможна ложь, ведь душу читать так же легко, как раскрытую книгу.

Но не все так просто. Люди остаются людьми – интригуют, борются за власть. Постоянное соперничество разведуправлений Британии и СССР едва не приводит к новой войне. Рэйчел Уайт, сотрудница разведки Зимнего управления (живых), охотясь на «крота», обнаруживает, что есть угроза пострашнее амбиций власть имущих.

Ханну Райаниеми
Страна вечного лета

Hannu Rajaniemi
SUMMERLAND

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Моей матери Мирье Райаниеми (1948–2015)

1. Дуэль в отеле «Лэнгэм», 29 октября 1938 года

Рэйчел Уайт распахнула дверь кеба, сунула водителю банкноту и нырнула в дождь.

Она пересекла мрачную Портленд-плейс и помчалась к сверкающей золотом горе света, отелю «Лэнгэм». По шляпке барабанил ливень. Каблуки скользили и подворачивались на мокрой мостовой. В каплях дождя чувствовался привкус страха.

За пятнадцать минут до этого ее эктофон выплюнул сообщение: «Кулагин дерется на дуэли. Срочно приезжайте». Она представила во лбу Якова Михайловича Кулагина дыру от пули двадцать второго калибра, и как все темные секреты вытекают из его головы и смываются дождем, увлекая за собой и двадцатилетнюю карьеру Рэйчел в разведслужбе.

Рэйчел взлетела к двери отеля, перепрыгивая через две ступеньки.

Лестницы, мраморные полы, толстый ковер, колонны в стиле ренессанс, дамы в жемчугах и горностае, медиумы в панцирях призраков — взя-

тые напрокат тела для Новых мертвых из Страны вечного лета. Рэйчел налетела на официанта и перевернула поднос с шампанским. Ей в спину понеслись проклятья и смех. Потом она снова выскочила наружу через застекленные двери, откуда спускалась широкая лестница. Рэйчел остановилась и вдохнула насыщенный аромат намокших роз.

В саду толпилась группка людей в вечерних нарядах и под зонтиками, все глазели на двух мужчин. Оба были без пиджаков и промокли насквозь, в руках серебряные пистолеты. Молодой блондин осматривал свое оружие с хладнокровной отстраненностью снайпера.

Вторым был Кулагин. Воротничок рубашки расстегнут, вдоль ребер проступили темно-красные пятна. Пистолет болтался в руке, как будто о нем позабыли. Увидев Рэйчел, Кулагин шутливо отдал честь, на лице расплылась безумная ухмылка.

Рэйчел поспешила вниз. Дуэлянты снова встали на позиции. Секундант Кулагина, коренастый человек в фетровой шляпе, принялся увещевать его, энергично жестикулируя. Это был майор Аллен, его сегодняшний дозорный из Секретной службы. Русский перебежчик отмахнулся от него

и, слегка пошатываясь, вернулся к центру сада.

Заметив Рэйчел, Аллен прикоснулся к краю шляпы. На его раскрасневшемся лице было написано отчаяние.

— Что вы творите? — прошипела она. — Почему вы его не остановили?

— Я пытался, миссис Уайт, но уже слишком поздно. Он оскорбительно отозвался о стихах мистера Шоу-Асквита, а затем набросился на него. Теперь это дело чести.

— Куда хуже. Если его убьют, а потом заберут ребята Хилла из Летнего управления, сэр Стюарт оторвет нам головы!

— У нас еще есть шанс. Рана мистера Кулагина несерьезная, сейчас будет третий выстрел, и после него мистер Шоу-Асквит может объявить, что удовлетворен.

Вероятно, молодой блондин — это Джулиан, старший сын сэра Патрика Шоу-Асквита, исполнительного директора банка «Бэринг». Он был в дорогом модном жилете, имитирующем медную сетку панциря призрака. На щеке херувимчика темнел бордовый синяк. Адресованный Кулагину взгляд явно показывал — Шоу-Асквита вряд ли удовлетворит что-либо, кроме смерти противника.

— Я так понимаю, майор, вы лично объясните сэру Стюарту, как случилось, что сын нашего партнера по клубу или наш лучший за многие годы источник в НКВД закончили жизнь с пулей в башке?

Аллен поднял кустистые брови.

— Я не хотел привлекать внимания. Видите ли, не стоит заявлять всему миру, что Корона имеет что-то общее с этим…

— Я понимаю необходимость действовать скрытно, майор, — прервала его Рэйчел. В Секретной службе полно бывших колониальных чиновников вроде Аллена, раздражающе тупых во всех аспектах работы разведки, не касающихся торпедных лодок или замаскированных под трость шпаг. — Вы правильно сделали, что вызвали меня. Я с ним поговорю.

Но было уже слишком поздно. Красномордый распорядитель дуэли шагнул вперед и поднял платок. Кулагин и Шоу-Асквит крепче сжали пистолеты, не сводя глаз с мокрой белой тряпки. Аллен качнулся взад-вперед на каблуках, как будто смотрел матч по крикету.

— Посмотрим, что случится в этом раунде. Это все-таки честное состязание.

Рэйчел беззвучно выругалась. Во рту у нее

пересохло, живот свело. Наверное, именно так чувствуют себя полевые агенты, чьи рапорты она изучает, когда принимают молниеносные решения. Она схватила Аллена за руку.

— Честное состязание можно и отложить. Задержите их. Дайте мне несколько минут.

— Но что я им скажу?

— Что угодно! Осмотрите его рану, убедитесь, что оружие заряжено, придумайте что-нибудь. И сообщите мне, прежде чем они снова приступят. Ну же, шевелитесь!

Она произнесла это как можно резче. Тон всколыхнул в Аллене какой-то рефлекс военного, майор кивнул и помахал распорядителю, показывая, что следует осмотреть рану Кулагина. В коричневом пиджаке и шляпе Аллен выглядел воробьем среди ястребов. Сторонники Шоу-Асквита застонали и недовольно заохали.

В суматохе Рэйчел скрылась за большим кустом розы и достала из сумочки эктофон. Вытряхнула наушники и сунула черный резиновый вкладыш в левое ухо. Потом нажала одну из четырех кнопок бакелитового аппарата. Он загудел, нагреваясь в руке. Рэйчел наклонилась, чтобы уберечь эктофон от дождя, надеясь, что своенравный аппарат останется сухим. За шипением после-

довало знакомое завывание недавно умерших, которые всегда стекались к передатчику, а затем в ухе прозвучал тонкий мужской голос:

— Дежурный по картотеке слушает.

По ту сторону розового куста публика ухала и гикала.

— Код эф-три-шесть-один.

— Слушаю, миссис Уайт, — сказал агент-призрак.

— Мне нужна информация по Джулиану Шоу-Асквиту, немедленно. — Она четко произнесла имя по буквам. — Есть что-нибудь на него? Это срочно. И что за стихи он пишет?

— Ищу. Подождите, пожалуйста.

Всего за несколько секунд призрак мысленно перенесся в картотеку Страны вечного лета и нашел нужные данные в эфирном хранилище. В конце войны, когда Рэйчел поступила на службу в разведку младшим клерком, ей потребовалось бы на это несколько часов — ведь тогда все было в бумажном виде. Но все равно ожидание показалось ей вечным. От каждой упавшей на лист розового куста капли внутри у Рэйчел все сжималось.

Когда призрак снова заговорил, она с облегчением вздохнула.

— Данных немного. Мистер Шоу-Асквит — из тех, кого в модных журналах называют «Кружок проклятых снобов», группы молодых щеголей из высшего общества. Он совершил несколько неблаговидных поступков, включая интрижку с леди Джулианной Мэннерс…

— Это не пригодится. Что насчет поэзии?

И тут она снова услышала голос распорядителя:

— Господа, встаньте на позиции, будьте добры!

Чем там занят этот кретин Аллен?

— Модная, с русским влиянием, в особенности заметно влияние Пушкина, депрессивная, хотя я не эксперт.

Ад кораблей военных.

Ад для простых людей.

О, роковая Елена!

Я вновь должен плыть за ней.

Пушкин. Русский трагический романтизм. С этим можно работать. Рэйчел выдернула из уха вкладыш, сунула эктофон в сумочку и побежала обратно к дуэлянтам. Кулагин и Шоу-Асквит стояли на изготовку и снова смотрели на белый платок в руке распорядителя.

Рэйчел протиснулась сквозь толпу зрителей,

сорвала с себя жакет, отбросила мокрую шляпу и тряхнула темными волосами.

Распорядитель взмахнул платком. Оба пистолета разом поднялись. Рэйчел с криком бросилась вперед, на линию огня.

Один за другим грохнули выстрелы — быстро и с металлическим звоном, как клавиши гигантской пишущей машинки. Мимо щеки Рэйчел просвистела пуля. Вторая попала в мощеную дорожку под ногами, в воздухе повис запах дробленого камня. Рэйчел поскользнулась на мокрых плитках и чуть не упала.

— Мадам! Уйдите с дороги! — завизжал Шоу-Асквит.

Рэйчел не ответила ему и метнулась к Кулагину. Тот уставился на нее вытаращенными глазами.

— Яков! Lyubov moya! — выкрикнула она, пытаясь изобразить русский акцент. — Не делай этого, я этого не стою, я бы пошла за тобой в Страну вечного лета. Пожалуйста, забудь обо всем!

Она обняла Кулагина за шею.

— Немедленно прекратите эти глупости, иначе нашей сделке конец, — шепнула она ему в ухо. — И предоставьте говорить мне.

В мутных глазах русского мелькнуло ожив-

ление. Он нерешительно опустил пистолет, а другой рукой приобнял Рэйчел. Она прижалась к его могучей груди.

Шоу-Асквит тоже опустил оружие и смущенно уставился на них.

— Сэр, прошу вас, давайте успокоимся, — сказала Рэйчел. — Умоляю, простите моего бедняжку Якова, он не в себе. Мы поссорились, и он просто обезумел. Видимо, ваши прекрасные строчки напомнили ему о том, как я его обидела. Прошу вас, не держите на него зла. Он же ранен, мой бедный Яков, zvezda moya… Это я виновата, я одна!

Она ткнула Кулагина по ребрам с противоположного от раны бока.

— Она… Она права, — проревел русский. — Сэр, примите мои глубочайшие извинения. Я не понимал, что делаю.

— Что ж, тогда ладно. — Шоу-Асквит откинул со лба мокрую прядь белокурых волос. — Вы берете назад свои слова о моей матери?

— Да.

— В таком случае перед лицом свидетелей я заявляю, что удовлетворен.

Со стороны его болельщиков послышался ропот, но Шоу-Асквит поднял руку, призвав к тишине.

— Миледи. Ваше вмешательство было крайне своевременным. Не желаете ли выпить с нами, закрепив мирное соглашение?

— Благодарю, но мне нужно заняться раной моего Якова и… и другими ранами.

Рэйчел притянула Кулагина в поцелуе, чтобы заслонить его лицо от фотовспышек камер. Его губы были холодными. От вкуса спиртного ее замутило, но она не оторвалась от русского, пока зрители не загикали.

Лучший способ утаить реальную историю от прессы — скормить ей историю повкуснее.

Рэйчел взяла Кулагина под руку. Майор Аллен проторил им путь в толпе, прикрывая головы зонтиком, и они вернулись в сияние бального зала отеля. После дождливого сада он выглядел по-летнему теплым.

Волоча Кулагина под руки, Рэйчел с майором поднялись на лифте на четвертый этаж и отвели русского в его комнату — номер 433.

Это был номер люкс, небольшой, но роскошный, с панелями из темного дерева на стенах, толстым узорчатым ковром и письменным столом из красного дерева. Кулагин плюхнулся на диван у окна, откинулся назад и посмотрел на Рэйчел.

— Итак, миссис Мур, собираетесь продолжить с того места, где мы остановились? — спросил он по-русски.

Рэйчел использовала фамилию Мур во время бесед с агентами.

— Можно и так сказать, — на том же языке ответила Рэйчел и перешла на английский: — Майор Аллен, не принесете аптечку?

— Может, стоит позвать врача? — спросил майор.

— Сначала я сама посмотрю, насколько серьезно ранение. Снимите рубашку, Яков Михайлович.

Криво усмехнувшись, Кулагин расстегнул рубашку и со стоном ее снял. Его кожа была белой, как тесто, жирные складки на брюхе колыхались, когда он шевелился, но волосатые руки и грудь были по-медвежьи крепкими.

Пуля царапнула Кулагина по ребрам. Рана неглубокая, но когда он поднял руку, чтобы Рэйчел могла посмотреть, снова открылось кровотечение. Не считая спиртного, пахло от него, что удивительно, свежестью — хорошим мылом из отеля и легким одеколоном.

Рэйчел принесла из ванной маленькое полотенце и велела Кулагину приложить его к ране, пока не вернется Аллен. Потом налила ему стакан

воды. Кулагин медленно выпил, опуская стакан между глотками, а другой полусогнутой рукой, похожей на сломанное крыло, придерживал окровавленное полотенце.

Вид на Риджент-стрит за окном рассекала золотая сетка проводов клетки Фарадея — она не впускала нежеланных призраков. От исходящего из радиатора под окном жара влажная одежда стала горячей и неприятной.

И тут до Рэйчел дошло.

«А ведь в меня чуть не попали, — подумала она. — Я могла умереть. Быстрая красная вспышка боли и падение — так это могло быть».

Ее руки задрожали, а сердце заколотилось. Для страха нет причин, уговаривала себя она. В конце концов, ей хотелось бы однажды попасть в Страну вечного лета. Но только не так, не по глупой случайности и не в таком жутком виде, став жертвой мальчишки, стреляющего от скуки.

Кулагин поднял стакан.

— Похоже, нам обоим требуется что-то покрепче, миссис Мур. Надеюсь, с вами все в порядке. Глоток спиртного вас согреет. Хотя бы насчет этого тот хлыщ Шоу-Асквит был прав! И вам нужно снять мокрую одежду.

Рэйчел скрестила руки на груди, чтобы скрыть

дрожь в ладонях, и заставила себя улыбнуться.

— Вы совершенно правы, Яков Михайлович. Я переоденусь и тут же к вам вернусь.

Рэйчел закрыла за собой дверь ванной и сняла промокшие юбку и блузку, бросив их темной кучкой на пол. Секретная служба — мужской мир, а потому лучше одеваться как монашка. Дрожа, она закуталась в тяжелый халат, который оказался слишком ей велик. Прическа была в полном беспорядке. Рэйчел пошарила в сумочке в поисках щетки, посмотрела в зеркало и быстрыми движениями расчесала густые темные локоны, стиснув щетку так, что побелели пальцы. Ритмичные движения и мягкие поглаживания головы ее успокоили.

Рэйчел стерла испорченный дождем макияж и критическим взглядом изучила свое отражение. Ниже ростом, чем хотелось бы, осанка как у офисного клерка. Усталые серые глаза. Гладкая белая кожа, которую не изменило даже детство в Бенгалии, — ее лучшее достояние. Джо, ее муж, говорил, что Рэйчел выглядит как фотография. Ну, хоть что-то. Учитывая, какой оборот принимают дела, морщины не замедлят появиться.

С самого начала все обернулось катастрофой. Когда в воротах Вормвуд-скрабса возник Кулагин

и объявил, что он советский нелегал и хочет переметнуться, никто толком не знал, как с ним поступить. Начальство Рэйчел из Зимнего управления сошлось лишь в одном — нужно воспользоваться этой возможностью, прежде чем об этом пронюхает Летнее управление.

Ее подразделению (отдел Ф, контрразведка) велели выработать стратегию допроса, возглавил его непосредственный начальник Рэйчел, бригадный генерал Харкер. Разумеется, Вэ-Вэ, глава отдела В земной контрразведки, и заместитель директора Лиддел решили влезть в это дело и присвоить себе часть славы. В окружении трех высокопоставленных офицеров Кулагин умолк и заявил, что его пытаются отравить предложенным к чаю сахаром. Разъяренный Харкер предоставил Рэйчел завершить беседу, ясно дав понять, что он ожидает результатов.

За две недели вялых допросов в золотой клетке отеля «Лэнгэм» она добилась лишь короткого списка русских агентов в Британии, главным образом под кодовыми именами, которые в Зимнем управлении и так уже знали. Опыт говорил ей — их должно быть больше. Многие годы она твердила, что им нужны сведения о Советах, полученные от живого человека, а не только с

помощью собранных Летним управлением сигналов, и это был ее шанс доказать свою правоту.

Но время заканчивалось. Завтра Рэйчел и майору нужно представить отчеты. Харкер, Лиддел и Вэ-Вэ взглянут на них мельком и решат, что русский слишком непостоянен, чтобы быть полезным, продадут его за гроши американцам и отправят Рэйчел обратно за стол, потеть над бесконечными делами злобных ирландцев.

Но был один способ развязать Кулагину язык еще до рассвета.

2. Беспризорники, 29 октября 1938 года

Когда Рэйчел вернулась в комнату, майор Аллен вспыхнул, резко отвернулся и поставил маленькую аптечку и бутылку спиртного на стол рядом с разряженным дуэльным пистолетом Кулагина.

— Майор, не могли бы вы оставить нас ненадолго и позаботиться о том, чтобы нас никто не беспокоил? — спросила Рэйчел.

Майор пораженно уставился на нее, но быстро отвернулся.

— Это неподобающе! — заявил он. — Особенно после спектакля, который вы там устроили. Я вызову машину, миссис Мур. Уже поздно.

Рэйчел вздохнула. Даже если теоретически она и могла бы заставить себя попытаться соблазнить Кулагина, с такими-то мокрыми растрепанными волосами, в практичном нижнем белье и толстом банном халате длиной почти до пят из нее вряд ли выйдет Мата Хари.

— Майор, неподобающе воображать всякие непристойности. Оставить порядочного муж-

чину и замужнюю женщину на час наедине? Уверена, на службе ее величеству вы совершали и менее благовидные поступки.

— Умоляю, — сказал по-русски Кулагин с болезненной улыбкой. — Я пытаюсь не расхохотаться над этим олухом, но мне больно.

Рэйчел улыбнулась в ответ. Надо было напоить русского гораздо раньше. Она рассчитывала произвести на Кулагина впечатление своим профессионализмом, в то время как куда успешней была бы противоположная стратегия.

— Что он сказал? — спросил майор.

— Яков Михайлович благодарит вас за помощь и молчание, — сказала Рэйчел. — Давайте же, майор, здесь все профессионалы. Я только осмотрю его раны, и мы продолжим допрос. Ничего неподобающего. — Она понизила голос: — Если вам от этого полегчает, можете оставить мне свой травмат.

— Ну ладно, — расправил плечи майор. — Но в случае чего я доложу о любых грязных делишках.

Он вытащил маленький револьвер с четырьмя резиновыми пулями. Нелетальное оружие, которое иногда использовали в Секретной службе. Рэйчел стреляла из него несколько раз, но

только на тренировках. Отдача у него была чудовищная.

Рэйчел сунула травмат в карман и прищурилась.

— Спасибо. Естественно, ваш долг включить в отчет все подробности. Как и мой. А в моем рапорте может появиться запись о том, что вы не остановили мистера Кулагина, когда он оскорбил молодого человека из высшего общества и набросился на него. Но вместо этого я могла бы подчеркнуть, что вы появились слишком поздно, чтобы это остановить, и немедленно вызвали меня. Интересно, что именно прочтет в отчете Вэ-Вэ?

Аллен пригладил усы.

— Доброй ночи вам обоим, — наконец произнес он.

С прямой, как палка, спиной он покинул номер. Как только дверь закрылась, Кулагин расхохотался.

* * *

Опустившись перед Кулагиным почти на колени, Рэйчел промыла его рану спиртом.

— Я вас недооценил, миссис Мур, — сказал по-английски Кулагин. — Вы смелы и честолюбивы.

Теперь я это вижу. Вам, вероятно, непросто в этой стране, тем более в спецслужбе, в окружении мальчиков из Итона, которые… как это сказать?.. Предпочитают иметь друг друга в зад.

Она прижала намоченную в спирте салфетку к ране. Кулагин зажмурился.

— Не нужно грубить, Яков Михайлович.

— Грубость — черта нашей профессии, кругом дерьмо, мухи и секс, и не позволяйте жополюбам уверять вас, что это не так! В Советском Союзе вам было бы проще, миссис Мур. Там все мы товарищи, мужчины и женщины, варимся в одном дерьме. Но здесь все сложнее.

— Мне нравятся сложности. Иначе зачем мне латать хамоватого русского, который хотел подставить себя под пулю?

— Ха! — Кулагин поднял руку. — Я не пытался подставиться под пулю. — Он ощупал пальцами рану, и они покрылись тонкой пленкой крови. — Мне хотелось почувствовать себя живым!

— Долго вы не проживете, если не дадите мне как следует промыть рану, — сурово заявила Рэйчел.

Теперь она плеснула спирт прямо на рану, и Кулагин содрогнулся всем телом.

— Какая напрасная трата ресурсов, — сказал

он. — Давайте лучше вместе выпьем. За мужчин и женщин, и за живых.

— Нет, Яков Михайлович, вместе пить мы не будем.

— Что?!

Лицо Кулагина побагровело от ярости. Он попытался встать.

Рэйчел схватила его за плечи и толкнула вниз. Он плюхнулся обратно на диван, не в силах сопротивляться удивлению и силе тяжести. Рэйчел вряд ли сдвинула бы с места громадную тушу борца без их помощи.

— У нас был договор, — напомнила Рэйчел. — В обмен на ценную для разведки информацию мы снабдим вас новыми документами, жильем и средствами на жизнь или, если предпочитаете, Билетом на безболезненное перемещение в Страну вечного лета. Что вам неясно?

— Я скучал, — рявкнул он. — Тот идиот-юнец меня оскорбил. Я ответил. К нашей сделке это не имеет отношения.

— Как раз таки имеет. Сделку вы заключили с нами, а не с нашими коллегами с Той стороны. Вот почему вам еще не выдали Билет. Если бы вас застрелили, вы были бы для нас потеряны, и, как любой безбилетный призрак, через день

угасли бы. Вы этого хотели? Или вы так уверены в своей меткости?

Она поднялась, налила Кулагину бренди из бара и протянула ему стакан. Его рука так сильно дрожала, что часть янтарной жидкости выплеснулась на колени. Оставшееся Кулагин проглотил залпом.

— Видите? — сказала Рэйчел. — Не представляю, каким образом вы рассчитывали в него попасть.

Кулагин разразился похожим на лай смехом.

— Попасть, промахнуться — какая разница? Нужно просто быть настоящим мужиком.

Рэйчел вернулась к бару и снова наполнила его стакан, потом достала из аптечки иглу и хирургическую нитку.

— Так, а теперь не шевелитесь. Будет больно.

Она свела белые складки его кожи вместе и начала зашивать рану. Прежде чем пойти на службу в Зимнее управление, она работала медсестрой, и пальцы помнили нужные движения. Кулагин поморщился и снова выпил.

— Жестокая вы женщина, миссис Мур, — проговорил он между глотками.

— Как скажете, Яков Михайлович. — Рэйчел сделала последний стежок, подтянула нить и об-

резала ее крохотными ножничками из аптечки. Потом она отложила медикаменты в сторону и открыла ящик стола.

Записывающее оборудование размещалось в фальшивом ящике, установленном прежде, чем в номере поселился Кулагин, — старомодный магнитофон в тяжелом металлическом корпусе. У них имелось и более современное оборудование с кристаллами Целльнера, напрямую передающее информацию дозорным-призракам, но интендант не разрешал использовать его в операциях, о которых не следовало знать Летнему управлению.

Рэйчел отщелкнула крышку и вытащила ленту. Потом села в кожаное кресло напротив Кулагина, положила руки на колени и твердо посмотрела на него.

— Теперь здесь только мы двое, Яков Михайлович, — сказала она. — Никаких заметок и записей, никаких призраков. Только два живых человека, кровь и бренди.

Кулагин больше не выглядел пьяным. Темные глаза горели холодным огнем.

— Вы нас проверяли, — сказала Рэйчел, — хотели понять, насколько сильно мы хотим получить то, что вы можете предложить. Но вы зашли

слишком далеко. Начальство собирается посадить вас на корабль и отправить в Америку. Вы этого хотите? Мы способны защитить вас от бывших коллег куда лучше, чем янки, и вы это знаете. Вот почему вы первым делом обратились к нам. Я могу вам помочь, Яков Михайлович, но только если вы поможете мне.

Кулагин подался вперед, упершись руками в колени.

— Думаете, я здесь из страха, миссис Мур? Испугался, что большой и грозный НКВД шлепнет меня, если схватит? Думаю, прежде чем начать разговор, нам стоит узнать друг друга получше. Гораздо лучше.

Ну здрасте. Рэйчел закатила глаза.

— Я замужняя женщина, Яков Михайлович.

— Ага! Вы подумали о сексе! И снова недопонимание. Секс — это инструмент. В нашей ленинской школе есть загородная секция, там мужчины и женщины учатся пользоваться этим инструментом. Но к пониманию он не приводит. А я хочу вас понять, миссис Мур. Чтобы рассказывать секреты, которые нас всю жизнь учили хранить, нужно доверие. С обеих сторон.

Кулагин медленно поднялся и налил еще бренди, теперь в два стакана, один он протянул

Рэйчел.

— Я же сказала, что не буду с вами пить.

— Малая цена за мои секреты, вам так не кажется? Вот что я предлагаю. Мы выпьем. Я задам вопросы. Не о вашей стране, а о вас. Вы ответите. Если я сочту ответы стоящими, то кое-что расскажу взамен. Что скажете?

Еще одна проверка. Неужели Кулагин и впрямь считает ее новичком, который раскроет себя и даст ему преимущество?

Она с осторожностью приняла стакан.

— Ха! Значит, решено, — сказал Кулагин.

Они чокнулись и выпили. От крепкого бренди Рэйчел закашлялась. Оно обожгло желудок.

Кулагин снова сел.

— Скажите, миссис Мур, что заставляет вас чувствовать себя живой? Что придает жизни смысл?

Она нахмурилась, обхватив стакан обеими руками.

— Служба, наверное. Служить чему-то большему, чем я сама. Защищать других. Приносить пользу.

— Чувствовать себя нужной?

— Возможно.

— А ваш муж, он понимает эти ваши потребности?

Рэйчел поколебалась.

— Он понимает, что такое долг.

— А что такое в вашей стране долг жены?

Рэйчел прикусила щеку.

— Давайте продолжим игру, прошу вас, — настаивал Кулагин. — Долг жены — это…

— Любить мужа. Преданно его поддерживать. Рожать детей.

— У вас есть дети, миссис Мур?

— Нет.

Слова выскользнули слишком легко. Само собой, она проработала легенду прикрытия — бывшая школьная учительница, поступившая в разведку благодаря связям мужа. Почему она не придумала миссис Мур детей, хоть целый выводок?

Русский с любопытством ее разглядывал.

— Жаль. Многим дети придают жизни смысл. Падающие звездочки. Как это называли ваши великие мыслители Хинтон и Тэйт? Состоящее из света четвертое измерение, ана, откуда происходят души, падают в наш грубый материальный мир и пускают в нем корни. Кое-то считает, что дети некоторое время хранят этот свет, а потом он гаснет, и они превращаются в нас. А мы ищем наш свет повсюду. Где ваш?

— Я же вам сказала. У меня нет детей. Моя задача — беречь чужих.

— Не знаю, верю ли я вам, миссис Мур.

Рэйчел задумалась. Кулагин — профессионал. Он почует плохо состряпанную легенду. Единственный выход — добавить каплю правды.

— У меня был ребенок, Яков Михайлович, — медленно произнесла она. — Он умер.

— Очень жаль это слышать. Вы разговариваете с ним по эктофону?

— Нет. Он не родился.

— Вот оно что. Лучше так, чем уйти в другую жизнь сиротой.

Рэйчел не ответила. Кулагин тоже помолчал. Потом кивнул сам себе, встал, плеснул обоим еще бренди из бара и опять сел.

— В России было много сирот после революции. Мы называем их bezprizorniki. Они охотились на крыс и другую мелкую живность. Интересные создания. Такие невинные и такие жестокие. В какой-то степени все мы похожи на них, мальчиков и девочек, чья мечта о мире без родителей сбылась. Нет никаких правил, нужно только разрушить прежний мир и построить на его месте новый. Нет ничего помимо нашей собственной воли. Это великолепно. Даже смерть стала

инструментом для создания нового советского человека. Однажды я сидел в петроградском кафе и подписывал десятки смертных приговоров, придумывая разные способы, чтобы выбрать имена. Буквы из алфавита. Имена одноклассников. А затем просто вытаскивал листки в случайном порядке. Меня прервал поэт, настоящий поэт, не чета сегодняшнему юнцу, и обвинил в тирании. Я застрелил его из револьвера.

Кулагин стиснул толстые пальцы. Лицо озарилось зловещим удовольствием. И Рэйчел порадовалась травмату в кармане.

— Позже я об этом пожалел. Его стихи были хороши. Наверное, потому я и не пристрелил сегодня юного Шоу-Асквита. Даже дрянные поэты прикасаются к чему-то, что нам неподвластно, с нашими-то играми и ложью. В том кафе никто не смел меня прерывать. Понимаете? Не было никого, кто мог бы меня судить. Ни матери. Ни морали. Ни Бога. Пока в двадцать пятом году мы не создали Его.

По телу Рэйчел пробежал холодок. Вопреки всем усилиям, разведка очень мало знала об источнике мощнейшего интеллекта, который руководил экономикой Советского Союза с точностью машины и безжалостно раскрывал всех

внедренных в ОГПУ агентов.

— Богостроители, — сказала Рэйчел.

— Красин, Термен, Малевич и Богданов, эти идиоты, — продолжил Кулагин. — Ха! Они решили, что советским людям нужен Бог, и сделали электрического. И теперь повсюду у нас стоят мавзолеи — его глаза, присматривающие за всем вокруг. Он даже более строгий отец, чем был когда-то царь. А когда мы умираем, то становимся Им. Такая награда мне и причиталась. Я слишком хорошо служил нашему блистательному Отцу. Комитет по бессмертию приказал мне вернуться домой и пройти Процедуру Термена, чтобы слить мою жалкую душу с душой Владимира Ильича Ленина. Величайшая честь.

Кулагин вздохнул.

— И что мне было делать, миссис Мур? Я предпочел стать беспризорником, сиротой без отца и матери. И вот я здесь.

Рэйчел уставилась на него. Она представила, как перестает быть собой и вливается в советский супермозг, будто капля дождя в темный океан. Она поежилась.

— И к чему тогда эти взрывы ярости и игры? — спросила она. — Почему вы не сказали моему начальству то же самое? Зачем рисковать погиб-

нуть на дуэли, не имея Билета?

— Хотел посмотреть, сумеете ли вы меня уберечь. И стало очевидно, что нет. Просто кучка школьников. Я решил дать Шоу-Асквиту себя убить и покончить с этим. Думал, это будет… как бы это выразиться? Поэтическое правосудие. Ох, не удивляйтесь вы так. Я знаю, что вы говорите о смерти без Билета. Лишь немногие возвращаются, чтобы поговорить с семьей или возлюбленными, и даже они быстро угасают. Думаю, вы слишком скоро поверили вашим возрожденцам. А если Билет вынуждает души блуждать? Предпочитаю сам увидеть, куда уведет меня смерть. Если там есть земля без родителей, я ее найду.

— Тогда почему вы еще здесь? — спросила Рэйчел.

Лучше его развеселить. Он явно безумен. Она пожалела, что отослала Аллена. Она медленно опустила руку в карман халата и нащупала травмат.

— А вы, миссис Мур, встали на пути между мной и пулей. И потому я хочу сделать вам подарок перед уходом. Но я должен быть уверен.

Кулагин поднялся, поставил стакан и подошел к Рэйчел, нависнув над ней. С черными стежками

на боку и бледными сосками его грудь и живот выглядели как порнографическое лицо с кривобокой ухмылкой. Рэйчел схватила травмат, но ствол застрял в уголке кармана.

Кулагин ударил ее. Перед глазами заплясали черные точки. Он схватил ее за правое запястье и вывернул руку. От жуткой боли в локте она выронила оружие.

Руки Кулагина сомкнулись на ее шее, сдавливая трахею.

— Как-то раз в Ташкенте я задушил женщину, — сказал он. — Она вцепилась в мои руки и боролась до самого конца. У нее ведь был ребенок, вот в чем дело.

Рэйчел схватила его запястья и попыталась разжать пальцы, но у русского была железная хватка. Горло у нее горело.

— Я хочу знать, за что вы сражаетесь на самом деле, миссис Мур.

Рэйчел попыталась что-то сказать, выплюнуть слова. Ее пальцы проехались по боку Кулагина. По нити и неровным стежкам.

— Так за что? Расскажите.

Он ослабил хватку, так что Рэйчел сумела судорожно вдохнуть.

— За свободу, сволочь, — сказала Рэйчел.

Он снова надавил сильнее. Поле зрения заполонили черные точки.

— За чью свободу?

Ее пальцы нащупали узелок на нитке.

— Свою.

Как только слово сорвалось с ее губ, она со всей силы дернула. Нить впилась ей в пальцы и оторвала Кулагину лоскут кожи. Капли крови брызнули Рэйчел в лицо, как сок из взорвавшейся сосиски.

Кулагин взвыл от боли. Рэйчел рванула вперед, врезав ему в живот плечом. Он отшатнулся, споткнулся о кофейный столик и рухнул на пол. Рэйчел потянулась за дуэльным пистолетом, но ее зрение заволокло черным туманом. Когда оно прояснилось, оружие было в руках Кулагина и нацелено на нее.

— Прекрасная работа, — сказал Кулагин.

Он засмеялся, привстав с пола и левой рукой зажимая рваную рану. Между пальцами стекала кровь.

— Ох, как же больно. Отличная работа!

Смех сменился приступом кашля. Рука Кулагина дрогнула, но прежде чем Рэйчел успела шевельнуться, к нему вернулась прежняя твердость.

— Прошу прощения за причиненные неудобства, но мне нужно было убедиться. Я способен отличить правду, когда ее слышу. Так что я сделаю вам подарок, миссис Мур, обоюдоострый подарок. В последние два года я вел агента по кличке Феликс, главу отдела в вашем Летнем управлении. Хороший парень, слегка наивный, верит в великую цель — больше меня, благословенная душа.

Рэйчел попыталась ответить, но горло словно сжали тиски.

— Вижу, вы мне не верите. Что ж, подробности вас убедят. Феликс — это Питер Блум.

— Блум, — просипела Рэйчел.

Она некоторое время служила с ним вместе, прежде чем он ушел в мир иной. Из младотурков, хотя и менее привлекательный, чем остальные — маленький и пухлый, со страстными глазами и чувственными губами. Тихий, вежливый, немного отстраненный. Конечно же, его повысили раньше ее, хотя она и имела на десять лет больше опыта.

Кулагин снова закашлялся. Он лежал в растекающейся бордовой луже.

— Дорогой Питер и был той курицей, несущей золотые яйца, за которую меня хотели наградить.

Теперь он ваш.

Голова у Рэйчел пошла кругом. Как будто вместе с кровью Кулагина утекает и весь смысл окружающего мира.

— Даже если я вам поверю, — прошептала она, — что мне с этим делать?

— Вы меня не слушали, — ответил Кулагин. — Никто вам не скажет, что делать. Прощайте, миссис Мур.

И в один миг, как будто снова опрокидывает стакан с бренди, он сунул дуло пистолета в рот и спустил курок.

Выстрел прозвучал как пощечина, оглушил ее и ослепил. Когда зрение прояснилось, Рэйчел не могла заставить себя посмотреть на изуродованное лицо Кулагина.

Она вылетела из номера и захлопнула за собой дверь.

— Нужен… Нужен врач! — заорала она во всю глотку, вырывая слова из саднящего горла. — Позовите врача!

Потом она осела на пол. В голове пульсировало имя, алое, зловещее и невозможное, как кулагинская кровь на ковре.

Питер Блум.

3. Маленькие войны, 8 ноября 1938 года

Питер Блум оказался в грузовике с боеприпасами в горящем Мадриде.

Пламени он не видел. Для призрака материальный мир невидим, не считая электричества и искрящих душ живых людей. Здания и улицы выглядели скелетами из светящихся проводов. Человеческие мозги сияли, как бумажные фонарики. Все остальное — бледно-серый туман. Питер безнадежно заблудился бы в этой пелене, если бы не маячок в эктофоне агента Инес Хираль, который привел его сюда из Страны вечного лета.

Сейчас Питер повис на ярких кольцах электрической цепи эктофона, словно цепляющийся за материнский подол малыш, и слушал, как Инес описывает мир живых.

— Крыши домов на Гран-Виа в огне, — сказала она. — Бомбы сыплются, как черные груши. Сначала большие, чтобы снести здания. Потом зажигательные. Шрапнель — чтобы отогнать пожарных. Каждую ночь одно и то же. Скоро и гореть будет нечему.

Для человека, управляющего грузовиком со взрывчаткой в городе, который каждую ночь бомбят, ее голос звучал на удивление спокойно.

— Днем, когда мы пытаемся отоспаться, самолеты сбрасывают листовки, как гадящие чайки. Пропаганда и Билеты в фальшивый рай Франко. Фашисты проигрывают и поэтому пытаются убить нас или заманить наши души в свой фальшивый рай.

Питер услышал далекие раскаты.

— Что это за грохот? — спросил он.

— Снова стреляют по «Телефонике».

— Один репортер сказал мне, что фашисты используют здание как тренировочную мишень.

Здание «Телефоники», крепкий небоскреб, стояло в самой высокой точке Мадрида. Для гиперзрения Питера оно выглядело жезлом из проводов и тонкой паутины. Он представлял себе радость артиллериста, которому удастся снести здание — так он чувствовал себя, разрушая карточную крепость во время детских игр в войну.

— Ну и пусть, — сказала Инес. — Снаряды только отскакивают.

Она могла бы сказать то же самое и об Испанской республике. Два года назад в результате шахтерского восстания и злости на церковь,

которая больше не могла ответить на вопросы о смерти, на Иберийском полуострове возникло странное государство-утопия. Группа генералов под командованием Франсиско Франко решила восстановить изначальные порядки. Хоть и с неохотой, Британия поддержала Франко. А коммунистические группировки республики, в свою очередь, всем своим весом поддерживали Советский Союз. Так Испания превратилась в чашку Петри войны, грядущее столкновение в миниатюрном масштабе.

Вот почему здесь находился Питер. Франко проигрывал. Секретной службе надо было понять почему. Им нужно было завербовать больше агентов-республиканцев вроде Инес.

Вот только он и понятия не имел, что нужно ей.

Они молча катили по городу-призраку. Питер пытался вообразить, как она выглядит. Вереск, местный вербовщик, которого Инес знала как товарища Эрика, прислал Питеру фотографию. Энергичная девушка в синем рабочем комбинезоне, с бровями-ниточками и прекрасными пухлыми губами. Такая дураков не любит.

Он откашлялся, хотя горла у него не было — трудно избавиться от привычек мира живых.

— Сеньорита…

— Просто «товарищ», как и все остальные. Хотя мы ведь не вполне товарищи, верно?

— Надеюсь, будем ими, — сказал Питер. — Вы очень смелая.

Инес коротко и с горечью рассмеялась.

— Вы мне льстите, товарищ призрак. Смелость — удел смертных. А у меня есть Билет в республиканский рай, народный рай. Я повторяю его на память каждую ночь — все странные формы, щекочущие мой мозг, как будто твержу «Отче наш». Если в меня угодит снаряд, с Билетом я попаду туда же, куда уходят все революционеры.

Ее голос звучал бесстрастно. Питер рассматривал искры ее души, еще один горящий город в миниатюре — пылающий цветок размером с ладонь, с переплетающимися синими и красными лепестками. Он пожалел, что у него так мало опыта в чтении душ. В Инес он опознал только два оттенка — гнев и разочарование.

— Я не о том, — сказал он. — Один разговор со мной может доставить вам больше проблем, чем смерть. Это смелый поступок — рисковать душой ради мира.

Инес сплюнула. Через микрофон это прозвучало приглушенным выстрелом. Ее душа заискрила

вишнево-красным.

— А кто сказал, что я хочу мира? Пусть фашисты поджигают город. Нас огонь очистит, а они будут гореть в жарком пламени ада. Когда товарищ Эрик попросил поговорить с вами и дал мне эктофон, я сказала: «Почему бы нет, мне скучно за рулем, а я ведь могу одновременно говорить и вести машину, да?» Но я не люблю выслушивать вранье. Так что не надо говорить мне о мире. А не то я могу решить, что предпочитаю слушать стрельбу вместо вашего голоса.

Питер выругался. Вереск явно не разобрался в Инес и не подготовил ее как следует. В отчете он написал, что она разочарована отношением республики к церкви, но этого явно недостаточно. Она еще не готова к обработке.

— Инес, — сказал он, — выслушайте меня. Товарищ Эрик был прав. Мы можем просто поговорить, о чем хотите. Просто…

Она сбросила соединение. Электрический контур, связывающий Питера с эктофоном, исчез, и его выкинуло обратно в холодный серый туман.

Он развернулся, не понимая, где находится. Маячок Инес удалялся. Для призрака движение и мысль — одно и то же. Питер сосредоточился на форме маячка и устремился за ним в бестелесном

свободном полете.

Он мог бы вернуться в Летнее управление и возложить вину на Вереска. Питер испытывал такое искушение, вот только Иберийский отдел, который возглавлял Питер, не мог позволить себе совершить еще один промах, не попав под раздачу от Си, главы разведслужбы.

Тем более что именно Питер и был, в конечном счете, причиной этих промахов. Все они — товарищи, даже если его задача — убедить ее предать дело, которому они оба служат.

Он должен получить от нее нечто стоящее, но как?

Маячок затерялся в лабиринте проводов и искрящих душ. Чтобы получить лучший обзор, Питер спустился в направлении ката — четвертого измерения, где могли перемещаться только мертвые.

Мадрид расширился над ним до ажурного узора из света и пламени, и Питер парил, словно птица, под странным, перевернутым небесным сводом. Из здания «Телефоники» пульсировали радиоволны. Фронт был совсем близко, и Питер заметил смерть — красную вспышку искр души, покидающей тело, в небо будто выстрелили ракетой.

И тут он увидел эктотанк.

* * *

Поначалу танк выглядел невинно — медленно вырастающий из мрака водоворот, как налитое в чай молоко. А с более близкого расстояния Питер рассмотрел, что белый на самом деле не белый, а состоит из бесчисленных переливающихся цветов. Питеру захотелось нырнуть прямо в него, хотя он и знал, какой судьбой это грозит.

Эктотанк пропахал сквозь скопище человеческих огоньков — баррикаду республиканцев. За собой он оставлял алые вспышки мертвых душ. Потом они развернулись и нырнули в белый водоворот, не в силах противиться его натиску. Души исчезли в этой белизне, водоворот эктотанка расширился и двинулся дальше по улице, как голодная амеба.

Прямо к маячку Инес.

Питер бросился к эктофону. Схватился эфирными пальцами за электрический контур звонка и яростно его затряс. Безрезультатно. Молочный водоворот эктотанка маячил справа. Инес явно его не заметила — мешало невидимое для Питера здание.

Промелькнул глаз эктотанка — крохотное круглое оконце посреди белизны. Внутри яркими

цветами бушевало пламя, уличные огни и разрушенные здания, словно к Питеру снова вернулось зрение живого человека. Его переполнило иррациональное желание нырнуть прямо в око. Ведь там он сразу оживет?

Но где-то на краешке сознания он по-прежнему цеплялся за электрический контур, три длинных гудка, три коротких и три длинных.

— Я пытаюсь вести машину, товарищ призрак, — сказала Инес. — Почему бы вам…

Ее голос разрушил чары.

— Сворачивай! — крикнул Питер. — Впереди эктотанк!

— Господи… — прошептала Инес, а потом закричала.

В телефоне послышались шумы, затем скрип тормозов.

Грузовик свернул вправо в тот самый миг, когда на Гран-Виа лавиной выкатился эктотанк. Инес неслась по улице как безумная, даже Питер едва поспевал за ней со скоростью мысли. Батарея республиканцев в здании «Телефоники» открыла огонь из советских эфиропушек. Они завизжали, как тысячи голосящих детей.

Наконец грузовик остановился. Питер выждал секунду и снова позвонил. Инес взяла трубку, но

не заговорила, только быстро и тяжело дышала.

— Ты ранена? — спросил Питер.

— Нет.

— Почему ты остановилась?

— Посреди дороги яма, на месте метро. Черная дыра, как вход в ад. Может, оттуда и выползла эта штуковина. Матерь Божья, да она размером с дом, как… как… — ее голос сорвался. Питер уже решил, что она опять повесила трубку, и с облегчением вздохнул, когда она продолжила: — Никогда не видела ничего подобного. Как Папа Тейяр может благословлять фашистов, если они посылают в атаку на нас этих дьяволов?

— Это не дьявол. Внутри сидит человек, медиум. А видишь ты эктоплазму, духовную сущность, украденную у мертвых, которой он мысленно придает форму.

— Тогда его мысли одержимы дьяволом.

Извратив изобретение Лоджа и Маркони, эктотанки создали для того, чтобы переломить ход Великой войны: оружие, приобретающее тем больше мощи, чем больше оно убивает. Питер не знал, что Франко уже использует танки, которые поставляет ему Британия. Это вызовет ответ со стороны Советов, эскалацию конфликта. А значит, Питеру нужно спешить.

— Война выпускает дьяволов, сидящих внутри нас, — сказал Питер.

Инес глубоко вздохнула и всхлипнула.

— Что такое?

— Дьяволы и во мне, товарищ призрак. Если бы я и впрямь была смелой, как ты сказал, то сунула бы винтовку в рот и выстрелила, и пусть Бог разберется.

— И попала бы в республиканский рай?

Она безрадостно рассмеялась.

— Все знают, что он еще не готов. Погибшие просто угасают, если у них нет фашистских Билетов. Нет, отец Миаха из моей деревни прав. Единственный путь в рай — это вера и молитва. В детстве я воображала рай. Белый, с деревьями из сахарной ваты. Но он не для меня. Больше не для меня.

Как же он это упустил? Узел в искрах души Инес. Ее мысли постоянно крутились вокруг этого, снова и снова. Вот почему она согласилась поговорить с бесплотным голосом по телефону. Это не имело отношения к предательству республики.

Она просто нуждалась в исповеднике.

— Почему это? — мягко спросил Питер.

— Потому что я издевалась над статуей Христа

в Хетафе.

Где-то вдали затихал визг эктотанка.

— В тот день Матео собрал взвод, — объяснила Инес. — Сказал, что нужно казнить заключенного-фашиста. Мне хотелось отомстить за то, что сделали с моей матерью и братом в Гернике, я взяла винтовку и пошла с ним. Мы доехали до Хетафе в грузовике. По дороге все смеялись и шутили. Мы поднялись на холм, холм Ангелов. Под соснами было жарко и сухо. В чистом воздухе вдали был виден Мадрид. Лишь когда Матео завязал тряпкой глаза стоящей там большой статуе, я все поняла. Я прицелилась вместе с остальными. Я могла бы не стрелять, но не сумела бы их остановить. Я смотрела, как пули разрывают Его лицо, и рыдала.

Инес завела двигатель.

— Я сказала уже достаточно. Товарищам на фронте нужны мои пули и снаряды. Спасибо, что предупредил о дьявольской машине. Может быть, мы еще поговорим.

И Питер наконец-то узнал узел эмоций в ее душе. Парадокс. Она пыталась одновременно верить в противоречивые утверждения.

— Погоди, — сказал он. — Инес, я не думаю, что Бог уже завершил работу с тобой.

Инес помедлила. Ее душа заискрила гневом.

— Что ты знаешь о Боге, товарищ призрак?

— Я знаю, что такое испытание. В детстве я тоже видел горящий город.

Инес ничего не ответила, но искры ее души смягчились на оттенки фиолетового и зеленого.

— Во время Великой войны, — продолжил Питер, — когда немцы устраивали налеты на Лондон. Мне было пять. Сирены меня пугали, я прятался в подвале, даже когда налет заканчивался. Один раз, когда завыла сирена, отец поднял меня и поднес к окну своего кабинета. Я вырывался, начал плакать, но он держал крепко. Мама умоляла его уйти в укрытие. Он не слушал ее и заставил меня смотреть. На небе висела серебристая сигара. Вокруг нее танцевали лучи прожекторов. А внизу бушевал огонь, яркий, как солнце. Окна дрожали от далеких взрывов. Я чуть не обмочился. Хотелось спрятаться в объятьях матери. Но отец сказал, что я должен быть смелым. Появились эктолетуны. Люди с крыльями, как у мотылька, белыми и переливающимися. И они сбили дирижабль. Окружили его и стреляли, пока не пропороли брюхо. Оттуда пыхнуло горящим газом. Это было самое потрясающее, что я видел в жизни. И все это время отец меня держал.

Дирижабль упал, как пустой мешок, паря над Темзой. Больше я никогда не боялся налетов.

— Прекрасная история, товарищ призрак, — сказала Инес. — Но я уже не испуганный ребенок.

Ее голос был резким, но искры души излучали мягкое сияние.

— Разве все мы не дети в глазах Господа? Может, я и не разделяю твою веру, Инес. Но я верю, что есть нечто большее, и оно держит нас на руках. И кем бы Он ни был, Богом Папы Тейяра, отца Миахи или вашим собственным, у Него есть для нас план. Он нас испытывает, но только чтобы заставить посмотреть в лицо своим страхам. И Он всегда прощает.

Инес снова остановила грузовик. Контур эктофона отключился. Без него Питер ощутил притяжение Страны вечного лета в направлении ката, ему пришлось держаться только силой воли, как пловцу на воде.

Он рассматривал формы мыслей Инес. Они распались в рой светлячков, а потом слились в одну зеленую сферу уверенности.

Контур эктофона снова вернулся, Инес опять взяла трубку. Сквозь шуршание помех как будто слышался ее плач. Но в голосе все равно звучали

стальные нотки.

— Товарищ призрак, я не дура. Ты не друг республики. Но, возможно, ты последнее испытание, которое послал мне Господь. И я тоже тебя испытаю. Советы снабжают нас оружием, но платить за это приходится кровью. Теперь везде полно их шпионов. Говорят, они охотятся на Пятую колонну, но берут любого, кто не коммунист. Скажи мне вот что: твои хозяева приняли бы республику без русских? Могли бы мы и впрямь достичь в Испании мира?

Питер задумался.

— Да, — наконец ответил он. — Даю слово.

Это почти было правдой, как и рассказ об авианалете. Но подал он это лживо. А Питер Блум ненавидел ложь всеми фибрами своей бессмертной души.

Но сейчас оно того стоило. Душа Инес ярко заискрила надеждой, и ее отголоски наполнили Питера радостью. Жертвами этого искушения обычно и становились угасающие души. Тратили всю прану, прижимаясь поближе к живым, пока безжалостное притяжение Страны вечного лета не смывало все воспоминания и мысли, оставляя лишь пустой бездумный лусит, душу-камень.

— Тогда ты должен кое-что знать, — сказала

Инес. — Два дня назад Матео вернулся в нашу квартиру взбудораженным. Буквально горел, как в лихорадке. Он познакомился с одним человеком, грузином, и не переставал о нем говорить. Тот человек возглавляет подпольную сеть левых раскольников — русских, французов, немцев, поляков — в общем, по всей Европе. Советы везде за ним гоняются. Говорит, он прибыл в Испанию, чтобы остановить войну.

— И каким образом?

— Захватит власть, отвергнет помощь Советов и заключит сделку с британцами. Без британской помощи Франко разгромят на следующий же день. И у этого человека много сторонников среди анархистов, рабочей партии и других.

— А Матео сказал, как его зовут?

— Иосиф Джугашвили. — Она помолчала. — Хотя он предпочитает называть себя Сталиным.

Питер никак не выдал удивление и радость. Они поговорили еще немного, стоя на обочине. Инес назвала еще несколько имен — сторонников Джугашвили в правительстве, людей, которые имеют влияние на ее любовника Матео.

Они договорились о встрече через неделю и распрощались. Питер смотрел, как уменьшаются искры души Инес и водоворот огоньков двига-

теля в сторону фейерверков на линии фронта. Потом он покинул мир живых с его иллюзиями и погрузился в другое измерение.

В поле его гиперзрения появилась вся земля. Города — как плотные созвездия, от них расходилась паутина телеграфных проводов. Голубыми конфетти рассыпáлись рождения. Каждая смерть выглядела падающей красной звездой. А вместе они очерчивали алую карту войны — испанский фронт и африканскую кампанию. Это зрелище всколыхнуло еще одно детское воспоминание — игру под названием «Маленькие войны», он играл в нее с мистером Уэстом, выстраивая на полу гостиной игрушечные армии. Бессмысленные смерти, напомнил он себе, которые скармливают системе так же бесцельно, как в детской игре, нужно прекратить, отбросить, как детскую игрушку.

А имя, которое дала ему Инес, в этом поможет.

Питер вызвал образ штаб-квартиры Секретной службы и задержал его в мыслях. Со скоростью мысли эфир унес его в направлении ката, в Страну вечного лета.

4. Естественные ограничения, 30 октября 1938 года

Остаток ночи прошел в тумане. Рэйчел в полном изнеможении притулилась в соседнем номере. Врач из отеля, лысый коротышка со вселяющими уверенность манерами, осмотрел Кулагина и констатировал смерть.

Потом он занялся ранами Рэйчел, а унылый Аллен торчал рядом, нервно перебирая пальцами тонкие, зачесанные назад волосы.

Последний выстрел до сих пор звучал у Рэйчел в голове. Могла ли она что-то сказать, чтобы остановить Кулагина? Она проклинала себя за неуклюжесть с травматом, за то, что настояла — рядом не должно быть дозорных-призраков. Может, они сумели бы схватить Кулагина до того, как он угас… Но нет, Харкер никогда бы не согласился подключить к делу оперативников из Летнего управления.

Появились двое из спецотдела — в котелках и с каменными лицами. Обнимая стакан с виски, который принес ей майор, Рэйчел сделала заявление. Особистов смутила невозможность опросить

душу жертвы, но после звонка офицера из отдела по связям они стали вести себя вежливей.

Рэйчел еще пребывала в тумане, когда майор накинул на нее пальто поверх банного халата и усадил в кеб.

Улицы полуночного Лондона были тихими и окрашены в синеватые тона. Дождь прекратился, и в свете уличных фонарей сверкали лужи. Под жужжание электромотора в машине Рэйчел погрузилась в неровный сон, прислонившись щекой к холодному окну. Разбудил ее голос водителя:

— Приехали, мэм. Спокойной вам ночи.

Кеб остановился перед домом из красного кирпича на Сент-Джонс-Вуд около Риджентс-парка, где она жила вместе с Джо. Землю прихватило изморосью, и по пути к двери Рэйчел поежилась. Их горничная, немка Гертруда, начала суетиться над ней, не успела Рэйчел пересечь прихожую, где, словно металлический страж, стоял старый панцирь призрака.

— Вы хорошо себя чувствуете, миссис Уайт? Вы кошмарно выглядите, если позволите мне высказаться.

Рэйчел кивнула. Слишком больно было говорить.

Появился Джо в бордовом смокинге в турецком стиле, который Рэйчел всегда казался смешным. Крепкий, как всякий регбист, Джо с обветренным лицом, густым ежиком каштановых волос и постоянными отметинами на висках от «короны призрака» Королевских ВВС. Он ничего не сказал, просто обнял ее и прижал к себе.

В это мгновение она готова была заниматься с ним любовью вновь и вновь только ради этого, лишь бы вдыхать этот запах, ощущать все его такие успокаивающие несовершенства, квадратную челюсть, упирающуюся ей в плечо, неопрятные крохотные волоски в ушах. Ее дыхание участилось, руки Джо показались слишком тяжелыми, а сердце затрепетало, словно залетевшая в дом птица.

— Ничего страшного, Джо, — прошептала она, отстраняясь. — Ночь была кошмарная. Но все хорошо, честно.

— Я знаю, — сказал он, мягко сжав ее руку. — Идем, любимая. Давай уложим тебя в постель.

Аллен наверняка ему позвонил, Рэйчел это знала. До недавнего отпуска Джо служил офицером связи между Зимним управлением и Королевскими эфирными силами. Так они и познакомились — на встрече персонала в Блейнхемском дворце.

У него было слишком мало итонского лоска, и он не пытался очаровать, как прочие агенты разведслужбы. Он не пил, что в терминах Управления превращало его в нечто вроде рыбы без жабр. Улыбка и схожесть довольно скромного происхождения привели к ужину, танцу, а спустя два года и к браку.

— Пожалуй, сначала приму ванну, если не возражаешь.

— Конечно. — Он застенчиво и так знакомо улыбнулся и поцеловал ее в лоб. — Я приготовлю тебе чай наверху.

— Да, милый. Было бы замечательно.

Джо смотрел, как она поднимается по лестнице в спальню. Рэйчел закрыла за собой дверь, села на пол, прислонившись к двери спиной, и позволила себе расплакаться.

* * *

Позже Рэйчел проснулась — она лежала в постели, ее знобило. Тепло чая и ванны уже перестало действовать. По позвоночнику бежал ледяной холод усталости, но она не могла уснуть. Рэйчел посмотрела на лежащего рядом Джо, и ей снова захотелось его обнять, стереть образ кулагинского лица широкой спиной Джо.

Вместо этого она села, обхватив колени. Ей не хотелось его будить. Джо с трудом засыпал. По ночам фрагменты душ, которые он приносил с войны, выплескивались в их спальню холодными капельками. Когда ему становилось совсем худо, из его рта и носа изливались белые нити эктоплазмы, словно корни мертвого белого растения. Сейчас он мирно спал, перевернувшись на живот и стиснув подушку.

А кроме того, прижаться к нему слишком крепко — как тереть друг о друга концы сломанных костей, это неправильно и слишком больно, и она пока к этому не готова.

Рэйчел выскользнула из постели, закуталась в пеньюар и вышла в коридор. Дом затих. Было четыре часа утра. Она остановилась у двери пустой детской и подумала о кулагинских беспризорниках. Потом вошла в свой кабинет, села перед электрической пишущей машинкой и начала писать рапорт.

* * *

— Так почему же именно, майор, вам понадобилось покинуть номер в такой сложный момент?

Бригадный генерал Освальд Харкер, он же Джаспер, директор отдела Б Секретной службы,

то есть контрразведки, склонился над своим столом и выдвинул вперед загорелое угловатое лицо, будто вот-вот набросится на майора Аллена и вцепится ему в глотку. В половине шестого вечера Рэйчел и Аллена вызвали в кабинет директора для отчета.

— Ну, дело в том, сэр, что миссис Уайт… э-э-э…

Аллен заерзал. В пухлых пальцах он сжимал пропитанные потом остатки своего рапорта, словно талисман. Рэйчел молча сидела рядом и радовалась, что яростный взгляд Харкера, подчеркнутый черными бровями генерала, сейчас направлен не в ее сторону.

— Ну давайте же, не томите!

— В общем, сэр, она попросила меня уйти. И когда я с неохотой согласился, выглядела она не вполне подобающе.

— Черт побери, Уайт! Советы могут устраивать постельные ловушки, но мы играем честно, иначе будем ничем не лучше коммунистов. О чем вы только думали?

Рэйчел откашлялась и поморщилась. Говорить по-прежнему было больно, и она надела шарф, чтобы скрыть синяки.

— Сэр, версия майора…

— Уайт, плевать мне на то, чья версия верна. —

Генерал тяжело опустился в кресло. — Суть в том, что Кулагин обвел нас вокруг пальца, как идиотов. Вы только посмотрите на себя, вы оба. Что видите? Где мы находимся?

Харкер жестом обвел неровные выбеленные стены крохотного кабинета. Через единственное оконце у потолка проглядывала унылая зелень поля Вормвуд-скрабс, слегка прихваченная морозцем. Ржавый электрообогреватель в углу силился поддерживать в комнате бомбейскую температуру, как любил Харкер.

Рэйчел и Аллен молча переглянулись.

— Именно! Проклятые жмурики сидят в Бленхеймском дворце и хрустальных замках Страны вечного лета, а куда запихнули настоящую разведслужбу ее величества? В тюрьму. Просто каким-то чудом мы получили шанс — единственный шанс! — застать жмуриков со спущенными призрачными штанами, и что? Один позволяет источнику драться на дуэли, а другая, другая… — Харкер побагровел и задохнулся от ярости. — Другая сначала спасает его, а потом позволяет ему вышибить себе мозги! Да еще оставляет свое фото для вонючей воскресной газетенки!

Генерал хлопнул рукой по открытой странице «Таймс» на столе. Там красовалась нечеткая

фотография сцены в отеле «Лэнгэм» — Кулагин с удивленным выражением лица и повисшая у него на шее Рэйчел. К счастью, ее лица не было видно.

— Когда я проверял в последний раз, в описании нашей службы все еще значилось слово «секретная».

Харкер глубоко вдохнул.

— Свободны. Но запомните — мы не закончили. Я посоветуюсь с Вивианом и заместителем директора относительно окончательной судьбы мистера Кулагина. И если смогу залатать дыры в тонущем корабле собственной шкурой, то я это сделаю. Все понятно?

— Да, сэр, — отозвался Аллен.

Майор выскочил из кабинета, не поднимая головы, с потрепанными остатками рапорта в руке и пытаясь уменьшиться в размерах, насколько это возможно. Рэйчел дождалась, когда он закроет за собой дверь.

— Что еще, Уайт?

Рэйчел с трудом сумела прошептать:

— Кое-что я… опустила в рапорте, сэр. Это только для ваших ушей.

— И что же?

— Мистер Кулагин поделился кое-какой ин-

формацией, сэр. Назвал имя крота в Секретной службе. Кодовое имя Феликс. В Летнем управлении.

Харкер прищурился.

— Так-так-так. Это уже интересно.

— Мне тоже так кажется, сэр.

— Может, Господь все-таки не коммунист. И кто же этот Феликс?

— Питер Блум.

Бригадный генерал потрясенно вскинул брови. В его глазах заблестел огонек.

— Вот оно в чем дело, Уайт, ясно. Мне следовало понять это с самого начала.

Он умолк и потер лоб.

Рэйчел воспользовалась моментом.

— Сэр, я бы посоветовала как можно скорее воспользоваться этими сведениями и сообщить отделу Ноэля Саймондса в Летнем управлении. Со всем уважением, сэр, лучше, если бы это исходило от заместителя директора Лиддела.

Харкер цокнул языком.

— Нет. Исключено.

— Сэр, я знаю, как вы хотите не выпускать это дело из рук, но русские не дураки, они поймут, что Кулагин рассказал нам все. Они могут вытащить Блума и распустить его ячейку. А раз Блум

в Летнем городе, то, конечно же, Летнее управление лучше…

Генерал поднял руку.

— Уайт, вы ведь работаете здесь дольше меня, верно?

Рэйчел кивнула. Да, и ты сидишь по ту сторону стола только потому, что учился в Итоне вместе с сэром Стюартом и мочишься стоя, сказала она себе, сохраняя бесстрастное выражение лица.

— Поступила на службу в семнадцатом, сэр, как раз перед концом войны.

— И со всем своим опытом вы этого не видите? Что ж, позвольте открыть вам глаза. — Он поднял палец. — Появляется буйный русский, причиняет кучу хлопот, заявляет, что хочет переметнуться, но умолкает в присутствии старших офицеров. Почему?

Рэйчел непонимающе уставилась на Харкера.

— Потому что, — продолжил генерал, — он считал, что лучше сумеет облапошить на допросе женщину! Притворится, что открылся ей, заставит ее почувствовать себя особенной, а после этого выдаст информацию о якобы кроте в дружественной разведслужбе. Он даже отлупил ее как следует, только чтобы выглядеть серьезным. А под конец вышиб себе мозги, чтобы мы

не могли больше его допросить. Мы примем его «информацию» за чистую монету, выставим себя полными дураками перед жмуриками, а пока мы сталкиваемся лбами, русские будут подзуживать чертовых луддитов и других идиотов, которые считают, будто мертвые отнимают их рабочие места. Как вам такое, Уайт?

«Как самый большой идиотизм, какой я слышала в жизни», — подумала Рэйчел. Ее затопила ярость, ледяная и мощная, как водка, наполнила до краев, так что любое слово или движение могло нарушить тонкое поверхностное натяжение и она выплеснулась бы вся целиком.

Рэйчел сидела не шевелясь и глубоко дышала, пока прилив гнева не прошел. Генерал откинулся назад.

— Так что же, Уайт?

— Со всем уважением, сэр, — медленно произнесла Рэйчел, — я допрашивала Кулагина две недели. Он не засланный агент. Могу поставить на это свою профессиональную репутацию. Да, я считаю, что он не хотел полноценно с нами сотрудничать, но если есть хоть малейший шанс, что его сведения подлинные, мы должны действовать.

— Ну что ж, вы сами это сказали. Они не могут

быть подлинными.

— Почему?

— Блум проверен со всех сторон. Мы знаем его людей. Я лично знаю его людей. Он просто не может быть предателем.

— Я годами твержу, сэр, что именно в этом и заключается наша проблема — мы недооцениваем возможную глубину и широту проникновения Советов в разведслужбу. Контрразведка — это хорошо, мы можем отследить, откуда получают деньги коммунистическая партия или луддиты, но если отрицать вероятность реальной угрозы…

— Уайт. Хватит. Остановитесь.

Рэйчел сглотнула. Горло жгло, как открытую рану.

— Если вы это отрицаете, что ж, значит, это… некомпетентность.

И как только она выплюнула последнее слово, голос пропал окончательно.

— Вы лишь доказываете мою правоту, Уайт, — сказал Харкер. Он слабо улыбнулся, голос его звучал тепло и с пониманием. — Знаете, как-то раз в Индии я велел высечь чиновника, который говорил со мной в таком вот тоне. Хорошая традиция. Там это принесло массу пользы, это уж точно. Но я не был бы джентльменом, если бы

не учитывал ваши естественные ограничения. Видите ли, Кулагин выбрал целью вас, потому что мог сыграть на ваших навязчивых идеях. Все эти истерики… — Генерал фыркнул. — Меня всегда это в вас беспокоило, Уайт. Это сложная, срывающая нервы работа, и должен признать, у вас неплохо получилось с тем странным ирландцем, луддитом и прочими. Весьма замечательно, учитывая естественные ограничения. Но когда я читал ваш последний рапорт, мне показалось, что лучше всего вам работалось в картотеке. Вспомогательная роль больше подходит вашей излишней эмоциональности, по крайней мере временно. Рабочий день короче, меньше нервного напряжения. Уверен, Джо согласится, разве не так?

Рэйчел онемела. Все вокруг завертелось.

— Кажется, в финансовом отделе есть вакансия. Мисс Скэплхорн найдет место для человека вашего калибра.

— Я бы предпочла уйти в отставку, — просипела Рэйчел.

— Такой вариант у вас тоже есть, разумеется. Однако в этом случае возникнут проблемы с вашей пенсией и Билетом. Что было бы весьма прискорбно.

— Я… Я…

— Нет нужды ничего говорить, Уайт, вам нужно время прийти в себя. Почему бы вам не взять несколько дней отпуска? А в четверг доложитесь в корпус Ф. Свободны. И передавайте наилучшие пожелания старине Джо.

* * *

Рэйчел шла по главному коридору Вормвуд-Скрабса. Голоса, шаги и металлические звонки эктофонов отражались эхом от стен из кирпича и бетона, тонули в спутанном хоре ее мыслей. Она не могла сейчас выдержать клетушку своего кабинета, схватила пальто и через боковую дверь вышла на маленькую площадь, бывший прогулочный двор тюрьмы.

Холодный воздух освежил голову. Сумеречное небо было затянуто тучами. Рэйчел ничего не видела за пределами кирпичных стен, но городские огни превратили облака в янтарь и пурпур. Она решила, что именно так выглядит Лондон из Страны вечного лета. Каково это — быть Питером Блумом, видеть небесный город наверху и знать, что каждым своим действием, каждой мыслью он подтачивает его фундамент?

Ее карьера — это одно, но крот в Летнем управ-

лении — это рана в самом сердце Секретной службы. Может, потому Харкер и отказывался в это поверить. Это подрывает его концепцию естественного порядка вещей. И все же это имеет смысл. Последние операции в Испании окончились полным провалом. В России у них до сих пор нет ценных агентов, а крот — более простое объяснение, чем всепроникающее присутствие Вечно Живого.

— Привет, Рэйчел.

У входа во двор стоял Роджер Холлис в щеголеватом угольно-сером дождевике и с букетиком цветов в руках. У него было суровое лицо (если выражаться элегантно), волнистые каштановые волосы и мальчишеская фигура, несмотря на тридцать два года.

— Роджер? Что ты здесь делаешь? Разве тебе не следует заваривать чай для нового шефа в Бленхейме?

Несмотря на всю неприязнь к Харкеру, Рэйчел не могла не признать — несправедливо, что местные отделы — Ф, В, А и другие — втиснули в Скрабс, а внешняя разведка и отделы по связям с Летним управлением сидят в роскошном Бленхеймском дворце в Оксфордшире.

— Я заглядываю сюда время от времени, пови-

даться с друзьями.

Рэйчел улыбнулась. Ни для кого не было секретом, что бывшая секретарша Роджера Кэтлин Уилтшир из отдела В — его любовница.

— В общем, проходил мимо и услышал, что сегодня ты побывала в логове льва, не нашел тебя в кабинете и вспомнил, что обычно ты скрываешься здесь. Как прошло?

— Аллен что-то рассказал? Клянусь, он любит потрепать языком — больше, чем секретарши. — Рэйчел вздохнула. — Меня макнули в львиное дерьмо по самые уши. Похоже, с сегодняшнего дня я буду помогать бухгалтерии складывать числа.

— Ты же не всерьез.

Рэйчел кисло улыбнулась. Роджер оказывал на нее успокаивающий эффект. Они подружились на теннисном матче, который ее школьная подруга Лаура устроила несколько лет назад в попытке вытащить ее в высшее общество и, как подозревала Рэйчел, с кем-нибудь свести. С Роджером у нее ничего не было, но она разглядела в нем что-то знакомое. Под высокомерием и мальчишеским обаянием скрывалась пустота, которую было необходимо заполнить, именно это и привлекло его в Секретную службу.

— Произошел инцидент с источником, — объяснила она. — Кому-то пришлось взять на себя вину.

— Что ж, выглядит слишком сурово, даже для старины Джаспера.

Роджер откашлялся. После перенесенного в Гонконге туберкулеза звук был резким и скребущим. И хуже, чем в прошлый раз.

Он вытер губы платком.

— Может, расслабишься и расскажешь?

* * *

Кабинет Рэйчел занимал бывшую двухместную камеру. Окон в нем не было, и Рэйчел старалась проводить здесь как можно меньше времени, предпочитая работать в комнате для старшего персонала или в библиотеке. В результате маленький письменный стол в основном служил местом для складирования рапортов и копий дел, громоздящихся желтыми бумажными кипами с запахом плесени. Рэйчел села на край стола, предложив Роджеру собственный стул.

Она рассказала обо всем, не называя Кулагина и не вдаваясь в детали операции.

— Тревожит меня главным образом вот что: если мы ничего срочно не предпримем, крот

зароется в нору и заберет с собой наши овощи. Уверена, что пока мы тут разговариваем, НКВД уже размышляет, как с наименьшим ущербом вытащить своего человека. И я не сумею этого предотвратить, заполняя расходные бланки у мисс Скэплхорн.

— И что у тебя на уме? — спросил Роджер.

— Ну, мы оба знаем нескольких младотурков в Летнем управлении — Берджесса, Пикеринга, Саймондса, а некоторые из них по-прежнему посещают званые вечера у Харрисов. Я могла бы просто намекнуть, что в их гнезде есть кукушка.

Роджер откинулся на стуле.

— А твой проштрафившийся перебежчик назвал имя?

Вместе с холодком вечернего воздуха нахлынула жуткая, параноидальная мысль. Роджер может пойти к Харкеру и рассказать о ее планах действовать через его голову. Это было бы вполне логичным поступком. Рэйчел посмотрела на него, размышляя. В мерцающем свете голой лампочки на потолке его глаза искрились темными отблесками. Потом он закашлялся и снова стал ее другом Роджером.

Уж насколько она не выносила, когда школьные связи помогали людям вроде Харкера занять

пост без настоящей квалификации или компетентности, в случае Роджера именно Рэйчел воспользовалась своим положением, чтобы помочь другу. Он дважды подавал заявление в Секретную службу и дважды был отвергнут на том основании, что во время работы журналистом в Гонконге якшался с сомнительными личностями. Для Рэйчел это означало лишь, что он как следует выполнял свою работу.

Она пошла к сэру Вернону, тогдашнему главе Секретной службы, и попросила еще раз рассмотреть кандидатуру Роджера, при этом порекомендовала и поручилась за него. И в результате он стал ее помощником. Он ни разу не дал ей причин сомневаться в своем решении, оказавшись добросовестным исследователем с проблесками гения, и она порадовалась, когда его забрали в Бленхейм. И все-таки осторожность не помешает.

— Нет, — наконец сказала она. — Только кодовое имя. Феликс.

— Ясно. Честно говоря, Рэйчел, не думаю, что этого достаточно. Смерть сделала этих нечестивцев донельзя осторожными. А перед Си все хотят распушить перышки. Чтобы их убедить, у тебя должно быть что-то более существенное. А кроме

того, пусть Джаспер и не отличит свою задницу от лба, но в чем-то он прав. Может, русского послали сюда, чтобы устроить кавардак. Ты же знаешь, как я ценю твои суждения, но…

— Что — но?

Рэйчел не могла избавиться от резкости в голосе. После бессонной ночи и встречи с Харкером она была вымотана и зла, и последнее, что она хотела услышать от Роджера, так это согласия с генералом.

— Успокойся.

Он примирительно поднял руки, а затем вытащил из кармана пиджака пачку сигарет и предложил Рэйчел закурить, сунул сигарету в рот и поднес и себе, и ей богато украшенную золотую зажигалку с драконом.

— Я лишь говорю, Рэйчел, что, возможно, стоит переждать. Я знаю, что Лиддел и Вивиан тебя уважают. Они могут пойти к сэру Стюарту. И я бы поставил на то, что рикошетом заденет Джаспера.

— Лидделу и Вивиану козел отпущения за весь этот кавардак нужен не меньше, чем Джасперу.

Рэйчел быстро затянулась сигаретой.

— Ну, может, скоро я смогу кое-что для тебя сделать, — сказал Роджер.

Рэйчел вытаращилась на него.

— Говорят, это не больно, в особенности под барбитуратами. Хотя запомнить Билет — та еще головная боль. Думаю, лишние повороты и кульбиты добавлены специально для Управления.

— Это же великолепно, Роджер. Я за тебя рада, — сказала Рэйчел без всякого выражения.

— И я благодарен, — тихо произнес он. — Ведь этим я обязан тебе, Рэйчел. Ты просто затаись на время, а я распущу слух, что во всем виноват Джаспер. Несколько месяцев у мисс Скэплхорн, подумаешь. Ты справишься. А пока что займи себя делом и проводи больше времени с Джо.

— Слишком высоки ставки! Мои проблемы с Харкером — полбеды, но что, если в Летнем управлении крот? Если есть хоть малейший шанс, что источник сказал правду, я должна что-то предпринять.

— Но мы этого не знаем. Мы не знаем, кто крот и к чему он имеет доступ. Все не так плохо, как тебе кажется. Ты так болезненно реагируешь, потому что тот мерзавец тебя ударил, я вижу, как ты потрясена. Подумай рационально, всего на секундочку…

— Ах, вот как? Джаспер завершил разговор, заявив, что естественные ограничения делают

меня неподходящей для этой работы. Ты думаешь, я расстроилась, потому что меня ударил русский громила? Ну спасибо тебе, Роджер. Я так рада, что ты мне это разъяснил.

— Бога ради, Рэйчел, я знаю, что у тебя стальные нервы. Просто я думаю, что ты совсем не понимаешь Зимнее управление.

— Я провела здесь полжизни. Думаю, я достаточно хорошо его понимаю.

— Со всем уважением, вероятно, ты просто не позволяешь себе понять. Не хочешь смириться с тем, что бестолочи вроде Харкера получают всю славу, пока мы делаем всю работу. Но они мелочны и дерутся между собой. Мы можем этим воспользоваться, чтобы побить их в их же игре.

— Да неужели?

Что с ней не так? Она должна быть благодарна Роджеру, но стоит открыть рот, как из него вылетают только колкости.

Роджер вздохнул.

— Все потому, что когда-то ты мне доверяла, Рэйчел. Я просто пытаюсь отблагодарить тебя и защитить.

— Я не нуждаюсь в защите.

— Только от себя самой. Помнишь, о чем мы говорили на том теннисном матче?

Сигарета Рэйчел превратилась в столбик пепла. Она выбросила ее в мусорную корзину. Рэйчел замерзла, устала и чувствовала себя опустошенной. Она не ответила.

— Ты спрашивала меня про Гонконг, каково это — жить в другой стране с другим языком. Я сказал, что это тяжело, даже спустя долгое время не можешь разобраться, о чем на самом деле думают люди, между вами всегда стоит невидимая стеклянная стена. Это одиночество. Думаю, тебе стоит решить, в какой стране ты хочешь жить, Рэйчел. Я буду поблизости, если понадоблюсь.

Когда он вышел, его кашель гулко раскатился по коридору.

* * *

Некоторое время Рэйчел сидела в одиночестве, глядя на выцветшие карандашные надписи на стене, которую она использовала как импровизированную доску. Роджер прав, и она это знала. Не высовывайся, ищи союзников, не отказывайся от ответных услуг, выжидай. Именно так все и работает. Именно так и действует Блум.

В ее памяти снова всплыло лицо Кулагина, а за ним маячило другое, словно враждебная планета. Широкий лоб, аккуратная борода. Ли-

цо, сотканное из тьмы и душ умирающих. Она подумала о потерянных испанских агентах. Подумала о своей матери в Стране вечного лета и саде ее памяти, о ее голосе по эктофону. Империя покорила когда-то самый устрашающий рубеж, а Секретная служба стоит на страже империи. Когда Рэйчел поступила туда во время Великой войны, много лет назад, все это понимали. Они были так молоды, они были живыми. Никто не возражал продвинуть по служебной лестнице сотрудницу картотеки, и она начала анализировать радиопереговоры — мужчин не хватало.

«У тебя должно быть что-то более существенное», — сказал Роджер. А потом голос Харкера: «Мы знаем его людей».

Кто знает людей Питера Блума? Кто его проверял?

Было уже поздно, но у нее еще есть доступ к картотеке. Рэйчел села за стол, выудила из-под груды пыльных бумаг эктотерминал и набрала запрос. Полчаса спустя она была на пути к дому, а в сумочке лежала коричневая картонная папка.

5. День в Летнем управлении, 9 ноября 1938 года

Когда на следующий день Питер Блум проснулся, его дом в Нижнем районе Летнего города выглядел совсем не так, как полагается.

Открыв глаза, он увидел, что лежит голым на полу пустой сумрачной комнаты с неровными стенами из песчаника, покрытыми написанными мелом символами и темными ржавыми потеками. Выглядела она как камера пыток. В воздухе пахло копотью и дымом.

Питер выругался. Видимо, он заснул, и дом воспользовался этим, чтобы вернуться к прежнему состоянию.

Как и все в Стране вечного лета, дом состоял из душ. Каждый кирпичик — лусит, твердое вещество, остающееся после полного угасания души, потерявшей все воспоминания. Тысячелетия назад Старые мертвые (так эсхатологи называли потерянную цивилизацию, предшествующую современной эре) собрали их и создали Летний город. Затем древние здания исчезли. После изобретения эктофона на пороге нового столетия

загробную жизнь научились использовать, и прибыли английские мертвецы. Эфироархитекторы перестроили город, включая дом Питера, превратившийся в особняк в викторианском стиле, подходящий для джентльмена. Но кирпичи сохраняли чужие воспоминания, и если вовремя не показать, кто здесь хозяин, они просачивались наружу.

Питер чувствовал себя опустошенным и ослабевшим. Он истощил всю прану до полного оцепенения, вот дом и вышел из-под контроля. Но почему? С внезапным приступом ужаса Питер понял, что воспоминания о предыдущем дне слишком рваные, а это первый признак угасания. Он знал, что был в Мадриде. Но выяснил ли там что-то нужное, прежде чем это забыл?

К счастью, Фонтан по-прежнему стоял на месте — похожий на лампу постамент с латунным наконечником и кнопками, соединенный трубкой со стеной. Питер крутанул диск вызова. Комнату залило яркое и теплое сияние праны, сферы размером с пламя свечи.

Питер подставил ладони, и нити жидкого света из сияющей сферы полились в них. Он выпил этот свет, и мысли наполнились вкусом приправленной медом каши. Его наполняла кон-

центрированная жизненная энергия, и память постепенно возвращалась, как фотография в проявителе. Он снова мысленно пробежался по вчерашнему дню и заполнил провалы.

Устав после встречи с Инес, он все же заставил себя написать два рапорта, как всегда, один — зашифрованный, своему куратору Джорджу, другой — для Си, шефа Летнего управления. Обычно два отчета были идентичны, но требовалось посоветоваться с Джорджем относительно присутствия в Испании Джугашвили, прежде чем посылать рапорт Си.

Питер попытался мысленно перенестись к одной из закладок — эктофону на аккумуляторах для записи сообщений, но маячок оказался неактивным. Это было вполне в порядке вещей — аккумуляторы эктофона работали меньше недели, а заменять их приходилось вручную. Однако маячки двух запасных эктофонов тоже не работали. Видимо, Джордж уехал из страны, а его оперативники забыли поменять батарейки. Вымотанному мысленными путешествиями Питеру не осталось другого выхода, кроме как отправить неотредактированный отчет Си по эктопочте. Курьер-призрак принес ответ почти мгновенно, с требованием прибыть ровно в де-

вять утра. Мертвый глава разведслужбы никогда не спал — в отличие от слишком утомленного заданием Питера.

Полностью проснувшись и влив в себя прану, Питер бросил мысль в грубые стены. Пыточная качнулась, словно смущенно пожимая плечами, и превратилась в приятную комнату с белыми обоями, мягким бежевым ковром и занавесками на окнах. Она была маленькой и голой, по образу и подобию его прежней квартиры в Кембридже, в ней было совсем мало личных вещей, не считая толстого дневника на столе, закрытого душой-замком, который мог открыть лишь его собственный лусит.

В какой-то мере Питеру было жаль, что дому приходится носить маску. Да и так ли важно, как выглядит дом, если в конечном счете все это — эфир и души? Уже несколько десятилетий физики знали, что даже мысли живых — всего лишь узелки водоворотов в эфире. В четвертом измерении Страны вечного лета каждый узелок можно было развязать, и тем самым призрак изменял реальность силой мысли, но для поддержания текущей конфигурации требовалась энергия.

Маленькие эфирные часы на столе показывали десять минут девятого утра по Гринвичу. Он еще

успевал в Летнее управление к девяти.

Питер взглянул в гиперзеркало — высокую призму полированного лусита в серебряной раме, единственный предмет мебели в комнате помимо стола. Гиперсветовое отражение представляло собой трехмерный образ, и Питер осмотрел себя со всех сторон. Внутри призмы стоял обнаженный мальчик лет одиннадцати, темноволосый, круглолицый, с красивыми серыми глазами и серьезным выражением.

Питер посмотрел на изображение и сосредоточился. В одно мгновение мальчик вырос и превратился в молодого человека с более объемным брюшком, чем хотелось бы, треугольником темных волос на лбу и задумчивым выражением лица. Питер создал из эфира одежду — черный костюм в полоску, ботинки-оксфорды, элегантный галстук и золотые часы на цепочке. Взмахом ладони он завершил наряд шляпой и плащом. Это его удовлетворило. Питер пошел к двери и наступил на что-то твердое и продолговатое.

Во время его сна у двери собрались ошметки мыслей. В Стране вечного лета опасно спать — пластичный эфир может придать форму кошмарам. На этот раз порождения его подсознания выглядели достаточно безобидно: абстрактная

картина, закрученная спиралью лента, несколько мертвых белых мотыльков и игрушечный солдатик.

Под влиянием порыва Питер подобрал солдатика. Он был примитивно склепан из олова, но аккуратно раскрашен в хаки и зеленый. Питер сунул его в карман. Можно поставить его на стол в рабочем кабинете, пока он не угаснет.

* * *

В постоянном сумеречном освещении Страны вечного лета ряды мраморных фасадов на улице Эхо отливали розовым.

Эфироархитекторы постарались на славу. В Летнем городе жили миллионы Новых мертвых с Билетами, его созданные из эфира и скрепленные коллективной верой кварталы представляли лучшее, что может предложить Британская империя. Когда Питер впервые переехал в Нижний район, он мог бы принять этот квартал за Мейфэр, если бы не отсутствие птичьего щебета и смены времени суток.

И все же чем дольше он жил в Стране вечного лета, тем более странным все казалось. Гиперзрение становилось более острым, развивалась способность перемещаться в двух новых направ-

лениях, невидимых для живых.

Одно из них — направление ана, то есть наверх в четвертом измерении. В направлении ана лежал мир живых, в собственном тонком слое эфира. А дальше — Неведомое, загадочный источник гиперсвета и душ. Луситы падали из ана и складывались в плотные эфирные формы, например, как мозг при рождении.

После смерти лусит отделялся и опускался ниже сферы мира живых, в направлении ката — то есть вниз в четвертом измерении. Душикамни забирали с собой в Страну вечного лета воспоминания — так почва прилипает к корням выдернутого дерева. Но угасание постепенно уносило память, пока не оставался лишь лусит.

Питер часто гадал, почему большинство призраков просто не обращает внимания на бесконечность ката внизу. Даже сейчас, когда он шел по маленькому, но тщательно ухоженному парку Адельфи в сторону станции метро на углу улиц Крепость и Эхо, Питера не покидало ощущение, что он пересекает театральную декорацию из папье-маше, которую может повалить одним резким тычком.

Скорее всего, именно это и случится с ним самим, если он совершит хоть малейшую ошибку

с Си.

Был час пик. На станции толпились призраки, в основном влиятельные Новые мертвые, работающие на верхних ана-уровнях города. Некоторые мужчины в хороших костюмах скончались уже так давно, что перестали ходить, вместо этого передвигаясь особыми скользящими движениями, едва касаясь мостовой начищенными до блеска ботинками.

Питер спустился на станцию и встал в очередь на круглой платформе, в центре которой возвышался купол туннеля. Прибыл вагон — в потоке мерцающего света возникла большая стеклянная полусфера. Питер влился в нее вместе с остальными и крепко схватился за потолочную ручку, когда вагон выстрелил в направлении ана.

Мысленное путешествие заняло бы меньше времени, но общественный транспорт — хороший способ сберечь прану, а гипервиды через стекло позволяли рассмотреть все четыре измерения города. В четвертом измерении здания стояли друг на друге, как слои свадебного торта. Чердаки и чисто декоративные трубы дымоходов сливались с фундаментами следующего уровня ана или ката, или смыкались стенами и крышами под эшеровскими углами. Питер уже не в первый

раз подумал об аналогии с сотами.

Он оглядел бесстрастные лица пассажиров, которые шуршали газетами, словно крыльями мертвых насекомых. Что бы подумала Инес об этой буржуазной загробной жизни, где мертвые по-прежнему занимаются рутиной, как ожившие рабочие пчелы? Возможно, она поняла бы, что ее борьба за нечто более важное, чем ее личность, сама по себе рай. По мере того как поезд поднимался в ана и свет Неведомого становился ярче, Питер все сильнее желал, чтобы ему не пришлось отбирать это у нее.

* * *

Вышел Питер на остановке «Альберт-парк», в ана-конце улицы Крепости, оттуда до цели он дошел пешком.

Штаб-квартиру Летнего управления создали по образу и подобию Бленхеймского дворца, его дублера в мире живых — длинное здание в стиле барокко со строгими каменными башенками бельведеров на фоне неба. В нем работали тысячи призраков, которые занимались всем — от вербовки, логистики и архивов до анализа разведданных, а также обеспечивали шифрование связи для британских вооруженных сил. Быстро

шагая в сторону здания, Питер еще раз мысленно пробежался по своему рапорту.

Русский раскольник хочет захватить власть в республике Испания. Есть близкий к нему агент. Вероятный агрессивный ответ Советов на развертывание эктотанков. Питера не покидало чувство, что он совершил ошибку и Си что-то подозревает.

Питер поднялся по широкой лестнице главного входа, в глаза сразу бросились отличительные черты Летнего управления в Стране вечного лета. Слишком много стен под немыслимыми углами, и время от времени все здание мерцало, как мираж. Двор был гиперкубом, а души-камни оберегали его секреты со всех сторон, даже ана и ката.

Питер расписался в регистрационной книге на входе отпечатком своего лусита, потом подождал призрака-помощника, который проводил его к кабинету Си на шестом ана-этаже. Даже для главы отдела вроде Питера требовался провожатый. Эфироархитектура здания постоянно менялась, чтобы избежать враждебного проникновения, и в результате оно превращалось в путаницу коридоров, проходов и промежуточных этажей, гиперзеркал и тупиков. Все равно что идти сквозь

оптическую иллюзию.

По мере приближения к кабинету Си тревога Питера росла. Он напоминал себе, что никаких мер безопасности недостаточно, чтобы уберечь Управление от проникновения изнутри. Но во время подъема по калейдоскопу лестничных проемов, сворачивающих то в ката, то в ана, привычное чувство собственного превосходства ему изменило.

* * *

Войдя в кабинет, Питер увидел Си, чей профиль с выступающим подбородком выделялся в струящемся из окна ослепительном свете Неведомого.

— Входите, Блум.

Питер сел перед длинным столом. Ему потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть к свету и придать лицу бесстрастное выражение. Шеф любил этот момент и использовал его, чтобы оценить посетителей.

Си повернулся, склонил круглую голову с редеющими медными волосами над лежащими на столе бумагами и несколько минут не обращал на Питера никакого внимания. Периодически тонкие губы слегка морщились, но от удовольствия или неудовольствия, Питер понять не мог.

Читать души можно было только у живых или призраков недавно скончавшихся и еще не овладевших эфиропластикой.

Наконец Си откинулся на стуле и поднял к правому глазу монокль в роговой оправе, увеличив глаз до нелепых пропорций. И этот взгляд циклопа был настолько пронизывающим, что непроизвольный смех замер на губах Питера.

— Так что же? — сказал Си.

— Сэр?

Си молчал. Питер откашлялся.

— Сэр, я думал, вы пригласили меня, чтобы обсудить мой рапорт.

— Нет.

Си резко покачал головой, и монокль выпал из глазницы. Взгляд не увеличенных стеклом глаз почему-то оказался даже более пронизывающим.

— Нет?

— Нет. Я пригласил вас сюда потому, что мне понадобится новый глава Иберийского отдела. — Си снова скривил губы. — Что вы можете сказать по этому поводу?

Лусит Питера превратился в холодный и мертвый комок в груди. На краешке сознания голос Джорджа шептал молитву раскрытых агентов.

«Ни в чем не признавайся. Все отрицай. Выдвигай встречные обвинения».

Он выпрямился и посмотрел на Си.

— Сэр, я знаю, что в последнее время отдел столкнулся с трудностями, я несу за это полную ответственность. И все-таки я считаю, что вербовка Палача (эту кличку Питер придумал для Инес) — это прорыв, и…

— Да, согласен.

— С чем согласны, сэр?

— Что это прорыв. Вот почему мне нужна ваша рекомендация на пост нового главы отдела.

— Не понимаю.

— Мальчик мой, все просто. С этой минуты вы будете слишком заняты, чтобы руководить отделом. Вы будете работать в только что созданном спецкомитете по проблемам Иберии. Вы поможете мне убедить премьер-министра, что мы должны поспособствовать этому Джугашвили захватить власть в Испании.

Убедить премьер-министра.

На сей раз Питер чуть не потерял контроль над своей эфирной сущностью. Лежащие на коленях руки вдруг превратились в детские, торчащие из рукавов не по размеру. Он закрыл глаза и постарался сосредоточиться на своем мыслеобразе.

Что-то укололо его из брючного кармана, и он вспомнил про игрушечного солдатика.

— Блум? Что с вами?

Он сделал глубокий вдох.

— Все в порядке, сэр. Просто… я удивлен.

— Могу дать вам немного праны, если хотите.

Питер покачал головой. Си потянул пальцы и посмотрел на него.

— Блум, я ожидал немного другой реакции.

— Сэр… Я польщен. Правда. Просто… Сэр, как вы прочитали в моем рапорте, Вереск поспешил с Палачом, и лишь по чистой удаче я сумел нащупать то, что поможет вербовке. Я рекомендовал бы провести с Палачом более тщательную работу, прежде чем включать в основную операцию. Со всем уважением, сэр, но этим лучше всего заняться мне.

Помимо кипы бумаг на краю стола стояла деревянная подставка, а на ней пузырьки с разноцветными жидкостями. Вероятно, напоминание о невидимых чернилах, которые Секретная служба использовала в мире живых, еще до появления Летнего управления. Си вытащил один пузырек и внимательно осмотрел.

— А знаете, — сказал он, — что одни из лучших чернил, которые у нас были в прежние времена,

это сперма? — Шеф криво улыбнулся. — Да-да, чистая правда. Они прекрасно служили, а у оператора был… хм… неисчерпаемый источник. Один наш агент в России пытался сохранить их про запас, и его буквы провоняли так, что хоть святых выноси. Пришлось сказать ему, что для каждого письма нужны свежие чернила. Можете смеяться, но мне это всегда казалось поэтическим. Наши солдаты истекают кровью, но сколько раз нас просили передать ее величеству именно эту телесную жидкость? Вы не служили в армии, Блум?

— Нет, сэр.

— Тогда, вероятно, вы не в полной мере понимаете, на какие жертвы порой приходится идти.

Си откинулся назад и рассеянно почесал левую ногу. Он умер в страшной автомобильной аварии, также унесшей жизнь его сына, у которого не было Билета. Раздавленная нога Си застряла в обломках машины. Он отпилил ее перочинным ножом и подполз к мальчику. Их нашли вместе, отец обнимал сына.

Месяц спустя Си снова приступил к работе.

— Буду с вами откровенен, Блум. Ваш отдел мог бы выполнить это задание лучше, а теперь мы по уши в крови. Адмиралтейство хочет войны.

Все станет гораздо хуже, прежде чем мы увидим какие-то улучшения. Премьер-министр четко дал понять, что ему нужна информация из первых рук, так что придется вам отдуваться. Нужно сказать ему очень неприятные вещи. Если, услышав это от вас, он решит остановить войну, вы должны убеждать его до посинения. А с новым источником разберется Вереск. Вам все ясно?

Питер сглотнул комок в горле.

— Да, сэр.

— Вы справитесь, Блум. Вы справитесь, — сказал Си, и теперь его сердитый голос звучал мягче.

* * *

Из кабинета Си Питер вышел оглушенным. Его собственный кабинет находился на четвертом ана-этаже. Он прошел через Польский и Итальянский отделы, мимо входа в Трубу — луситовую башню, ведущую прямо в эфир мира живых и обеспечивающую безопасные звонки по эктофонам в Уайтхолл и Бленхейм, не покидая Летнего управления.

Питер закрыл дверь, сел за стол и откинулся на спинку стула. Повсюду паутиной раскинулись заметки и диаграммы испанской операции, мыс-

ленно написанные им в эфире. В центре парила фотография Инес, сделанная Вереском, ее взгляд выглядел даже суровей, чем помнил Питер, если это вообще возможно. Питер раздраженно махнул рукой. Аккуратные белые строчки, линии и прямоугольники мигнули и исчезли как дым.

Теоретически он должен радоваться. Он получил беспрецедентный доступ на самый верхний этаж власти империи, причем в критический момент, когда может оказать неоценимую помощь делу Вечно Живого.

Так почему же он в таком ужасе?

Питер вытащил из кармана оловянного солдатика и поставил его на стол. Солдатик смотрел выжидающе, грубые руки без пальцев сжимали винтовку. Питер вспомнил, как играл в родительской гостиной много лет назад. Пузатый человек расставляет крошечные войска и ползает на четвереньках — краснолицый Гулливер, командующий государством лилипутов.

Премьер-министр.

И тут ему показалось, что плотные луситы стен Летнего управления сжимают его в тиски. Нужно было работать — Си велел за два дня подготовиться к разговору с премьер-министром, — но Питер никак не мог сосредоточиться.

Джордж. Нужно повидаться с Джорджем. Куратору надо рассказать про Джугашвили и открывшуюся возможность. Предостаточно оснований, чтобы встретиться с миром живых.

На мгновение он даже убедил себя, что именно по этой причине и хочет увидеться с Джорджем.

Питер взял пальто и шляпу и вышел.

* * *

Оказавшись снаружи Управления, на широком бульваре, среди великолепия зелени Альберт-парка, отливающей янтарем в постоянном свете Неведомого, он обдумал варианты. До следующей запланированной встречи еще почти месяц. Придется воспользоваться протоколом на случай непредвиденной встречи, такого прежде не случалось. Джордж подчеркивал, что к этому следует прибегать только по очень серьезной причине.

Питер поразмыслил, представил статую льва в конце улицы Крепости и перенесся туда.

Альберт-парк расплылся в оранжевой дымке, а образ льва перенес Питера сквозь эфир. А может, он остался на месте, и это эфир обтек его прохладным потоком, унося часть праны, пока не исчезла разница между видением и реальностью.

Питер стоял между мраморными передни-

ми лапами статуи. Он развернулся, и впереди нависла огромная Крепость, похожая на половинку черной жемчужины, старейшее здание в городе. По сравнению с ней все причудливые эфирные строения около Альберт-парка выглядели карликами. Темная полусфера находилась одновременно на всех уровнях города. Звучали предложения разобрать старинное сооружение и использовать нескончаемый запас его луситов, но пока что ученые империи не сумели разгадать утерянное эфирное искусство, с чьей помощью тысячелетия назад возвели Крепость.

На площади толпились люди. Крепость привлекала туристов, в особенности недавно умерших, осматривающих достопримечательности города. Питер миновал группу детей, чьи нетренированные души искрили удивлением и ужасом, и солдат, в чьих эфирных телах зияли унесшие их жизни кошмарные раны. Питер обошел Крепость, пока не обнаружил Слушателя.

Слушатель был бледным человеком, угасшим до такой степени, что его лусит горел яркой звездой в груди, а лицо едва можно было разглядеть. Он водил серыми, похожими на дым пальцами по черным камням изгибающейся стены и что-то нашептывал, слова отражались неразборчивым

эхом от древних душ-луситов. На земле лежала шляпа, а в ней блестела пригоршня световых шиллингов и пенсов.

Питер окинул его полным жалости взглядом. Хотя в теории государственная служба умерших гарантировала минимальный уровень праны и жилье для всех обладателей Билета, прибывающих в постоянно расширяющийся Летний город, преждевременное угасание часто означало, что призрак переставал ощущать себя частью системы. Непредсказуемый процесс. Многие угасшие сохраняли единственное воспоминание или страсть, определяющие все их существование.

— Старые души говорят, — тоненьким голоском произнес Слушатель. — Они расскажут тебе о прошлом и будущем. Всего за один прана-шиллинг.

Питер улыбнулся и покачал головой.

— Нет, спасибо. Предпочитаю выяснить это старомодным способом.

Питер гадал, в самом ли деле этот человек служит Вечно Живому или он просто посредник для другого агента. Притворяется ли он или и впрямь пожертвовал своими воспоминаниями, своей сущностью ради служения великой цели? Было нечто знакомое в полном погружении Слушателя в то, чего другие не видят и не слышат.

С помощью согласованного с Джорджем простейшего шифра Питер отсчитал желательную дату встречи (завтра) в монетах-луситах. Яркие диски со звоном упали в шляпу, и Питер как будто сбросил груз с плеч.

Куратор подскажет, как быть.

Слушатель не обратил на него ни малейшего внимания и вернулся к своему занятию. Питер двинулся дальше, пока не нашел место у стены, где поблизости никого не было. Он прижал ухо к гладкой холодной поверхности, закрыл глаза и прислушался.

6. Как приручить слона, 5 ноября 1938 года

В субботу Рэйчел Уайт направилась к мертвому главе разведслужбы, но по дороге поняла, что за ней хвост.

Поначалу просто сработало чутье — знакомая походка, лицо или шляпа. На Чаринг-Кросс было не протолкнуться, все вышли прогуляться в солнечный осенний денек. Она остановилась у киоска, продающего старые пластинки, и сделала вид, что изучает обложку Шуберта, а на самом деле следила за прохожими.

Вокруг расхаживали мальчишки-газетчики с рекламными плакатами на спинах: «Страшная правда, от которой волосы встанут дыбом». Рабочие клали дымящийся вонючий асфальт. Глянцевые электрокары и тряские старые автобусы бок о бок продирались сквозь затор, гудели клаксоны. Какой-то юнец в свитере бросил на нее оценивающий взгляд. Мимо шли бледные работники эктофабрики в потрепанных пальто. Представитель профсоюза кебменов сунул ей листовку о дьявольских призрачных кебах и

безработице.

Ничего. Никаких знакомых лиц, шляп или походки. Она уже подзабыла шпионское искусство уходить от слежки и устраивать тайные встречи, но по-прежнему знала, как построить маршрут для обнаружения хвоста: логичный путь через город, который вынудит соглядатая раскрыться. За прошедшие три часа она петляла по городу в метро, проехала на нескольких кебах и побродила по универмагу «Хэрродс». Книжный магазин Фойля был конечным пунктом.

Конечно, группа агентов вполне могла следить за подозреваемым, не обнаруживая себя. Группу из четырех человек и более засечь почти невозможно. К тому же Рэйчел никак не могла почувствовать эфирную слежку, хотя дозорные-призраки в дневное время были почти бесполезны.

Не слишком ли она осторожничает? Все в Зимнем управлении знают, что она вполне довольна работой в финансовом отделе — Рэйчел поступила именно так, как советовал Роджер. Она разбирала скучные бумаги, с чем могла бы справиться любая девчонка, разве что на них стоял гриф «секретно», заверяла банковские запросы на финансирование зарубежных операций и

сводила баланс по намеренно затертым строкам расходов. Обедала она с младшим персоналом в столовой, подальше от прежних коллег. Очень редко пересекалась с Лидделом, Вэ-Вэ или другими старшими офицерами, с благодарностью принимала пустые обещания поддержки и намекала, что скоро подаст в отставку, как только обеспечит себе Билет.

Рэйчел и сама почти себе поверила, если бы не содержимое коричневой папки, которую она забрала из Вормвуд-Скрабса, и ответ на анонимное эктописьмо, посланное упомянутому в папке субъекту два дня назад.

Она пересекла улицу, огибая вчерашние лужи, и вошла в «Фойль». Потопталась в секции орнитологии, поискала книгу о кормлении вьюрков. Пригодится для легенды, над которой она работает.

За завтраком она сказала Джо, что собирается пройтись по магазинам. У него выдалась особенно тяжелая ночь. В спальне появилось холодное пятно, и Рэйчел легла в гостевой. Проснувшись, она обнаружила Джо на диване в гостиной, шторы были задернуты, над ним суетилась Гертруда.

— Может, купишь мне новую голову, дорогая? — сказал он. — Говорят, в «Хэррод» как раз

распродажа.

Она устыдилась, что так легко соврала.

— Думаю, и эта вполне годится, — ответила Рэйчел и поцеловала его в лоб.

И вот теперь, вдыхая запах новых книг и пробираясь по лабиринту полок, она задумалась о том, не завести ли и в самом деле птиц.

И тут она узнала молодого блондина в верблюжьем пальто, листающего книгу всего в тридцати футах от Рэйчел.

Память сопоставила его внешность с другими воспоминаниями о встречах по пути, и словно свет блеснул на гранях драгоценного камня. Пальто песочного цвета мелькало в «Хэрродс». Лицо человека, склонившегося над газетой на Оксфорд-Корт. Светлые волосы, зачесанные с высокого лба, и точеные черты.

Рэйчел прошла так, чтобы он ее заметил, и углубилась в недра магазина. Когда он свернул в секцию истории, она уже ждала.

Наткнувшись на нее почти вплотную, молодой человек замер.

Конечно же, Секретная служба наблюдает. Рэйчел была бы идиоткой, если бы думала по-другому. Кто-то, вероятно Харкер или Роджер, уже передали ее информацию Си в Летнем управ-

лении, и за ней приглядывают на случай, если она совершит какую-нибудь глупость. Это одновременно успокаивало и смущало, прямо как в детстве, когда мать поймала ее после побега с дочерью няньки за изготовлением чапати в местной бомбейской булочной.

Блондин сделал вид, будто не обращает на нее внимания, изучил полки и прикоснулся к корешку книги рукой в перчатке. Он был весьма привлекателен, слишком привлекателен для полевой работы, где истинные герои не имеют лиц и сливаются с толпой.

С другой стороны, сама Рэйчел находилась точно на своем месте. За столом. На полке. Она просто отказывалась это признать. Вот почему она спасла Кулагина от дуэли. Ей хотелось чего-то большего, чем пустая детская и преследуемый призраками мужчина в спальне.

Неважно. Азам искусства шпионажа нельзя противоречить — никаких встреч, когда за тобой хвост. Харкер, наверное, смеется за ее спиной, но она не доставит ему удовольствие, попавшись. Рэйчел вернулась обратно в секцию птиц и купила книгу об уходе и разведении гульдовых вьюрков. Когда она шла обратно к метро, у нее сосало под ложечкой.

— Простите, миссис Уайт? — спросил кто-то с явным акцентом государственной школы.

Прямо перед ней стоял молодой человек в верблюжьем пальто.

Рэйчел вздохнула.

— Скажите Харкеру, чтобы отправил вас обратно в Брикендомби, вам нужно еще подучиться, — сказала она.

— Вы меня неправильно поняли, мэм. Я не дозорный.

— Так просветите меня.

— Меня зовут Генри. Я всего лишь посланник. Не могли бы вы на минутку зайти внутрь? — Он махнул на вход в музей восковых фигур с вывеской «Ужасы окопов — больше ста фигур».

Рэйчел посмотрела на него.

— Всего на минуту, — ободряюще сказал блондин. — Позвольте. — Он подал ей руку. — Говорят, это великолепное зрелище. Наш общий друг, с которым вы работали в Вулверхэмптоне, тоже так считает.

Рэйчел подняла брови, взяла его под руку и позволила увести себя внутрь.

* * *

Музей восковых фигур был переполнен, стояла жара, воняло горелой пылью. Экспонаты находились в маленьких комнатках с низкими потолками, заполненных мешками с песком, изображающими окопы. В сумрачном освещении застывшие восковые фигуры в касках и военной форме изображали сцены боя.

Медик протягивал бойцу с забинтованной окровавленной головой Билет и склянку с цианидом. Кучка британских солдат сгрудилась за колючей проволокой, а на стене шла старая кинохроника — громады эктотанков надвигались на бегущих в атаку солдат, с каждой смертью все увеличиваясь в размерах, сбивая полевые орудия нитями эктоплазмы. Группа врачей и медсестер в белых халатах, запачканных пылью и копотью, в последний раз перед трансформацией проверяла одетого в панцирь призрака солдата. Металлические пластины и витки проволоки напоминали доспех средневекового рыцаря. Рэйчел долго смотрела на этот экспонат. Вот так выглядят кошмары Джо?

— Сюда, миссис Уайт, — сказал Генри.

Он нырнул под перегораживающую коридор

ленту, обозначающую незаконченную часть экспозиции. Рэйчел последовала за ним в угольно-черный тупик. Генри нащупал выключатель. Мигнула тусклая лампочка, высветив группу голых восковых кукол, стоящих по стойке «смирно».

Генри снял шляпу. Под ней он носил эфирный резонатор душ, «корону призрака», как его называли в народе. Дорогая модель — тонкая серебряная сетка почти скрылась под волосами, и лишь теперь Рэйчел заметила спускающийся в карман пальто силовой кабель телесного цвета. Это объясняло привлекательную внешность: Генри был медиумом высокого класса, одалживающим тело влиятельным призракам. Он с легкой грустью улыбнулся и сунул руку в карман. После щелчка его черты неестественно исказились, глаза забегали туда-сюда и закатились. Неудивительно, что медиумы обычно носят маску.

— Миссис Уайт, — произнес он другим голосом, тихим и мелодичным, более низким, чем собственный голос Генри, и Рэйчел тут же представила доброго старого дядюшку.

Дети по всей Британии обожали этот голос, голос Макса Шевалье, знаменитого натуралиста и автора радиопередач, которые многие семьи

слушали по воскресеньям, даже отбыв в Страну вечного лета. Но большинство этих людей не знали, что Шевалье — глава отдела в Зимнем управлении и самый успешный вербовщик в Секретной службе.

Пока ему не поручили проверку Питера Блума.

— Вы прошли проверку, миссис Уайт, — сказал Шевалье. — Надеюсь, вы простите мою маленькую уловку. Всегда полезно понаблюдать за дикими животными издалека, прежде чем к ним приближаться.

Рэйчел посмотрела в белые, пустые глаза медиума. Красивое лицо Генри исказила злобная ухмылка, но преувеличенная, как в театре марионеток.

— Не возражаете, если я закурю трубку? Мне редко выпадает такая возможность. Мысленные формы — совсем другое, вот я и попросил Генри ее прихватить.

Рэйчел кивнула и подождала, пока медиум вытащит из внутреннего кармана изогнутую трубку и набьет ее. Его движения были угловатыми, много табака просыпалось на пол. Потом он закурил, наполнив коридор вонючим дымом.

— Да, так лучше. Так вот, я навел о вас справки, миссис Уайт. Как я понимаю, недавно вас пони-

зили в должности. Жаль. В самом деле жаль.

Он выпустил облачко дыма, закрывшее неестественное лицо.

— Мне не нужна ваша жалость, мистер Шевалье. Мне нужны ответы.

— Прошу, зовите меня Макс. И уверяю вас, не жалость заставила меня потратить скромные сбережения на услуги Генри ради встречи с вами. А любопытство. Скажите, вы и в самом деле собираетесь разводить вьюрков?

— Возможно. Как вы сказали, недавно меня понизили в должности, и у меня появилось больше свободного времени.

— Отдаю им должное, умнейшие создания. Но очень хрупкие, миссис Уайт. Могут погибнуть от внезапного понижения температуры, стресса или печали. И подвержены опухолям. Нужно держать их в тепле. И кормить семенами фенхеля.

— Простите, но я не собираюсь обсуждать с вами птиц.

— Да? Хороший разведчик должен быть натуралистом. Лично я держу кукушку — с помощью моей милой Сьюзи, разумеется, моей живой пары рук, и весьма умелых.

— Расскажите о Питере Блуме.

— Ага. Редкая и интересная птица.

— У вас собственный отдел, практически разведслужба в миниатюре. И вы проверяли Питера Блума. И вдруг возникают слухи, что вы обезумели и охотитесь на ведьм. Вы скончались так внезапно. Поговаривали о самоубийстве. Летнее управление не хотело вас принимать. Что произошло?

Макс Шевалье затянулся трубкой. Вокруг лица медиума расползались щупальца дыма, похожие на эктоплазму.

— Вы уже ответили на свой вопрос, миссис Уайт. Знаете, когда-то я держал лису. Лисенок — милое создание, нечто среднее между кошкой и собакой. Но когда она подросла, то стала доставлять хлопоты — прокрадывалась в курятники, но все еще позволяла себя гладить. А однажды порвала мои любимые тапочки. Я отнес ее на задний двор и застрелил в голову. Она выглядела удивленной, когда я спустил курок.

Рэйчел нахмурилась.

— Так значит, вы слишком осмелели, и Блум стал просто предлогом, чтобы от вас избавиться?

— Да. В данном случае — состряпав на одного из моих агентов документы, чтобы выглядело так, будто мы обвинили невиновного. Праведный гнев публики и так далее и тому подобное.

— Что такого опасного вы накопали на Блума?

— Сэр Стюарт попросил меня проверить Блума, и я начал копать, не понимая, что это ловушка. Выяснилось, что Чарльз, отец Блума, был членом парламента от антивозрожденческой группировки и умер без Билета. Его мать, Анна-Вероника, урожденная Рив, в юности якшалась с радикалами. А Питер совершил несколько неблаговидных поступков во время учебы в Оксфорде. Сжег собственный Билет. Можете в это поверить? Но это можно не принимать в расчет — мятежность свойственна юности. И все-таки я возражал против его кандидатуры. Но меня обошли.

— Кто?

— Думаю, окончательное решение принял за ужином в Уайт-клубе сэр Стюарт в присутствии и под определенным влиянием одного известного персонажа — мистера Герберта-Бланко Уэста.

— Премьер-министра? — вытаращилась на него Рэйчел.

Макс кивнул.

— Я совершил ужасную ошибку. Как вы и сами знаете, в разведке судьба меняется очень быстро.

— Но какое отношение к этому имеет премьер-министр?

— Если бы у вас хватило терпения копаться в

старых сплетнях, как хватило его у меня, миссис Уайт, вы бы обнаружили, что у мистера Уэста был роман с юной мисс Рив, которая впоследствии внезапно выскочила замуж за Чарльза Блума.

Рэйчел резко выдохнула.

— Хотите сказать, что…

— Питер Блум — неприкасаемый, миссис Уайт. — Сколько бы на него ни жаловались, начальство сделает все возможное, чтобы его прикрыть, рассчитывая таким образом получить милости свыше. Вы попали в жернова очень древней английской традиции — привилегий.

Рэйчел смотрела на игрушечные ужасы Великой войны и вдруг почувствовала, что ей нехорошо. Она задумалась, каково это — разделить сигарету в окопах, а после этого увидеть, как товарищ взорвался в красный туман, увидеть превращенные в поля смерти зеленые пейзажи. Она вспомнила свой первый вечер в качестве медсестры, первого раненого с ожогами от бомбардировки с цеппелина, струпья его обугленной кожи.

А потом вспомнила, как распласталась на полу в ванной, прикасаясь к выходящей из нее губчатой субстанции.

Раны бывают разными, подумалось ей.

— Нет, — тихо сказала Рэйчел.

Макс промолчал. На мгновение до них донесся гул толпы по ту сторону коридора, а на Рэйчел немигающе смотрели глаза мертвеца.

— Неприкасаемых нет. Просто нужно найти доказательства.

— Вы идеалистка, миссис Уайт.

— Когда-то вы и себя считали неприкасаемым.

— Да, но я просто выскочка. Блум принадлежит к клубу избранных.

— Должен быть способ найти доказательства. Обнаружить его куратора.

— Это сопряжено со значительными трудностями. Вы ведь еще живы, миссис Уайт.

— Но вы — нет.

— Миссис Уайт, я вполне доволен своей загробной жизнью. У меня есть преданные слушатели, книги. Следующая будет называться «Как приручить слона». Удивительные животные. Вы знаете, что они могут иметь душу? Эдисон тестирует что-то вроде панциря призрака для толстокожих животных. А еще на Слоун-сквер у меня есть кукушка Гу и другие зверюшки. С чего бы мне вам помогать?

Трудно прочесть мысли человека, влезшего в чужое тело, но было что-то знакомое в повороте

головы Макса.

— Месть — достаточное основание для большинства людей. Ваши враги использовали Блума, чтобы с вами разделаться, почему бы вам не использовать его, чтобы разделаться с ними? Только вряд ли вам это нужно. Вы же натуралист. Вам нравится исследовать зверюшек вроде Блума. У него есть все, так почему же он переметнулся, как плохо выдрессированный пес, кусающий хозяина? Думаю, в глубине души вы хотите это узнать.

Тонкие губы медиума изогнулись в дьявольской пародии на добродушную улыбку старого дядюшки.

— Ах, миссис Уайт, вы не будете разочарованы.

* * *

В пять вечера, спустя два часа, Рэйчел вернулась домой на Сент-Джонс-Вуд с накрытой тряпкой птичьей клеткой.

Гертруда взяла клетку и закатила глаза, когда оттуда послышалось чириканье, но промолчала. Джо спустился по лестнице навстречу Рэйчел. Он был небрит и всклокочен, но глаза блестели.

— Что у тебя там, дорогая?

— Вьюрки.

Рэйчел ощущала себя бодрой и удивительно свободной. В голове кипели идеи. Они с Максом назначили встречу для планирования операции — во вторник на его квартире на Слоун-сквер, которую он оставил за собой. Тем временем Рэйчел попробует открыть кредитную линию для их незаконной операции. В глубине души — там, где скрывалась староста колледжа принцессы Елены — она восставала против самой мысли о злоупотреблении правительственными фондами. Но другая сторона ее души испытывала неописуемый восторг.

— Я решила, что моей старой пташке нужна компания, — сказала она.

— Ты же прекрасно знаешь, что я никогда не держал в доме даже растений.

— Ты всегда любил перемены. Не волнуйся, я помогу. Теперь у меня больше свободного времени.

Джо взял ее за руку. Она почти призналась, что у нее неприятности на работе.

— Гертруда, вы не могли бы?.. — попросила Рэйчел.

Гертруда отбросила тяжелую ткань. В клетке поднялась перьевая буря. Две энергичные, яркие птицы прыгали с одной жердочки на другую.

— Scheisse, — выругалась Гертруда. — Прошу прощения, мэм.

Наконец птицы уселись. Одна была ярко-зеленой с красной головой, а другая — сине-серая с серебристой шапочкой. Глаза-бусинки так и сверкали. Зеленая наклонила голову и уставилась на них.

— А разве их не тяжело содержать? — спросил Джо.

— Я встретила старого коллегу, который держит птиц. Макса Шевалье.

Самец начал скакать вверх-вниз в диком темпе и выдал долгую замысловатую трель. Самка подняла голову, прислушиваясь.

— Что это он делает? — спросил Джо.

Самец напоминал заводную игрушку. Он продолжал скакать, пока Рэйчел не решила, что он совершенно свихнулся. Она хихикнула, а потом засмеялась. И уже не могла остановиться. Джо присоединился к ней.

В конце концов обоим пришлось утирать слезы.

— Ладно, — сказал Джо. — Могу присмотреть за этими глупышками. А еще я подумывал сходить сегодня вечером в клуб.

Рэйчел посмотрела на него.

— Я бы предпочла, чтобы ты остался дома, дорогой, — тихо сказала она.

Джо моргнул.

— Вот как.

— Чему ты удивляешься? Тебе не нужно скакать вверх-вниз в попытках произвести на меня впечатление.

— Да, но просто с тех пор как…

Рэйчел смутно осознала, что Гертруда незаметно удалилась.

— Я знаю, — сказала она, взяла Джона за руку и повела его в спальню.

* * *

Они уже полгода не занимались любовью. Так давно, что поначалу были неуклюжи. Джо пытался лавировать между чрезмерной грубостью и чрезмерной мягкостью, сначала сжимал ее, кусал и сопел, едва притрагивался, лаская бедра и живот паучьими пальцами — она это ненавидела.

Но в конце концов они поймали прежний ритм, полусидя, и Джон вошел в нее. После целого дня, проведенного в постели, от него пахло потом и табаком. Рэйчел было плевать, она вдыхала этот запах, игриво прикасалась к его губам, царапала пальцами седеющий пушок на груди. Джо за-

стонал. Он похудел. На груди и жилистых руках проступали старые шрамы от ожогов. Его руки были холодными.

Она была близка к оргазму, когда это случилось.

Глаза Джо превратились в белые озера. Изо рта на ее кожу выползли молочно-белые, холодные щупальца эктоплазмы. Джон что-то забормотал, его голос изменил тональность, словно через него пыталось разом заговорить множество людей. И холод заполз в Рэйчел, раздуваясь внутри.

Она закричала. Ударила Джо по ледяной потной груди. Потом с силой укусила в плечо, почувствовав вкус крови.

Он дернулся и опрокинулся на спину. Рэйчел откатилась на бок и упала с кровати.

— Джо! Джо! Вернись!

На мгновение эктоплазма застыла над ним белым ореолом и испарилась. Рэйчел встала, тяжело дыша. Глаза Джо снова стали нормальными. Он в ужасе уставился на нее, а потом на свои руки.

— Прости, Рэйчел. Ты не ушиблась? Прости.

Она покачала головой. В комнате было холодно, на коже леденел пот. Она осторожно забралась обратно в постель и натянула почти все одеяло

на себя. Джо сел, но не приближался к ней.

— Я не должен был, — сказал он. — После… после того как меня списали, мне сказали, что по большей части эти… способности исчезнут. Прости, Рэйчел. Становится хуже. Я не хотел тебя пугать. Тем более после…

Он запнулся.

— После ребенка, — сказала Рэйчел.

Джо кивнул. В Рэйчел всколыхнулось старое чувство вины, холоднее эктоплазмы.

— Наверное, мне лучше спать в гостевой, — сказал Джо.

— Нет, — тихо ответила Рэйчел. — Ложись со мной.

Она притянула Джо ближе и прижалась лицом к его щеке. Его кожа по-прежнему была ледяной, но Рэйчел заставила себя с этим смириться и крепко его обняла. Через некоторое время его дыхание стало ровным, и он заснул.

Рэйчел лежала без сна. Она отодвинулась от холода Джо в тепло, свою Индию, воображая влажную жару и ароматы специй, и когда эти образы укрепились в ее голове, начала строить планы.

7. Процедура Термена, 10 ноября 1938 года

Ноябрьский ветер мел листья по гламурной Челси-сквер. Питер Блум поежился в позаимствованном теле и нервно потер озябшие руки. Он уже давно не ходил среди живых, и ему не пришло в голову надеть пальто. Но дрожь вызывал не только осенний воздух.

Окна конспиративной квартиры были темны. Это значит, Джордж опаздывает, а он никогда не опаздывал.

Бывали времена, когда Джордж мог появиться пьяным или, вместо того чтобы расспрашивать Питера, читал лекцию по авангардной поэзии. Но русский всегда вел себя как профессионал высокого класса. Возможно ли, что он не получил сообщение? Или Слушатель не в состоянии его вовремя доставить, как и предполагает его внешность?

Мерное тиканье короны призрака на голове напоминало Питеру, что у него осталось меньше шести часов. Эфирное поле аппарата связывает душу с арендованным черепом медиума, но в

полночь таймер переключит контур и отправит Питера в Страну вечного лета.

Звучало как в сказке, но сделка с медиумом, лицензированным телом напрокат по фамилии Пендлбери, которого Питер выбрал из-за небольшого сходства, была на редкость прозаичной. За почасовую плату, эквивалентную ставке высокооплачиваемого юриста, медиум снижал вибрации собственных искр души и отдавал контроль над своим телом мертвому посетителю. Не совсем то же самое, что снова быть живым — к примеру, сохранять тонкую моторику было трудно, — но своих денег это стоило. Естественно, вызывающие амнезию препараты, чтобы медиум не помнил о действиях призрака, оплачивались дополнительно.

Питер вошел в маленький пустынный сквер в центре площади. Под полированными ботинками-оксфордами хлюпала грязь. Ключ лежал под камнем, и, подбирая его, Питер вдохнул резкий запах палой листвы и почвы. Это перенесло его на три года назад, в первую встречу с Джорджем.

Тогда, тоже осенью, Питер еще был жив. Он понятия не имел, чего ожидать — возможно, фанатика или строгого куратора. Джордж открыл дверь и сжал Питера в объятьях ласкового мед-

ведя. Они сидели у камина, в маленьком круге теплого света в пустой комнате с рваными обоями, со стен которой отодрали электропроводку, и пили дешевое красное вино.

К концу вечера русский спросил, почему Питер решил переметнуться. Питер стал суетливо рассказывать какие-то банальности насчет неравенства, войны и лучшего мира. Джордж схватил его за плечи и велел не придуриваться и говорить прямо. Задача Джорджа — помочь Питеру, уберечь его, защитить как от британцев, так и от хозяев Джорджа, которые порой не видят дальше собственного носа. И он не сумеет этого сделать, если Питер не будет честен. Это понятно?

После чего Питер постарался объяснить, что случилось с ним в Кембридже. Джордж так громогласно расхохотался, что даже закашлялся, и Питеру пришлось хлопать его по спине.

Питер осознал, что стоит на коленях в грязи. В новом теле воспоминания всегда становились интенсивнее. В Стране вечного лета чувства приглушены, в особенности обоняние, а ведь запечатленные в эфире воспоминания и состоят из чувственного опыта. Может, в какой-то мере это ведет к угасанию — потеря ключей, отпирающих прошлое.

Он встал, отряхнул влажные колени и пошел к двери. Но перед тем как открыть ее, провел пальцами по косяку.

Грифель от карандаша, который всегда оставлял Джордж, пропал. Явка раскрыта.

На Питера нахлынула паника. Взятое напрокат сердце пропустило удар. Погруженная в сон душа Пендлбери заворочалась и вцепилась в череп изнутри, как загнанная в угол крыса.

Свело ногу. Питер прислонился к двери и нашарил в кармане пульт от короны призрака. Руки казались ему митенками не по размеру, но он сумел повернуть диск настройки. В голове завизжало, а в следующее мгновение Питер снова обрел контроль над телом.

Возвращая ключ в укромное место, он пытался медленно вдыхать стылый воздух. Питер рискнул бросить последний взгляд на конспиративную квартиру. Голые окна без занавесок выглядели тревожно. Повернуться к ним спиной — все равно что предать.

Питер старался идти быстрым прогулочным шагом, но получилось только хромать — ногу все еще сводило. Он обругал себя за то, что не выбрал от квартиры Пендлбери в Мэрилебоне более подходящий маршрут для обнаружения хвоста.

Потому что дом наверняка под наблюдением, и Питер только что дал себя засечь.

На короткое время он задумался, а не пойти ли сразу в Советское посольство, просто войти туда и попросить убежища. Искушение, подобное странному позыву прыгнуть вниз, когда стоишь на краю пропасти. Но это значило бы наплевать на все, чего ему удалось добиться.

Нет, нужно смириться с тем, что он под наблюдением, и спокойно вести себя в соответствии с легендой, то есть пойти на прием к Харрисам, которые регулярно устраивали вечеринки для разведчиков. Позже он проверит в условленных местах, не оставил ли Джордж сообщений.

Удивительно, но его беспокоило, как объяснить Хильди Харрис мокрые колени.

И когда он уже собрался поймать кеб, от обочины тихо отъехал черный электрокар и вильнул в его сторону. Открылась задняя дверь.

— Феликс, — сказала сидящая в глубине женщина, назвав Питера советской кодовой кличкой, и поманила его рукой в перчатке. — Садитесь.

Питер застыл, его сердце бешено заколотилось. Это что, ловушка Зимнего управления? Но женщина не была похожа ни на одного агента Секретной службы. Круглощекая, с розовой губной

помадой. Кудряшки, как у ангелочка, выбивались из-под шляпки с цветами. Темно-зеленое пальто обтягивало пышную фигуру. На первый взгляд прямо-таки сладострастный тюльпанчик, и Питер чуть не рассмеялся — пока не увидел ее голубые глаза.

Зрачки с булавочное острие и полное отсутствие сомнений и страха во взгляде человека, напрямую разговаривающего с Богом.

Питер осторожно забрался в машину и закрыл дверь.

За рулем сидел мужчина в плаще. Молодой, лет двадцати пяти, с вытянутым печальным лицом, лопоухий и с темными зализанными волосами. Не считая залихватского котелка набекрень, выглядел он совершенно заурядно.

— Прошу меня простить, — сказал водитель, вливаясь в поток транспорта.

Как и женщина, говорил он с легким акцентом, вполне возможно голландским. — Мы получили ваше сообщение, но должны были убедиться, что за вами не следят.

— Кто вы? — спросил Питер.

— Меня зовут Отто. Это… это моя помощница…

— Заткнись, милый, — сказала женщина. — Я его жена. Зовите меня Нора. — Уличные фонари

на миг придали ее лицу сходство с бледной фарфоровой куклой. — Так, дайте-ка на вас взглянуть.

Бесстрастными движениями медсестры она ощупала Питера и, не успел он возмутиться, вытащила из его кармана пульт управления короной призрака. Взяв пульт в руки, она улыбнулась.

— Я заберу это на время. Нам предстоит о многом поговорить, и я не хочу, чтобы вы покинули нас раньше времени.

— Нора! Прояви хоть чуть-чуть уважения, — сказал Отто.

— Он поймет, милый. Он же профессионал. Разве не так, Феликс?

Питер промолчал. Мысль о том, чтобы сбежать в Страну вечного лета, мелькала в его голове, но покинуть тело Пендлбери рядом с этими двумя — точно не вариант. А кроме того, они, по всей видимости, вооружены.

— Простите мою жену, — сказал Отто. — Нам велели принять меры предосторожности.

— Велели? Кто?

— Ваш новый куратор, — улыбнулась Нора. — И кстати, говоря о мерах предосторожности, снимите маску и завяжите глаза вот этим. — Она протянула кусок черной ткани.

— Нет. Я хочу знать, в чем дело. Кто этот новый

куратор? Что случилось с Джорджем?

Улыбка Норы испарилась. Она обменялась взглядом с Отто в зеркале заднего вида.

— Его зовут Шпигельглас, — тихо ответила она. — Он все вам объяснит. А теперь сделайте, как я сказала.

Она железной хваткой стиснула его руку и сунула в нее повязку.

Питер снял маску. По традиции Новые мертвые носили ее, пользуясь услугами медиумов — чтобы разделить личность медиума и личность клиента и скрыть неизбежный вид «одержимого» из-за невозможности контролировать лицевые мышцы. Лицо Пендлбери отразилось в окне — со скошенной челюстью и мертвыми глазами. Из-под серебряной короны призрака торчали темные волосы.

Питер быстро завязал глаза.

— Так-то лучше, — сказала Нора.

Во рту у Питера пересохло. Некоторое время они ехали молча.

Когда машина остановилась, Нора взяла Питера за руку. В руке она держала провод от его короны, прямо как поводок.

— А теперь вы встретитесь со Шпигельгласом, — сказала она.

* * *

Нора вывела Питера из машины, они вошли в холодное и пустое помещение с запахом затхлости. Под ногами хрустели осколки стекла. Несколько минут они спускались по спиральной лестнице, и воздух стал густым и спертым. Они находились глубоко под землей.

Кто-то впереди — Отто? — открыл тяжелую дверь. Питер вдохнул смесь антисептиков и человеческого тела — запах напоминал больничный.

Потом Нора взяла Питера за плечи и мягко усадила на стул. Она сняла повязку, и Питер прищурился от тусклого флуоресцентного света с высокого сводчатого потолка. Они находились в отсеке какого-то большого, похожего на пещеру зала, отгороженном зелеными больничными ширмами.

Перед Питером на складном стуле сидел блондин небольшого роста с глазами навыкате. Он наклонился вперед, поставив локти на колени и сомкнув кончики толстых пальцев. На полу рядом с ним стоял тяжелый кожаный чемодан.

— Добрый вечер, Феликс. Рад с вами познакомиться. Меня зовут Шпигельглас. Уверен, у вас куча вопросов, но если не возражаете, я начну с

собственных.

Он кивнул Норе, та отдала Отто пульт управления от короны призрака и шагнула вперед.

— Это и правда необходимо? — тонким дрожащим голосом спросил Отто. — Мы убедились, что за ним не следят…

— Товарищ Отто, — оборвал его Шпигельглас, — может, вы сами хотите ответить на несколько вопросов?

Питер услышал, как Отто переминается с ноги на ногу.

В руках у Норы оказались молоток и очень тонкое, похожее на иглу зубило. Шпигельглас кивнул ей. Она встала за спиной Питера и приставила кончик зубила к позвонку на его шее.

— Что вы делаете? — зашипел Питер.

— Простите, товарищ, — сказал Отто.

Легкая улыбка на губах Шпигельгласа даже не дрогнула.

— Наша Нора не только красива, но и талантлива. Она создает скульптуры, которые показывают на выставке в Роттердаме. Она изучала анатомию и способна перерезать вам спинной мозг одним ударом, точно в нужном месте, чтобы парализовать, но не убить. Прошу прощения за неудобства. Это всего лишь мера предосторожности, как вы

понимаете, на случай, если ваши ответы нас не удовлетворят. У нас были и другие гости, которые оказались бесполезны. Уверен, вы не хотите к ним присоединиться.

Где-то за зелеными ширмами раздался слабый стон. Питер представил себя на больничной койке, в ловушке парализованного тела Пендлбери, пока мозг медиума не начнет отвергать чужеродную душу и не разовьется неизбежная опухоль.

— Зачем вам это? — прошептал он. — Что я такого сделал?

Шпигельглас подвинул стул ближе и подался вперед, так что Питер почувствовал аромат его одеколона и мятное дыхание. Шпигельглас поотечески похлопал его по колену.

— Вот именно. Это мы и пытаемся выяснить. Скажите, почему вы затребовали личную встречу?

Голос Шпигельгласа звучал мягко, но Питер колебался. Рассказать ему об Инес — все равно что поделиться чем-то глубоко личным с незнакомцем. Острие зубила кольнуло шею. Питер почувствовал, как зубило слегка поднимается и опускается в такт его дыхания.

— Феликс. Я понимаю, вы расстроены. Вы не знаете, почему я задаю эти вопросы, почему обра-

щаюсь с вами как с врагом. Я все это объясню. Я хочу вам помочь, в точности как Джордж. Но не могу делать этого вслепую. Прошу вас. Почему вы попросили о встрече?

— Есть одна пара, Харрисы, они работают в разведке, — сказал Питер. — Сегодня вечером они устраивают прием. Я пользуюсь этой возможностью, чтобы регулярно встречаться с Джорджем.

— Уверен, вы в курсе, что эктофонная запись или шифрованная эктопочта была бы гораздо безопаснее. Вы хотели поделиться с ним чем-то очень важным? Я хочу поверить, что вы не предатель, Феликс. И Нора тоже хочет, я знаю.

— Бога ради, я не собираюсь никого предавать! Скажите наконец, где Джордж!

У Питера выступили слезы. Он предпочел бы носить маску, чтобы скрыть омерзительное, пустое лицо плачущего мертвеца.

Шпигельглас откинулся назад и похлопал по верхней губе крючковатым пальцем.

— Не могу вам сказать, потому что не знаю, — медленно произнес он. — Месяц назад я приехал в Лондон с очень приятным заданием. Я должен был убедить Джорджа пройти Процедуру Термена. Ему предстояло получить награду за службу и влиться в Вечно Живого. — Улыбка Шпигельгла-

са пропала. — Представьте мое удивление, когда я не сумел его найти. Пришлось разбираться с его сетью — непростая задача, как выяснилось, потому что многие его отчеты оказались неполными. Затем источник в Секретной службе сообщил, что к ним переметнулся советский разведчик высокого ранга. Похож на медведя, лысый, любит выпить.

Эти слова ударили Питера под дых. Душа Пендлбери почувствовала его боль и дернулась. Он снова стал наполовину призраком и наполовину живым — нечто противоречивое.

Как и Джордж, оказавшийся предателем.

В математике, если начать с противоречивого утверждения, можно доказать что угодно. Единица может быть равна двум. Черное окажется белым.

Дело в Процедуре Термена? Джордж часто с раздражением высказывался о Вечно Живом, словно описывал властолюбивого родственника. Может, Джордж боялся. Может, если бы Питер объяснил ему, что значит быть Вечно Живым, если бы в ту первую встречу приложил больше усилий, Джордж бы понял…

— Почему? — зашептал Питер.

— Это больше не имеет значения, — тихо сказал

Шпигельглас. — Теперь вы понимаете, почему нам приходится соблюдать осторожность. За вами могли следить или использовать как наживку. Джордж мог переманить и вас. Понаблюдав за вашей реакцией, я так не думаю. Однако вполне вероятно, что разведка о вас знает. Благоразумно считать именно так. А значит, вы обязаны сказать нам то, что собирались сказать Джорджу, раз уж это единственное, о чем пока неизвестно противнику.

— Нет, — сказал Питер. — Это наверняка какая-то дезинформация, он действует по указанию Вечно Живого…

Шпигельглас покачал головой и дотронулся до плеча Питера.

— Предательство ощущается острее, чем зубило Норы, я знаю. Он подал ей знак, и металлическое острие исчезло.

Питер потер место укола. Теперь слова вылетали из него с легкостью.

— Я назначил встречу, потому что получил новый источник в Мадриде, — сказал он. — Бойца республики. Она сказала, что в Испании сейчас находится Иосиф Джугашвили, Сталин. Секретная служба хочет поставить его во главе республики, чтобы Британия могла прекратить

поддержку Франко. Завтра я должен предстать перед специальным комитетом, в том числе перед премьер-министром. Я хотел обсудить с Джорджем свои действия.

Шпигельглас задал еще несколько вопросов, а Нора записывала.

Питер рассказал о вербовке Инес, о Вереске и выдал разрозненные сведения о непростых отношениях между партиями, сформировавшими республиканское правительство. Это заняло почти час, и когда пикнул таймер короны, Питер понял, что уже семь вечера.

— Мне пора к Харрисам, — сказал он. — Если я там не появлюсь, меня начнут искать.

Шпигельглас резко поднялся. Сложил руки за спиной и стал расхаживать кругами. Потом поднял свой чемоданчик, положил его на столик для хирургических инструментов и открыл.

— Боюсь, Феликс, вы туда не попадете.

В чемодане лежал терминал «Фиалка», легко узнаваемый по десяти роторам с проводами, клавиатуре как у пишущей машинки, серебристому сиянию и диску с алфавитом для ответов. Лишь несколько нелегалов НКВД, живущих в других странах под фальшивыми именами, обладали подобными терминалами, прямой линией связи

с Вечно Живым. В последний раз Питер видел такой в Кембридже.

— Велика вероятность, что вас раскрыли, — сказал Шпигельглас. Он набрал на аппарате длинную последовательность букв и цифр. Роторы закрутились и заискрили, потом крутанулись снова.

Новый куратор Питера открыл второе отделение чемоданчика и вытащил странную штуковину, напоминающую корону призрака, но больше размером и явно советского производства, судя по грубому, утилитарному дизайну. Она состояла из толстой рамы, обхватывающей голову, и чего-то вроде нимба с фарфоровыми электродами. Витой медный провод соединял их с терминалом.

— Если ваша легенда раскрыта, вам лучше не возвращаться. А самый быстрый путь передать вашу информацию Вечно Живому, — сказал Шпигельглас, — это провести вас через Процедуру Термена.

Питер уставился на аппарат. На него нахлынуло чувство облегчения. Завтра ему больше не придется притворяться, больше никакой лжи.

Он вольется в Вечно Живого.

Когда Шпигельглас водрузил аппарат ему на

голову, Питер улыбнулся. Прибор был тяжелым и едва влез поверх короны призрака. Его функция была прямо противоположной — вытолкнуть душу наружу, передать ее Вечно Живому. Тело, в котором он находится, не выживет.

На мгновение Питер ощутил жалость к Пендлбери. Но, по крайней мере, после смерти мертвые богачи не будут использовать его тело для своих удовольствий.

Пальцы Шпигельгласа ловко танцевали по клавиатуре «Фиалки». Электроды на голове Питера нагревались. В воздухе пахло озоном.

Он напрягся, но боли не было. Мир стал деформироваться в сферу, как в широкоугольном объективе. Все кругом потемнело, не считая белой точки где-то вдалеке. Она устремилась к нему, вырастая в размерах. Это было лицо из света. Доброжелательная улыбка в обрамлении идеальной треугольной бородки. Сияние этого лица заполнило все поле зрения Питера.

Его омывала песнь Вечно Живого. Голоса составляющих его бесчисленных душ возносили хвалу. В желании влиться в этот хор Питер попытался нырнуть в улыбающуюся золотую корону.

Но его отвергли. Воля Вечно Живого задержала его перед своим всепроникающим взглядом.

«Впусти меня! — молча завопил Питер. — Я хочу стать тобой!»

И Вечно Живой его поглотил.

Питер утонул в океане света. И вдруг, как в разуме эктотанка, белизна вокруг превратилась в сумму множества цветов, множества душ.

Ослепительный жидкий свет выливался из его глаз и наполнял голову. Не оставил места страху или сомнениям. На мгновение Питера Блума не стало.

А потом Вечно Живой исчез.

Его отсутствие было хуже смерти. Питер не мог этого вынести. Он услышал жуткий звук и понял, что это его собственный вопль. В безумной надежде он цеплялся за провод короны призрака. Если он покинет тело Пендлбери, то вдруг еще сумеет последовать за Вечно Живым.

И тогда Отто и Нора схватили его за руки и крепко прижали. Он видел лишь холодный, зеленый флуоресцентный свет подземной больницы.

— Отправьте меня обратно! — выкрикнул Питер, из его глаз хлынули слезы. — Пожалуйста. Попробуйте еще раз. Отправьте меня обратно!

Шпигельглас нахмурился и набрал вереницу букв на еще дымящейся «Фиалке». Стрелка алфавитного диска тут же двинулась и напи-

сала фразу, дергаясь от одной буквы к другой. Советский агент удивленно усмехнулся. Потом щелкнул выключателем. «Фиалка» еще раз вспыхнула и угасла.

— Вот что, Феликс, — сказал он, — ваше задание еще не закончено. Вечно Живой считает, что доступ к Иберийскому комитету важнее, чем риск вас раскрыть. И насколько я знаю Джорджа, он будет долго играть с Секретной службой, торговаться и клянчить. Вы — его последний козырь. А значит, есть еще немного времени в запасе.

Шпигельглас с щелчком закрыл чемодан.

— Мне велено немедленно ехать в Испанию. Отто и Нора будут вашими кураторами в мое отсутствие. Что касается вас, молодой человек, похоже, вы все-таки попадете на вечеринку шпионов.

8. Вечер у Харрисов, 10 ноября 1938 года

На следующий день, в четверг вечером, Рэйчел дрожала от предвкушения, когда кеб высадил ее у дома номер шесть по Честерфилд-гарденс в Мейфэре. Она приехала на прием у Томми и Хильди Харрисов, вполне возможно, чтобы предать свою страну.

По контрасту с малопримечательными домами среднего класса, где жила бóльшая часть сотрудников спецслужб, Харрисы обитали в великолепном просторном доме отца Томми, успешного и состоятельного торговца произведениями искусства. В прохладном вечернем воздухе из залитого светом салона на втором этаже расплывались звуки виолончели, смешиваясь с легким гулом разговоров и звоном бокалов. Похоже, что Группировка, как прозвали собиравшихся у Харрисов разведчиков, была в полном составе.

Томми и его жена Хильди умели устраивать приемы. Одно время они даже работали смотрителями и поварами в разведшколе в Брикендомби-холле. У них был бездонный винный погреб и

испанская страсть к кулинарии и развлечениям. Они инстинктивно понимали, что людям из мира разведки нужно безопасное место, где можно поболтать и снизить бдительность, не обращая внимания на должности и секретность, и превратили свой дом в тихую гавань для разведчиков.

Но все же, позвонив в дверь под мраморным сводом, Рэйчел впервые ощутила настороженность. В вечернем платье винно-красного цвета, туфлях на высоких каблуках и с толстым слоем макияжа она чувствовала себя не в своей тарелке, и по спине пробежал холодок.

Дверь открыла Хильди собственной персоной. Она была небольшого роста, хорошенькая, как куколка, с круглыми щеками, вздернутым носиком и всегда улыбалась — разительный контраст с хмурым и загадочным Томми. Она приподнялась на цыпочки, поцеловала Рэйчел в щеку и твердо стиснула ее руку.

— Я слышала, — тихо сказала Хильди.

В мире спецслужб мало женщин, но они никогда не были близки. Рэйчел всегда ценила, что Хильди ведет себя с ней, как и с «мальчиками», сохраняет дистанцию и играет роль хозяйки. Но сейчас ее тон был теплым.

— В любом случае приятно тебя видеть.

— Я бы ни за что в жизни это не пропустила! — Вместо последнего слова получился визг. Рэйчел хихикнула. — Прости, — сказала она, — я начала с пары бокалов «Мерло» еще дома. Не говори никому, пожалуйста. Обещаю, я буду вести себя прилично.

Хильди нахмурилась.

— Конечно. Входи. Все уже здесь.

Рэйчел сделала глубокий вдох и последовала за ней внутрь, отчаянно надеясь, что «все» включают Питера Блума.

* * *

С самого начала она была против плана Макса.

— Это нелепо, — возмутилась она два дня назад, когда они строили планы. — Меня этому не учили.

В ответ сидящий на жердочке большой попугай амазон с синей грудкой выкрикнул какое-то португальское ругательство. Они находились в похожем на джунгли зимнем саду квартиры мертвого шпиона на Слоун-сквер. Рэйчел сидела на шатком деревянном стуле в тени пальмы, пытаясь держать на колене чашку с блюдцем.

— Тс-с, — шикнул Макс, механический голос как будто доносился из граммофона. — Гу нако-

нец-то заснул.

Призрак обретался в кукле Эдисона размером в полный рост человека, в ее животе были установлены камера-никтоскоп с глазами и эктофон с усиленным диапазоном. Макс был в дорогом смокинге, усыпанном птичьим пометом. Рэйчел скучала по медиуму Генри. Кукла очень напоминала настоящего Макса — мрачное лицо с орлиным носом и кустистыми бровями, черные глаза и полная неподвижность. Это нервировало Рэйчел. Некоторые новейшие модели обладали электромотором, и призрак мог совершать некоторые движения, но это для Рэйчел было еще хуже. И все-таки Гу, похоже, это не беспокоило, кукушонок спокойно сидел между сложенными деревянными руками Макса.

— Прошу прощения у Гу, — сказала Рэйчел. — Но я и впрямь не думаю, что это хорошая идея.

— Не могли бы вы подойти ближе? Я плохо вас слышу.

Это ее совсем не удивило, учитывая какофонию, которую устроили животные. Не считая спальни горничной Сьюзи, каждую комнату в квартире превратили в настоящий зоопарк. У двери Рэйчел встретил белый бультерьер и здоровенный черный пес, оказавшийся медвежонком по клич-

ке Джаспер, куда милее своего тезки в Зимнем управлении. В ванной она чуть не закричала, наткнувшись в раковине на клубок змей.

Рэйчел со вздохом передвинула стул ближе к кукле Макса и наклонила голову, чтобы лучше слышали микрофоны в его ушах.

— Так-то лучше, — сказал Макс. — Так вот, что касается подготовки, агентов никогда не готовят заранее. Вот почему они так хорошо справляются. Обычные женщины, секретарши, клерки. Совершенно не умеющие притворяться, но зато обладающие экстраординарным мужеством…

— Должна признаться, что когда речь идет о тактике Мата Хари, я согласна с Харкером.

— Ага! Секс тут совершенно ни при чем! А в нашем случае я сомневаюсь, что Блума можно было бы этим зацепить, даже будь он живым, со всем уважением к вашим чарам, миссис Уайт. Нет, думаю, с ним сработает идеология.

— Так как же мне к нему подступиться?

— Никак. Это он должен вас обхаживать. Мы превратим вас в желанного кандидата для вербовки. На это понадобится на удивление мало усилий, согласны?

Рэйчел уже открыла рот, чтобы возразить. Потом вообразила, как просматривает собственное

дело в старом читальном зале картотеки. Выдающийся сотрудник, одна из первых женщин в Секретной службе, понижена в должности из-за неподчинения. Хочет подать в отставку. Финансово независима от мужа. Семейные проблемы?

— Ладно. По бумагам я многообещающая цель. Но достаточно ли этого?

— Не совсем. Нужно что-то еще, какой-нибудь… подходящий случай. Прием у Харрисов будет в самый раз. — Зафиксированная улыбка куклы как будто стала шире. — Помните, что я в буквальном смысле могу читать вашу душу, миссис Уайт. Просто выпейте несколько бокалов, и все произойдет естественным путем.

Кукушонок Гу пошевелился на коленях у куклы и расправил крылья.

— Теперь бедняжка проснулся, — сказал Макс. — А мы еще даже не перешли к разговору о разведении и уходе за вьюрками.

* * *

Пружинистым шагом Хильди повела Рэйчел по длинной узкой лестнице, мимо вышитых красным и золотым бесценных гобеленов и дорогой испанской мебели из темного дерева в большой салон на втором этаже, где собралась

Группировка.

Гай Лиддел играл на виолончели, скорее ради собственного удовольствия, чем на потеху публике. Томми Харрис сидел рядом с ним, притоптывая ногой. Он обладал мрачноватой красотой — черноволосый, со страстными средиземноморскими глазами.

Гостей было человек двадцать — достаточно, чтобы в комнате в форме буквы Г стало немного тесновато. Нескольких Рэйчел узнала: Энтони Блант, Тим Милн, Виктор Ротшильд, Ричард Бруман-Уайт — младшие сотрудники Зимнего управления. Все пили красное вино или что-то покрепче и оживленно беседовали.

У большого рояля у окна собрались несколько представителей Летнего управления, все во взятых напрокат телах — никаких кукол Эдисона во время встреч Группировки. Новые мертвые часто выбирали медиумов, внешне напоминающих их прежние лица, но при жизни Блума Рэйчел встречалась с ним лишь раз и мельком и сомневалась, что узнает его в медиуме. В любом случае все эти тела выглядели одинаково, как экзотические птицы в вечерних нарядах, черно-белых венецианских масках и металлических коронах призраков.

Когда вошли Рэйчел и Хильди, разговоры на мгновение смолкли. Рэйчел напряглась. Косые взгляды в ее сторону словно окатили ее холодной водой.

Хильди взяла ее под руку.

— Как обычно, в роли бармена Ким, — сказала она. — Мне придется бросить тебя среди этого зверья и посмотреть, как дела на кухне.

Баром служил большой старинный стол под пейзажем в золоченой раме, на столе громоздились бутылки. Как-то раз Томми заявил, что хороший стол винными пятнами не испортишь. За столом стоял Ким Филби, разливая напитки и смешивая коктейли.

— Займись ей, Ким, — сказала ему Хильди. — Она уже тепленькая, так что полегче. Все гости должны добраться до финишной прямой.

Ким улыбнулся Рэйчел. У него было дружелюбное мальчишеское лицо с ямочками на щеках и цветом кожи, как у запойного пьяницы. Что бы он ни сказал, от этого голоса можно было растаять. Он был многообещающим агентом младшего звена, близок с сэром Стюартом и работал в Бленхеймском дворце офицером связи с Летним управлением. Рэйчел сочла его превосходной целью для сценария Макса. Танец бабочек в ее

животе превратился в резвый вальс.

— Вы наконец-то прорвались сквозь собственную оборону, миссис Уайт? — спросил Ким. — Не припомню, чтобы вы пили что-нибудь крепче чая.

— Возможно, в этом и была проблема, — слегка качнувшись, ответила Рэйчел. — Я никогда не ценила, что спиртное — это лучшая часть нашей работы. Можешь налить мне рюмочку?

— Ничто не доставит мне большего удовольствия.

Ким налил ей крюшона «Пимм» и приправил его абсентом. Рэйчел опрокинула в себя коктейль одним глотком. Он упал прямо в желудок и разлился теплом, слегка ее оглушив.

— Спасибо. Думаю, эта была слишком маленькая. Можешь сделать еще порцию, но побольше?

Ким засмеялся и смешал ей еще один коктейль. Когда Рэйчел отпила, его лицо посерьезнело.

— Слушай, я, конечно же, слышал о том, что случилось. Чудовищно жаль, правда. Старики из колоний просто ужасны. Коуджил, мой бывший шеф из секции B, был таким же. Параноик и, честно говоря, довольно туп. Так что выше голову. Нет ничего такого, что не излечат время и хорошая выпивка. До дна?

— До дна, — согласилась Рэйчел и подняла бокал.

Они еще немного посплетничали. Очевидно, всех секретарш в Бленхейме уже предупредили о Роджере Холлисе и его любвеобильности, так что ни одна не станет с ним заигрывать. Для вида Рэйчел громко посмеялась над этим и сказала, что репутация Роджера сильно преувеличена. Насколько она знала, он пылает страстью только к одной секретарше.

Встав на защиту Роджера, она вспомнила, что была к нему несправедлива. Он отличный человек, как и Ким. А теперь придется несправедливо обойтись и с Кимом — ради Англии.

Выпив половину четвертого коктейля, она решила, что пора.

Рэйчел закрыла глаза и оперлась на стол, лишь чуть-чуть преувеличив опьянение.

— Спасибо за сочувствие, Ким. Я это ценю. Правда. Уверена, что оно искреннее. Вот только я не сумею проторить себе путь в Летнее управление с помощью выпивки, как ты. Мне бы хотелось, но я заработаю лишь цирроз, а за это Билет не дают.

— Полегче… — начал Ким.

— Ты же знаешь, я проработала в Управлении почти двадцать лет. А где был ты двадцать лет на-

зад. Ким? Я начинала обычным клерком. А ты?

— Слушай, Рэйчел…

— Давай, расскажи. Как ты начал работать в Управлении?

— Ну, кажется, сначала туда пришел Гай Берджесс, он и замолвил за меня словечко, — сказал Ким. — Слушай, я понимаю, ты расстроена, но здесь ты среди друзей.

— Тебе легко говорить. Меня обвинили в том, к чему я не имею никакого отношения, а теперь я свожу баланс для миссис Скэплхорн. — Она слегка всхлипнула. — И никто не замолвил за меня словечко. Никто.

Она сильнее оперлась на стол. Ким хотел обойти стол, но Рэйчел покачала пальцем.

— Не трогать! Никакого братания с коллегами. По-твоему, я парень вроде вас? Или ты предпочитаешь именно мальчиков, как Ник Эллиот?

Она ненавидела себя за эти слова. Но злость должна звучать натурально, и потому Рэйчел заставила себя их произнести. Лицо Филби помрачнело.

— Только я не мальчик, Ким. Я девочка. И всегда ей буду. Если я совершаю ошибку, то все из-за нервного темперамента, а не потому, что исполняю приказы некомпетентного кретина.

А если я расстроена, то, вероятно, у меня особые дни месяца.

— Рэйчел…

— Для тебя — миссис Уайт! Я замужняя женщина. Мне не следовало приходить сюда одной, в компанию таких сном… сомнительных людей. — Рэйчел убедительно запнулась в слове и повысила голос.

— Хорошим девочкам не нужно отправляться в Страну вечного лета. Хорошие девочки не должны работать в разведке.

По ее лицу хлынули слезы. Макс несколько раз велел отрепетировать эту сцену, но Рэйчел ни разу не удалось расплакаться. Теперь все смотрели на нее. Томми Харрис встал. Она надеялась, что Питер Блум где-то здесь, но если и нет, эта история все равно скоро до него дойдет.

— Так может, хватит уже притворяться, что я работаю в разведке.

Она высморкалась. Локоть задел бокал, тот упал на пол и разлетелся на сверкающие осколки.

«Ну, хотя бы на столе Томми не останется новых пятен», — подумала Рэйчел.

Потом она разревелась одновременно и фальшивыми, и настоящими слезами и позволила Томми и Филби себя увести.

* * *

— Нет, правда, Томми, я в полном порядке. Мне не нужно такси.

Томми Харрис снова наполнил стакан водой из хрустального графина и протянул его Рэйчел. Она с благодарностью выпила. Они сидели в его студии (Томми был художником-любителем) — ярко освещенной, с высоким потолком и дощатым полом, уставленной завершенными полотнами. Пахло краской и трубочным табаком.

— Уверена? Мне не сложно.

— Прости, что устроила сцену. Это было глупо. Я хочу остаться.

— Конечно. Тебе всегда здесь рады, Рэйчел, что бы ни случилось.

В дверь постучали.

— Эй, как вы там? — Гай Лиддел, заместитель начальника Зимнего управления, поприветствовал их примирительной улыбкой. Его костюм был еще более мятым, чем обычно. — Не возражаешь, если я перемолвлюсь словечком с твоей пациенткой, Томми?

— Конечно. Ты, разумеется, останешься на ужин, Рэйчел. На этот раз мы превзошли сами себя.

Он скрылся за дверью, а через мгновение они услышали звуки рояля.

Лиддел сел на табурет художника.

— Хочу, чтобы ты знала — никто не винит тебя в смерти Кулагина, — сказал он. — Я поговорил с Харкером. Он переусердствовал, разумеется. Но ты тоже зашла слишком далеко. И в одном я с ним согласен. Это уловка, чтобы подсунуть нам дезу. Ты не могла знать.

— Мне следовало знать.

— Чушь. Никто из нас этого не видел. Полная неразбериха, я тянул в одну сторону, Харкер и Вэ-Вэ — в другую. А ты оказалась посередине. Мне правда жаль, и я приложу все силы, чтобы тебе помочь.

Рэйчел мысленно заерзала. Она не ожидала поддержки от Лиддела, и на душе потеплело.

— Как я и сказала Томми, все в полном порядке. Наверное, возьму отпуск. Съезжу куда-нибудь с Джо. Во Франции есть одно милое местечко, где мы не были уже целую вечность.

Лиддел похлопал по ее руке толстыми пальцами.

— Вот и хорошо. Вот и хорошо. Когда уляжется суматоха, в Ирландском отделе может открыться вакансия, если тебе интересно.

Это было бы разумно. У нее есть опыт. А через пару лет Рэйчел могла бы возглавить отдел. Но ее нападки на Филби не были полностью наигранными. Или это трюк Макса? Может, он видит агентов насквозь и использует их нужным образом?

Рэйчел выдавила улыбку.

— Я подумаю.

— Больше я ничего и не прошу. Уверен, мне не нужно тебе об этом говорить, но какую бы чепуху ни наболтал тебе Кулагин, держи ее при себе. У нас и без того полно проблем с Летним управлением.

«Неужели теперь и Лиддел?» — подумала Рэйчел.

«Твое начальство сделает все возможное, чтобы его прикрыть, рассчитывая таким образом получить милости свыше», — сказал Макс.

— Конечно, — произнесла она вслух. — Я понимаю.

— Ну что, пойдем к остальным?

Лиддел предложил ей руку, и они вместе вернулись к роялю и разговорам. Когда они вошли в зал, Рэйчел старалась не слишком прислушиваться к шепоту голосов.

* * *

Ужин подали к восьми — невероятный выбор испанских закусок и сыров. Настолько восхитительных, что Рэйчел забыла свои тревоги и просто получала удовольствие от фаршированного перца, маленьких сосисок и испанского омлета. Она давно уже так прилично не ужинала.

Текло время, Рэйчел переходила от одной группки к другой, она слегка утомилась и испытывала легкое головокружение от болтовни. Когда она пыталась присоединиться к разговору, в нем возникал легкий диссонанс, как будто граммофонная игра перескакивала на другую дорожку. Люди становились вежливыми и говорили о всяких пустяках. Такую маску обычно надевают при общении с людьми не из мира Секретной службы, с непосвященными.

По иронии, дольше всех она проговорила с Гаем Берджессом, «воротами» Кима Филби в разведку. Берджесс был одним из наиболее ярких сотрудников Летнего управления. Он не носил маску, от него пахло спиртным и табаком, рубашка с расстегнутым воротничком заляпана вином. Он находился в теле темноволосого расхристанного медиума со смуглой кожей, чье вялое лицо

составляло сильный контраст с остроумием призрака внутри него.

— Мои аплодисменты, миссис Уайт, за то, что пришли сюда, — сказал он. — Но думаю, вы правы. Вам следует вернуться домой, к мужу, и найти себе другую работу. Это будет несложно. Лично я пошел в разведку, потому что это самая бесполезная работа на свете.

— Что ж, мистер Берджесс, — ответила Рэйчел, — глядя на вас, могу заверить, что это не самая бесполезная работа.

Берджесс засмеялся.

— Вижу, мы слишком поздно встретились. Печально. Я буду по вас скучать. Прошу вас, не уходите. — Он бросил окурок самокрутки на толстый бордовый ковер Харрисов. — Вообще-то в Летнем управлении есть и более бесполезные ангелочки. К примеру, невежа Блум. Мы собирались встретиться и выпить, но он до сих пор даже не появился.

Рэйчел улыбнулась, но внутренне рассвирепела. Неужели она выставила себя дурой понапрасну? Может пройти несколько месяцев, прежде чем Блум снова посетит мир живых, а к тому времени будет уже слишком поздно.

Берджесс отметил паузу и посмотрел на Рэйчел,

слегка покачиваясь в странной косолапой позе.

— Наверное, я не соблазню вас отправиться в тайную миссию к винному погребу Томми, а? Есть у меня предположение, что после моего последнего визита он установил новые замки.

— Звучит заманчиво, — сказала Рэйчел, — но я лучше опять попытаю удачи с Кимом.

— Как вам будет угодно. — Он посмотрел на Рэйчел. — Знаю, выглядит так, будто вас не включили в команду по поло, миссис Уайт. Но представьте, насколько это дурацкая игра — сидеть на вонючем слоне и пытаться ударить по мячу длинной палкой.

— Да. Только мужчины могут придумать такую игру, — сказала Рэйчел.

* * *

Часов в десять она оказалась в одиночестве, с бокалом красного испанского вина, который налил ей Ким, после того как устроил целый спектакль, убеждая Рэйчел, что лучший способ отрезветь — это дойти до последней стадии опьянения и выскочить с другой стороны. Улыбка Кима не изменилась, но взгляд стал черствым.

На другом конце комнаты Хильди и Томми разглагольствовали о том, в чем оба хорошо

разбирались — искусстве, скульптуре, музыке, кухне и вероломстве. Рэйчел подумывала присоединиться к их кружку, но не могла вынести еще одну минуту приглушенной неловкости.

Продолжать пить — не самая лучшая идея, но Рэйчел все равно пила, в слабой надежде, что поглощение винного запаса Харрисов оживит ее связи с миром спецслужб. А если нет, так хоть магическим путем призовет Питера Блума.

Чтобы отвлечься, она изучала большую «Мадонну» Веласкеса. Окруженная ярким нимбом Божья Матерь парила в воздухе. Снизу к ней тянулись темноволосые люди, она же подняла два пальца в безмятежном, но равнодушном благословении.

Рэйчел была скептически настроена по отношению к религии — как любой разведчик, она считала эту легенду слабой. Англиканская церковь изменила концепцию, заявив, что рай и Царствие Господа лежат в направлении ана, откуда приходят души. В Стране вечного лета мертвые живут в ожидании Страшного суда, когда они вернутся в тела на земле, а избранные попадут в настоящий рай.

Папа Тейяр, в противовес этому, утверждал, что душа сразу устремляется к Богу, а четвертое изме-

рение представляет собой круг. Страна вечного лета — чистилище, а процесс угасания, когда из лусита, камня-души, стираются воспоминания, — это очищение. Небеса ждут души в бесконечной бездне ката. Слишком долго цепляться за мир живых — это ересь.

Рэйчел допила вино и прижала пустой бокал к ключице, рассматривая прекрасное лицо Мадонны. Может, Тейяр и прав. Может, просто следует обо всем забыть.

— Прошу прощения.

Рядом стоял Новый мертвый, только что пришедший. Он был ниже ее ростом, с темными редеющими волосами, руки сцеплены за спиной. На нем была маска — белый гладкий овал с золотой сеткой на ушах. С его короной явно было что-то не в порядке — она ощутимо гудела.

— Да?

— Хотел вас поблагодарить. За то, что устроили этот скандальчик. Я боялся, что вечер будет кошмарно скучным и я только зря потрачу время. А вместо этого все говорят только о вас.

У Рэйчел екнуло сердце.

— Честно говоря, сэр, я бы предпочла скучный вечер. Но рада, что развлекла вас. Мы встречались?

— Простите, совсем забыл про манеры. Мы встречались мельком, до моего перехода. Питер Блум. Просто Питер. Я из Иберийского отдела.

Его рука была холодной, как всегда у наемного тела, но пожатие крепкое и уверенное.

— Рэйчел Уайт.

— Гай Берджесс передал мне ваши слова. — Питер поморщился, сунул руку в карман, что-то там подкрутил и дернул плечами. — Прошу меня извинить. Плохая связь. По дороге я упал. Наверное, медиум выставит мне чудовищный счет.

Это объясняло слегка помятый вид Блума. На его брюках виднелась свежая грязь.

— Ты тоже собираешься мне посочувствовать, Питер? Боюсь, для одного вечера с меня уже достаточно.

— Вовсе нет. Вообще-то я с тобой согласен. У обоих управлений есть свои недостатки, и кумовство — один из них. Подковерная борьба глав управлений — еще один. Плюс соперничество между управлениями. Здесь мы пьем и закусываем вместе, но ваши терпеть не могут наших, а у Летнего управления есть склонность… — Блум запнулся.

— К чувству собственного превосходства? Высокомерию? Заносчивости?

— Это твои слова, а не мои. Не только с тобой обошлись несправедливо. Печально, не правда ли? Мы поступили на службу ради чего-то большего, нежели мы сами. Даже чего-то священного.

Блум посмотрел на картину, склонив голову набок.

— Что ж, Мария не задавала вопросов и не восставала, и в ее случае это сработало. — Она делала что велят, и мы до сих пор ее почитаем. Возможно, мне стоит последовать ее примеру, — сказала Рэйчел. В ее тоне звучала горечь.

— У тебя очень циничный настрой.

— Потому что я циник по натуре. Полагаю, издержки профессии.

Этого она с Максом не репетировала. Тот просил ее просто говорить то, что звучит натурально. Рэйчел изучала Блума, но под маской трудно было что-то прочесть.

— Так почему же ты выбрала эту работу, Рэйчел?

— Ну, я родилась в Бенгалии. Мне было семь, когда родители переехали сюда, а выросла я, считая Англию какой-то мифической страной. Моя айя, то есть нянька, выдумывала разные сказки про королеву и ее придворных призра-

ков, и я их проглатывала. Наверное, я никогда и не прекращала в них верить, в идею Империи. В колледже принцессы Елены другие девочки дразнили меня из-за акцента, а я твердила, что такая же англичанка, как они, и однажды буду работать у королевы. Когда началась война, я вручала молодым людям, которые не пошли в армию, белые лилии — символ трусости. Некоторое время работала медсестрой. Отец пришел в ужас и нашел мне работу в картотеке Секретной службы. К счастью, у меня отлично получалось, и пока я тянула лямку, всем было плевать, что я девушка. Конечно, реальная жизнь оказалась куда сложнее рассказов няни. Но мне казалось правильным, что я могу что-то изменить.

— А финансовый отдел не дает такого ощущения?

— Я не сноб. На войне важен каждый солдат. Но я могу предложить больше, чем просто копаться в счетах с грифом «секретно». По крайней мере, мне так кажется. — Она нахмурилась. — А тебе-то какое до всего этого дело, Питер?

— Ну, для начала, я знаю, каково это — быть недооцененным.

Голос Блума внезапно дрогнул. Он помедлил и устроил целое светопреставление, поправляя ко-

рону призрака. Рэйчел поняла, что, несмотря на внешнее спокойствие, совсем недавно он сильно расстроился. Она задумалась, откуда все-таки взялись эти пятна грязи.

— Прости. Сегодня явно не мой вечер для эфирных контактов, — сказал через некоторое время Блум. — А во-вторых, возможно, ты в курсе наших проблем в Испании, многие из которых — результат недостаточной кооперации между Зимой и Летом. Вы вербуете полевых агентов, мы их ведем, но нам не хватает координации.

— Может, это стоит отнести на счет офицеров по связи вроде Кима.

— Да, и это тоже. Многие молодые и способные сотрудники Зимнего управления думают только о собственных амбициях. Они предпочтут продвижение по службе, чем сотрудничество. Потому некоторые из нас и разговаривают с людьми вроде тебя, которым хватает энергии, но чье будущее выглядит менее ясным.

— Продолжай.

— Ты кое-что можешь для нас сделать, неофициально. Если это тебе интересно, я готов к обсуждению.

Рэйчел поколебалась. После разговора с Блумом было гораздо легче поверить, что Кулагин хотел

скормить ей дезу. Соперничество между управлениями действительно существовало, и именно у Харрисов пытались выстроить связи, чтобы его смягчить. Или загнать непокорных агентов вроде нее в ловушку, прежде чем их завербуют Советы.

В конце концов все сводилось к вере.

— С удовольствием, — сказала Рэйчел.

— Отлично. Я устрою звонок по эктофону. Может, на следующей неделе?

— Было бы прекрасно.

Блум снова пожал ей руку.

— Приятно было познакомиться, Рэйчел.

— Не скучай. Гай Берджесс сказал, что у вас были планы.

Он на мгновение окаменел, но Рэйчел не могла понять, покраснел ли он под маской.

— У меня всегда есть планы, — ответил Блум после секундной паузы. — Какой разведчик обходится без них.

* * *

Чуть позже Рэйчел попрощалась с Хильди и Томми. Прием, скорее всего, продлится почти до рассвета, и многие гости останутся в спальнях наверху. Томми крепко стиснул ее ладонь обеими руками и сказал, что всегда ей рад, но Рэйчел

видела в его глазах закрытую дверь.

Она дождалась такси, на холоде дыхание превращалось в пар. Студеный воздух очистил голову. Потирая замерзшие руки, Рэйчел чувствовала смесь страха и возбуждения.

Моргнул уличный фонарь, и в ее сумочке защелкал эктофон.

«Молодец», — прочла она надпись латунными буквами.

«Там будет видно», — ответила она призраку Макса Шевалье.

9. Специальный комитет по проблемам Иберии, 11 ноября 1938 года

Специальный комитет по проблемам Иберии собирался следующим вечером, и Питер Блум опаздывал.

Он поспешно расписался в регистрационной книге Летнего управления, в нарушение протокола не дождался провожатого и чуть не заблудился по пути к Трубе.

Последние несколько часов он напряженно готовился и в результате чувствовал себя совсем прозрачным и истонченным — тревожный признак угасания. Работу прервал разъяренный Пендлбери, приславший наполненное ядом эктописьмо об испорченной одежде и головной боли от плохо настроенной короны призрака. Чтобы его успокоить, пришлось воспользоваться эктофоном и совершить еще одно пранозатратное путешествие, а затем еще выслушивать гнусавый голос медиума и его жалобы.

Но истощение и взбешенный медиум — это еще полбеды по сравнению с тем, что ожидало

Питера на вершине башни. Стоя в эфирном лифте, несущемся в Уайтхолл с помощью массивного луситового противовеса, Питер задумался, а не так ли чувствуют себя заключенные в застенках испанских фашистов, когда поднимает винтовки расстрельный взвод.

Он пытался сохранять спокойствие. У Вечно Живого есть на него планы. И уж конечно, его бы не пустили к премьер-министру, если бы Секретная служба сомневалась в его лояльности. Разве что это спектакль, чтобы скормить Вечно Живому дезинформацию. И, может даже, божественный разум это знает и играет в собственную игру.

Он вспомнил холод того мгновения, когда его отвергли, и содрогнулся.

Поездка в направлении ана заняла всего минуту. Наверху Труба выходила в комнату Уайтхолла с электромагнитным щитом. Питер вышел из эфирного лифта в сверкающую цилиндрическую клетку Фарадея, где в призматическом контуре эктофона уже стояли Си и его заместитель Джордж Хилл с каменным лицом. Странно было видеть их прижизненные почти безупречные копии, наложенные на строгую электрическую геометрию мира живых.

Увидев Питера, Си нахмурился.

— Как мило, что вы к нам присоединились, Блум, — сказал он. — К счастью, наш господин и повелитель тоже задерживается.

Питер встал рядом с двумя старшими коллегами. Хилл был старым воякой с острым подбородком, ветераном дореволюционных операций в России. Ходили слухи, что он находился там в ночь смерти Распутина. Хотя лицо его оставалось бесстрастным, от него растекались ледяные волны враждебности. Питер улыбнулся ему и расположил свои заметки на парящей стене эфира перед ними.

Потом в комнату вошел премьер-министр Герберт-Бланко Уэст.

Искры его души были крупнее, чем когда-либо видел Питер, и заняли почти половину клетки Фарадея. Такой быстрый калейдоскоп мыслеформ, что едва можно уловить образ каждой отдельной мысли великого человека. Питер заметил корабль из синего света и лица, но они сменялись так быстро, напоминая языки пламени, и он никого не опознал.

Премьер-министра сопровождала еще одна живая душа. Сэр Стюарт Мензис, глава Зимнего управления, земной ветви Секретной службы. Рядом с премьер-министром его разум напоминал

крохотную Луну, вращающуюся вокруг огромной планеты.

— Господа, — сказал Уэст. Его сиплый стариковский голос резко контрастировал с искрами души. — Прошу прощения за опоздание. Парламент сегодня был просто убийственным. Как я понимаю, вы нашли меч, которым мы разрубим наш гордиев узел. Давайте посмотрим, насколько он наточен.

Си начал доклад о ситуации в Испании, а Питер не мог отвести взгляда от сияния мыслей премьера. Они напомнили ему другой огонь, в ту ночь, когда он впервые услышал имя Герберта Уэста.

* * *

Это случилось в 1916 году, ближе к концу войны. Питеру тогда было пять.

Вся семья собралась перед камином в уютной гостиной, одной из нескольких в огромном доме на Пэлас-террас-гарденс. Отец Питера только что вернулся с работы из комиссии по средствам коммуникации. Мать коротала вечер за чтением стихов. У ее ног высилась стопка записных книжек. Питер лежал на своем «ковре-самолете» — старом бархатном коврике за материнским креслом — и почти уснул под умиротворяющее

мурлыканье родительских голосов.

Позже он выудил их слова из памяти, как осколки стекла и кусочки мозаики. Рыжий отблеск материнских волос, круглое отцовское лицо, в свете от камина похожее на яблоко — эта пухлость останется у него до самого конца, до болезни.

— Сегодня к нам на работу приходил Уэст.

Сладкий и всепроникающий отцовский запах в тот вечер еще казался таким же надежным и знакомым, как и его баритон.

— Вот как, — отозвалась мать.

— Хотел сделать что-нибудь для фронта. Для фронта! После всего, что натворили его возрожденцы, затащив нас в эту мясорубку!

— И что ты ему сказал?

— В общем, что бы я ни думал о его политике, он — Герберт-Бланко Уэст. Я не могу ему отказать. — Отец Питера подался вперед. — Сказал, что если он не очень занят военными действиями, мы с радостью возьмем у него несколько пьес для поднятия морального духа. Он прямо загорелся, говорил, как хочет внести свою лепту. Мне хотелось сказать, мол, ты уже внес свою лепту, убедив Маркони сделать эти жуткие эктотанки, но прикусил язык. Пытался изобразить, будто

старые добрые времена никуда не делись.

— Немного несправедливо обвинять его в этом, Чарльз. Ты же знаешь мое мнение о возрожденцах, но идет война. Нам нужно любое оружие.

— Они ведь хотят, чтобы мы именно так и думали, разве нет?

— Чарльз, мы оба устали, давай не будем спорить о политике, прошу тебя. Как он вообще?

— Выглядел немного усталым, но крепкий, как бык. Не закрывая рта болтал о своей новой книге. Опять что-то историческое. «Общая симфония живых и мертвых», так он ее назвал. Как по мне, чересчур напыщенно.

— Ну, если у кого-то может получиться нечто подобное, так это у него. Он сказал что-нибудь еще?

— Намекнул на очередную интрижку, если ты об этом хотела знать. Но думаю, теперь ему придется вести себя осторожнее, ведь он выдвигается в парламент.

Мать Питера медленно закрыла книгу и отложила ручку.

— Вообще-то я хотела узнать не это, Чарльз. Но спасибо.

— Прости. Я не должен был этого говорить. Просто каждый раз, когда его вижу, я гадаю…

— Что ж, тебе не о чем гадать, — тихо сказала мать Питера.

Она встала, подошла к соседнему креслу и погладила его отца по щеке.

— Это было давно, — сказала она.

— Не при мальчике, Анна.

— Малыш уже заснул. Мы могли бы…

Электрическая лампа в углу моргнула и погасла. Громкий треск разбудил Питера.

— Кто такой мистер Уэст? — спросил он.

* * *

— Так кто этот Джугашвили? — спросил премьер-министр.

Его голос вернул Питера к реальности, и он близоруко прищурился, глядя на свои заметки.

Си закатил глаза.

— Полагаю, вам пора подать голос, Блум.

— Иосиф Джугашвили, также известный под именем Иосиф Сталин, — прочитал свои записи Питер. — Родился в Грузии. В ранние годы добывал деньги для революции, часто криминальными способами. Один из претендентов на место Ленина, пока богостроители не отправили его в изгнание.

Питер читал биографию Джугашвили, но в

голове у него звучал вопрос, который беспокоил его со дня встречи с Си.

Почему после стольких лет Уэст его вызвал?

Хотя премьер-министр и не видел призраков, Питер почувствовал направленное внимание искр его души. Будто стоял рядом с фейерверком.

— За последнее десятилетие Джугашвили создал сеть агентов и контрреволюционных ячеек по всей Европе, особенно в Париже, Праге и Роттердаме. Однако Испания — первая страна, где он действует так открыто. Учитывая серьезное проникновение НКВД в коммунистические партии республики, он идет на значительный риск. Возможно, и в самом деле пытается создать на Иберийском полуострове мощную базу. В наших интересах ему помочь.

— Кажется, однажды в Петрограде я встречался с Джугашвили, — задумчиво произнес премьер-министр. — В те времена он писал стихи. Неплохие, насколько я помню.

— Прошу прощения, сэр, — вмешался сэр Стюарт, — но из поэтов редко получаются хорошие государственные деятели. Не считая присутствующих, разумеется.

Премьер-министр хохотнул.

— Я никогда не был поэтом.

— И это подтверждает мои слова, верно? Эфирные коллеги явно обнаружили нечто интересное, с помощью нашего Вереска, естественно. Но они не видят перспективы и картины в целом. Просто танцуют вокруг коммунистов. А мы гоняемся за возмутителями спокойствия, проникшими в профсоюзы. Скажу так: коммунист есть коммунист, и этот Джугашвили — не исключение. Если у него ничего не выйдет, мы окажемся в том же положении, что и раньше — марионеточное государство Советов у нашего порога. Если он преуспеет, возможен даже худший сценарий — фанатичный лидер, подающий пример рабочим как у нас, так и по всей Европе. Нет, господа, я предлагаю поддержать нашего сукиного сына, то есть Франко. Может, ваш Джугашвили и устроит полную неразбериху среди республиканцев, но нам-то зачем марать руки? А кроме того, в прошлый раз получилось не очень, как прекрасно знает мистер Хилл.

Мыслеобраз Хилла побледнел от злости, но Си поднял руку, приказывая молчать.

— Сэр Стюарт, как всегда, шутит, — сказал он. — Может, он слишком усердно гоняется за возмутителями спокойствия и не успел прочитать рапорт мистера Блума? Или просто не уловил

тонкого подтекста.

Не требовалось быть искушенным чтецом душ, чтобы разобраться в красных искрах души сэра Стюарта.

— Послушайте… — начал тот.

— Прошу прощения, — сказал Си, — я встрял без очереди. Но я бы оказал плохую услугу правительству ее величества, если бы не подчеркнул всю важность этого дела. Раньше я тоже соглашался поддерживать фашистов, но теперь Советы вдвое подняли ставки. Во-первых, их агенты быстро внедряются в республиканское правительство. Во-вторых, они снабжают республику эфирными орудиями, чтобы противопоставить их эктотанкам Франко. И вдобавок посылают в войска советских офицеров в качестве советников. Мы в одном шаге от полноценной войны. Давайте это сделаем, сэр. У нас есть возможность поменяться с Советами ролями. Завербуем Джугашвили и вырежем раковую опухоль НКВД из тела Испании. Мы сможем ставить условия, посылать наблюдателей и направлять события в нужное русло. И помните, республике понадобится, чтобы кто-нибудь создал для нее загробный мир. Почему бы не Маркони? Когда Джугашвили обоснуется в Испании, ему сложно будет не оценить по досто-

инству все прелести эктокапитализма.

Главы разведслужб умолкли в ожидании ответа премьер-министра. Мыслеформы Уэста потемнели и стали красно-зелеными. Чем больше Питер их изучал, тем яснее они становились. Он был уверен, что видит темные формы на многочисленных ногах, движущиеся через зеленые облака, а еще горящий город.

Питер думал о Мадриде, о своей *лжи* Инес и о правде, которая *лежит* за этой ложью.

* * *

Тем вечером 1916 года, когда Питер задал вопрос, мистер Блум нахмурился.

— Питер, невежливо подслушивать разговоры взрослых. Тебе следовало…

— Позволь мне, Чарльз.

Мать обхватила лицо Питера маленькими теплыми ладонями и серьезно посмотрела на него.

— Мистер Уэст — писатель, как мамочка. Это значит, он рассказывает истории. Только его истории гораздо глупее мамочкиных. И сам он мелкий и глупый человечишко, мы больше не будем о нем говорить.

Зазвенело оконное стекло, и вдалеке завыли сирены.

— Проклятье, опять! — выругался отец Питера.

Он резко вскочил, подошел к окну и отдернул занавеску. Бледный зеленый свет играл на его лице, пока продолжали выть сирены.

— Цеппелин, — мрачно сказал он. — Эктолетуны уже здесь. Видимо, собираются его сбить.

— Хочу посмотреть!

Раскинув руки, Питер подбежал к отцу. Мистер Блум поднял его, и на мгновение Питер погрузился в его запах и чувство полета. Но отцовское лицо вовсе не было игривым.

— Чарльз, — сказала мать Питера с намеком на беспокойство.

— Мальчик должен это увидеть. Смотри, Питер. До этого нас довели мистер Уэст и его друзья.

Серебристый летательный аппарат в форме сигары медленно плыл над неровной линией горизонта, его разрезали бледные лучи прожекторов. Под этой громадой расцветали оранжевые и золотистые языки пламени, и каждый взрыв сопровождался грохотом, от которого дребезжали стекла. Питер заскулил.

— Ну перестань, Питер, будь храбрым мальчиком, тут нечего опасаться. Просто смотри.

Над цеппелином поднялось облако бледных мерцающих созданий, отбрасывающих тени на

его сверкающий корпус. Трудно было разглядеть детали, но у них были крылья из слегка светящейся в темноте прозрачной белой субстанции. Питеру они напомнили мотыльков, испугавших его как-то раз, когда он прятался в чулане под лестницей. Но эти были гораздо крупнее и похожи на людей. За ними тянулись длинные гибкие щупальца.

— Чарльз, ты просто осел, — сказала мать Питера. — Отдай его мне. Мы сейчас же идем в подвал.

— Еще минутку.

И Питер смотрел, как человек-мотылек пронесся вдоль чрева вражеского корабля. Щупальце изогнулось петлей, оставив жестокую рану на серебристом корпусе. Оттуда вместо крови выплеснулся огонь, и летательный аппарат резко нырнул носом вниз. Вокруг него роились люди-мотыльки. Вдалеке нарастали треск и вспышки. Несколько летунов упали, их призрачные тела испарились по пути к земле. Питер охнул, у него заныло сердце.

— Это эктолетуны, Питер, — объяснил отец. — Крылатые люди. Чудесно звучит, правда? Только они не могут летать, если не будут питаться мертвецами. Крылья сделаны из душ, которые они

поглощают ртами и глазами. Ты хотел бы такие крылья, Питер?

— Чарльз, прекрати!

Мать вырвала Питера из отцовских рук.

— Я просто хотел, чтобы он понял, насколько глупы истории мистера Уэста, Анна. В особенности когда сбываются.

Питер заплакал. От теплой струйки в штанах и стыда он расплакался еще пуще. Мать унесла его, и пока она бегом спускалась в подвал, он смотрел на отца, в одиночестве стоящего у окна и погруженного в свои мысли.

* * *

— А вы что об этом думаете, мистер Блум? — спросил премьер-министр.

Искры его души сложились, как закрывшийся цветок, осталось лишь золотистое свечение изнутри.

— Не уверен, что имею право высказываться, сэр.

Из глазницы Си выпал монокль, и шеф разведки окинул Питера долгим взглядом.

— Что ж, рад слышать, что хоть один жмурик обладает минимальной долей скромности, — сказал сэр Стюарт.

— Чепуха. Конечно, имеете, — отозвался Уэст. — Я бы не стал спрашивать, если бы не хотел узнать ваше мнение. Вы наверняка знаете о ситуации на месте гораздо больше, чем изложено в отчете. Помню, я читал первые передачи полковника Бедфорда, пытаясь во всем разобраться…

Его душа внезапно замерцала, как пламя свечи на сквозняке.

— На чем я остановился? — пробормотал премьер-министр.

— Вы хотели услышать мнение Блума по поводу ситуации в Испании, — сказал Си.

— Ах да. Итак, что, по-вашему, нам делать с этим Джугашвили? Чего бы хотели от нас испанцы?

Питер задумался. Какого ответа он ждет? Но волшебный фонарь души старика теперь потускнел и сжался, не предлагая ни одного намека. Си нетерпеливо воззрился на Питера. Больше нет времени ни на что, кроме правды.

— Испанцы хотят, чтобы война закончилась, — сказал он. — В городах вроде Барселоны снова восстановлено классовое общество. Многие, как и Палач, испытывают кризис религиозной веры. Партии постоянно ругаются, и НКВД подпитывает эти склоки. Экономика в руинах. Но все-таки испанцы — гордый народ, и они ненавидят Фран-

ко и его марокканских мясников. И прежде чем республиканцы сдадутся, фашисты превратят каждый город в Гернику. Быстрая победа Франко возможна, только если мы поддержим его всей своей мощью. А это означает развертывание войск в Испании. Советы ответят тем же.

И снова знакомое чувство противоречия. Чтобы служить Вечно Живому, нужно убедить Си в собственной преданности и тем самым выступить против интересов Вечно Живого в Испании. И в то же время, Питер не мог выкинуть из головы один аргумент, яркий, как искры души Инес в горящем городе.

Если начать с противоречивого утверждения, можно доказать что угодно, этому много лет назад научила его мать.

* * *

Они долго не собирались вот так в гостиной. После войны миссис Блум начала работать в министерстве труда и проводила вечера в своем кабинете. Отец Питера был избран в парламент от либеральной партии и погрузился в политику. По вечерам он приходил домой поздно, измотанный и взъерошенный, и допоздна с маниакальной энергией писал речи.

Однажды в унылый зимний день, когда Питеру было десять, он вернулся из школы и обнаружил мать в гостиной. На ее коленях лежал кристалл, который Питер тщательно спрятал среди игрушек под кроватью. Размером с пачку сигарет, в потрепанном картонном футляре, с бакелитовым диском для набора и крохотной трубкой, чтобы приставить к уху. Питер купил его у Невилла из старших классов.

— Нэнни Шмидт нашла это, когда убиралась, — сказала его мать, похлопывая по аппарату. — Скажи, Питер, о чем ты говоришь с мертвыми?

— С ними… с ними нельзя поговорить через такой примитивный аппарат, можно только слушать, — ответил Питер. — Там много помех. В основном можно услышать только недавно умерших. Но смысла в их словах мало.

— Ясно.

— Я просто хотел понять, как это работает.

— И понял?

— Конечно, да, мама, все написано в «Эфирной механике для мальчиков» Пауэлла. Кристалл Целльнера слегка расширяется в четвертом измерении, и призраки прикасаются к нему и заставляют вибрировать, а усилитель переводит это в звук, и…

— Я тебе верю, Питер. Но ты понимаешь, как все происходит в этом мире?

Она встала и прислонилась к каминной полке. И вдруг показалась совсем крохотной, как птичка.

— Конечно, не понимаешь, ты еще слишком мал. Ты помнишь доктора Каммингса, который лечил тебя от кори? Так вот, скоро не будет больше докторов. Если ты заболеешь, то просто умрешь.

— Если есть Билет, — сказал Питер.

— Верно. А вскоре все только и будут думать о том, как раздобыть Билет. Не об учебе или о том, что надо поступать правильно. Ни о чем реальном.

— Но Билет реален! — возразил Питер. — Мистер Хинтон показал, что если представить себе четырехмерный предмет, он и в самом деле будет существовать в эфире. Призраки могут его увидеть или совершить к нему мысленное путешествие. Вот как работают Билеты и эктофоны-маячки.

Миссис Блум вздохнула.

— Питер, ты очень умный мальчик, и поэтому поймешь то, что я собираюсь сказать. Мы с отцом хотим, чтобы ты вырос в мире, где жизнь имеет

значение. Хотим, чтобы ты научился ценить этот мир — солнечный свет и других людей. Вот почему я больше не желаю видеть подобные предметы в этом доме.

Она подняла аппарат и разбила его о каминную полку. Сверкающие осколки кристалла Целльнера дождем посыпались на ковер.

— Мама!

Она опустилась на колени и стала собирать осколки в лопатку для угля.

— Ты даже не представляешь, как тебе повезло, что няня сначала пришла ко мне. Твой отец разъярился бы и сделал то, о чем бы потом сожалел.

Питер скривился. Но он знал, что мать права. Вспоминая ту ночь авианалета, крепкую хватку отца и гнев в его голосе, Питер ощущал ледяную волну страха в животе.

— А теперь нужно прибраться, — сказала миссис Блум. — Потом ты посидишь со мной и сделаешь домашнее задание. И ни слова про аппарат, тебе понятно?

— Да, мама, — тихо произнес Питер.

Отец пришел домой через два часа. При виде Питера и его матери у камина он выдавил измученную улыбку, похожую на солнечное сияние через вощеную бумагу.

— Что это вы тут?

— Сегодня у меня в кабинете холодно, — сказала мать Питера. — Я попросила Нэнни подать ужин сюда.

Мистер Блум плюхнулся в кресло.

— Отличная мысль. У нас был митинг на Насосной станции в Уоррингтоне, там был жуткий холод.

Он сложился пополам в приступе кашля. Мать Питера встала и накрыла его пледом.

— А ты, Питер? — спросил отец, когда закончился кашель. — Чем ты сегодня занимался?

Он откинулся в кресле, прикрыв глаза.

Питер уже открыл рот, пытаясь придумать, что сказать. Правда свинцовым грузом давила на грудь. Но прежде чем он заговорил, с губ мистера Блума слетел легкий храп.

Миссис Блум посмотрела на Питера, потом на его отца. И печально улыбнулась.

— Он старается изо всех сил, — прошептала она. — Теперь ты понимаешь?

Питер не понял, но все равно кивнул. И вдруг разозлился на отца. Умеет же он все испортить, даже во сне! Не замечая гнева Питера, его мать улыбнулась.

Сделав домашнее задание и поужинав, Питер

ушел к себе. Он готовился ко сну и взял книжку, которую спрятал между стеной и тумбочкой у кровати. Укромное место, но слишком узкое, чтобы туда поместился кристальный аппарат.

«Наука смерти», Герберт-Бланко Уэст, гласила титульная страница.

Питер открыл главу, которую начал читать вчера вечером, об эксперименте Уильяма Крукса, показывающем, что частицы лусита близки к более сложным структурам вроде мозга. Но Питеру трудно было сосредоточиться.

Не то чтобы ему не нравилась жизнь — конечно же, нравилась. Но из-за всего прочитанного Страна вечного лета обрела больше смысла. Например, можно летать или совершать мысленные путешествия, а это даже еще лучше. Ты не заперт в теле пухлого коротышки, из-за чего тебя шпыняют в школе. И можешь увидеть мысли других людей.

В Стране вечного лета мама не сломала бы кристальный аппарат. Питер понял бы, почему она так злится. И не надо было бы хранить это в секрете от отца.

А может, он все неправильно понял. Может, это отцу лучше отправиться в Страну вечного лета без Питера и его матери.

Через некоторое время он услышал, как родители поднимаются в спальню. Мать приглушенно смеялась. Питер не обратил на это внимания и еще долго лежал без сна в тусклом свете ночника, представляя, каково будет, если отец умрет.

* * *

— Итак, мистер Блум, что вы посоветуете? — спросил премьер-министр.

— Сэр, я согласен с шефом. Джугашвили — наш лучший вариант, чтобы все успокоилось и мы избежали тотальной войны.

Премьер-министр расхаживал по комнате. Искры его души снова стали ярче и раскачивались в такт шагам, как экзотическое морское существо в водном потоке.

— Сэр, я все-таки настоятельно советую подумать об альтернативном варианте, — сказал сэр Стюарт. — Адмиралтейство считает победу в Испании вполне достижимой. Нужно проверить наше новое оружие в полевых условиях, против современной армии, и мы сомневаемся, что Советы ответят полноценным военным развертыванием. Одни только трудности с транспортировкой…

— Потребуют приложить умственные усилия,

согласен, — прервал его премьер-министр. — Но это не та проблема. Для Вечно Живого подобные усилия — обыденность. Естественно, многие утверждения о его способностях — всего лишь пропаганда, но нельзя и полностью их отвергать. И если всерьез рассматривать возможность, что мы имеем дело с чем-то выше человеческого разума, нельзя избирать настолько очевидный курс, используя Джугашвили. Вы учитывали это в своем анализе, мистер Блум?

Прежде чем Питер успел ответить, вмешался шеф разведки:

— До сих пор непосредственный вклад Вечно Живого в разведку ограничивался проверкой оперативников в России, вот почему мы не сумели внедриться в Кремль. На практике, все оперативные решения принимает старая гвардия НКВД и внутренний круг богостроителей. У нас есть причины полагать, что аппарат советской разведки сейчас занят внутренними чистками, так что это превосходное время для решительных действий.

Искры души Уэста расширились в ясную сферу.

— Как указал мистер Блум, нужно учитывать и человеческий фактор, — медленно проговорил он. — Вероятно, поставив на Франко, мы с самого

старта выбрали не ту лошадь. Лично мне он никогда не нравился. Попытаем удачу с Джугашвили.

— Благодарю, сэр, — сказал Си. — Вы об этом не пожалеете.

— Однако я хочу, чтобы возглавило операцию Зимнее управление. Очевидно, ключевую роль играют земные агенты, Вереск и Палач. Сэр Стюарт создаст оперативную группу, которая примет под контроль обоих. Я также дам указания Адмиралтейству проработать сценарий на случай провала.

Питер с трудом верил своим ушам. Монокль Си снова выпал и дрейфовал перед его лицом как приманка для глубоководной рыбы.

— Вынужден возразить, — сказал Питер. — До сих пор именно я занимался Палачом, и на этом этапе операции было бы губительно так резко менять куратора. Не говоря уже о риске физических встреч…

— Я услышал ваши возражения, мистер Блум, — устало отозвался Уэст. — И все-таки я принял решение, основываясь на всех имеющихся данных. Сэр Стюарт, мне хотелось бы встретиться с этим человеком через неделю, если возможно. Это все, господа.

Губы Си сжались в мрачную ниточку. Душа сэра

Стюарта искрила, как полная луна — золотистая и круглая.

— Вот так, Блум, — прошипел Си, не прикасаясь к контуру эктофона, чтобы не услышали премьер-министр и сэр Стюарт. — Все это подстроили для того, чтобы подонок Мензис мог сделать свой ход. Похоже, старик к вам прислушивается. Может, вы сумеете заставить его передумать, любыми способами. Иначе мы в полном дерьме.

Прежде чем контур эктофона исчез, Питер снова заговорил:

— Премьер-министр, я бы хотел переговорить с вами наедине.

Искры души Уэста съежились в твердый, непроницаемый комок, но голос прозвучал удивленно:

— О чем это, мистер Блум?

— Это касается нашего давнишнего разговора. Мне кажется, он может пролить свет на ситуацию в Испании.

— Понятно. И где же состоялся тот разговор?

— На Пэлас-террас-гарденс, сэр.

Премьер-министр хмыкнул.

— Что ж, я пригласил вас сюда, чтобы узнать вашу точку зрения. Будет вполне справедливо, если я уделю вам еще одну минуту. Остальные могут идти. Вы нужны Англии, как и Испании.

* * *

В 1921 году, через три месяца после смерти мистера Блума, однажды поздно вечером мистер Уэст появился в доме на Пэлас-террас-гарденс.

Питер спрятался на верхней площадке лестницы и смотрел, как он входит. Их экономка Нэнни Шмидт взяла у мистера Уэста пальто и шляпу. Рядом с дородной Нэнни Уэст выглядел крохотным и круглым, как Шалтай-Болтай. Даже в тусклом освещении его глаза отливали серебристым блеском. Миссис Блум поздоровалась с ним и провела в гостиную.

Питер на цыпочках последовал в главный салон. Мебель в комнате была покрыта белыми покрывалами и напоминала снежный пейзаж. Питер залез под накрытый бильярдный стол и притаился там. Пропахшая затхлостью ткань слегка приглушала звуки, но он все же слышал разговор в соседней комнате.

— Моя милая Горгона. Мне так жаль, — сказал мистер Уэст.

— Пожалуйста, не называй меня так, — тоненьким голоском ответила мать.

— Тысяча извинений. И еще за то, что не пришел на похороны. Ты же знаешь, как сейчас

обстоят дела. Но мне хотелось прийти и выразить соболезнования.

— Ничего страшного, Гэ-Бэ, правда.

— Надеюсь, он взял Билет.

— Ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

— Наверное. И все же.

— Гэ-Бэ, под конец я все-таки его полюбила. Он старался изо всех сил. Пытался помочь, но этого было мало. Он пытался стать тобой. — Она всхлипнула. — Можно сказать, это мы с тобой его убили.

— Не говори так. Он был хорошим человеком, но сам выбрал такую судьбу. И за это я его уважаю. Как же иначе.

— Да, я тоже, еще как. Я решила баллотироваться по его округу.

— Понятно. Мне казалось, что в его эссе есть что-то знакомое. Это же была ты, с самого начала? Что ж, я не мог бы пожелать более достойного оппонента.

— Я знаю, ты бы предпочел послать его в Страну вечного лета. Но так его жизнь кое-что значит. Он не исчезнет, пока мы будем его помнить. Пока помнит Питер.

— Как мальчик?

— Ох, Гэ-Бэ. — Голос миссис Блум дрогнул. — Он

со мной не разговаривает. За несколько месяцев до смерти Чарльза я сломала его кристальный аппарат. Он думал, что сможет поговорить с Чарльзом до угасания.

Мистер Уэст промолчал.

— А теперь он сидит у себя в комнате и не выходит. Не знаю, что и делать.

— Он еще так юн. Время лечит. Позволь мне с ним поговорить.

— Думаешь, это разумно?

— А почему нет? Я всего лишь твой старый друг, пришел высказать соболезнования. А когда-то мы были друзьями и с Чарльзом. Так что в этом плохого? А кроме того, я принес ему подарок.

— Одну из твоих игр, да?

— Лет через сто обо мне будут помнить по этим играм, дорогая, попомни мои слова.

Миссис Блум засмеялась.

— Пусть он сам решит. Питер!

Питер подпрыгнул, стукнулся головой о бильярдный стол и побежал обратно в свою комнату. Он как раз добрался до верхней площадки, когда в коридоре появилась его мать вместе с мистером Уэстом.

— Хочу тебя кое с кем познакомить, — сказала миссис Блум.

Руки у мистера Уэста были пухлые и мягкие, но пожатие — крепким. От него слегка пахло медом.

Питер с прямой спиной сел на стул. Нэнни принесла чай, но Питер был слишком взвинчен, чтобы к нему прикоснуться. Миссис Блум пожелала им хорошо провести вечер и удалилась в кабинет.

— Я прочитал вашу книгу, — сказал Питер.

— Да? Какую?

— «Наука смерти». Мне она понравилась.

— Вот как. Спасибо. Обычно большинство юных читателей упоминают не ее, — сказал мистер Уэст. — Наверное, не стоит сегодня ее обсуждать, ради твоей матери. Но скажи-ка, Питер, ты когда-нибудь играл в войну?

Питер покачал головой.

— Я не особо люблю играть. Это для малышей.

— Позволь с тобой не согласиться!

Мистер Уэст поднял пакет из коричневой бумаги и вытащил оттуда большую картонную коробку. На крышке была нарисована одетая в хаки армия на поле боя, и надпись большими красивыми буквами: «Маленькие войны».

— Если я не слишком стар для этого, то ты тем более. Давай покажу.

Он открыл коробку. Там лежали раскрашенные оловянные солдатики, пушки на пружинах, картонное поле, раскладывающееся в холмы и деревья, кубик и бумажные листы с таблицами. Мистер Уэст опустился на четвереньки и стал ползать вокруг, расставляя друг против друга маленькие армии на полу гостиной. Питер наблюдал, но в груди у него сжимался тугой узел.

Энтузиазм мистера Уэста был заразителен, а игра довольно интересной. Они бросали кубик, чтобы определить исход артиллерийской перестрелки и сражений между подразделениями. Мистер Уэст создал игру на основе прусской военной игры, Kriegspielen, в прежние времена с ее помощью обучали офицеров.

— Это не должно происходить случайным образом, — сказал Питер после того, как удачный пушечный выстрел уничтожил его кавалерийский эскадрон.

— То есть?

— Как в вашей книге, вы там пишете, что если найти решение уравнения Максвелла — Кельвина, то всегда будешь знать, что произойдет в эфире. Нет ничего случайного. Почему в бою должно быть по-другому?

— Ну, в теории это так, если мы знаем все пе-

ременные и подставим их в нужное уравнение, и знаем изначальные условия. К сожалению, мы недостаточно умны, чтобы создать такие уравнения, и потому в войне, как, кстати, и в любви, все остается неопределенным.

— И никогда нельзя быть ни в чем уверенным?

— Что ж, в чистой математике можно, я думаю. Начинаешь с аксиом и доказываешь, что из них что-то логично вытекает. В теории чисел можно доказать, к примеру, что существует бесконечное множество простых чисел. К сожалению, большая часть этих истин совершенно бесполезна на практике. Лучше жить в неопределенности и бросать кубик, даже если нам не всегда нравится результат.

Питер посмотрел на поле боя и свою павшую кавалерию.

Нэнни Шмидт обнаружила мистера Блума утром после последнего митинга. Он пришел домой поздно, упал, ударился головой и захлебнулся собственной рвотой. Врач бодро все это рассказал, пока не выяснил, что у мистера Блума не было Билета.

Питер знал, что лишь самые сильные призраки без Билета, один из тысячи, могут протянуть больше дня после смерти, остальные блуждают

в собственных мыслях, снах и кошмарах в бесконечности эфира, пока не угаснут. Мать отказалась достать эктофон, чтобы хотя бы попробовать, непреклонно утверждая, что мистер Блум этого бы не хотел.

— Питер, — тихо сказал мистер Уэст, — ты не должен винить маму за то, что она не в состоянии предугадать будущее. Она поступила так, как считала правильным. Она тебя любит, а сейчас ты очень ей нужен.

— Я не сержусь на маму.

— Что ж, а она явно думает, что сердишься.

— Я желал папиной смерти, — сказал Питер. Слова вылетели, как шарик из пружинной пушки. — Я желал папиной смерти, хотя на самом деле нет, но так и не смог сказать ему, как я сожалею.

— Питер, — хрипло произнес мистер Уэст, — он знал. Конечно же, он знал. И если я хоть чуть-чуть понимаю своего друга Чарльза Блума, он тебя простил.

Он неуклюже протянул руку и сжал плечо Питера.

— Позволь открыть тебе секрет, Питер. Мы с Чарльзом очень сильно разошлись по одному вопросу. Думаю, в конечном итоге он был прав, а

я ошибался, но я просто не мог заставить себя это признать. А теперь уже никогда ему не скажу. Но в том-то и дело, что тем, кого мы любим, иногда и не нужно говорить о важных вещах. — Серебристый блеск в глазах мистера Уэста подернулся дымкой. — Ну, так что, поиграем еще? Похоже, ты выигрываешь.

Питер вытер глаза. Игра завершилась поражением мистера Уэста. Питер помог ему собрать солдатиков.

— Вы еще к нам придете? — спросил он.

Мистер Уэст опустил взгляд и пригладил усы.

— Боюсь, это невозможно, Питер.

— Почему?

— Это трудно объяснить. Ты поймешь, когда станешь старше. Не очень хороший ответ, я знаю. Но я буду думать о тебе и твоей матери. А ты сохрани игру.

И Питер вдруг понял, что в другом мире все иначе. Не в Стране вечного лета, а в какой-то стране, лежащей вне времени. Пока мистер Уэст надевал шляпу и пальто и прощался с его матерью, Питер страстно желал отправиться туда, как бы далеко это ни было.

* * *

Однажды Джордж спросил Питера, ненавидит ли он Герберта Уэста. Питера это насмешило. Как бы ни был виноват Уэст, в тот вечер он пришел ради него. После этого Питер снова начал разговаривать с матерью. А слова Уэста убедили его заняться математикой в Кембридже.

Нет, Питер не испытывал ненависти к Уэсту. Хотя порой сожалел об этом.

И пусть сейчас они остались одни, премьер-министр явно напрягся.

— Мистер Блум, я знаю, у вас благие намерения, и наверняка мой старый друг Мэнсфилд Камминг, — он назвал Си настоящим именем, — убедил вас на меня повлиять. Боюсь, я принял решение, и оно не изменится.

Питеру не потребовалось много времени, чтобы разобраться, отчего Уэст не может навещать их с матерью, в особенности когда его политическая карьера пошла в гору. Пока в Стране вечного лета по-прежнему сидит на троне королева Виктория, в обществе тон будет задавать благопристойность. И все-таки Уэст мог хотя бы признать существующую между ними связь.

Злость придала Питеру сил.

— Вероятно, вы позабыли разговор, который я упомянул. Вы сказали, что кое в чем были не правы, но не способны это признать. Что ж, сэр, сейчас у вас есть возможность все-таки это признать.

— Весьма бесцеремонно с вашей стороны, мистер Блум. — Теперь искры души Уэста выглядели крепостью — бледно-серые камни, сложенные концентрическими кругами, с бледно-оранжевым огоньком в центре. — Вы и впрямь считаете, что я неспособен признать свои ошибки?

— Вы решили, что Летнее управление стало слишком могущественным и нужно показать, что главный — вы.

— Хм, — озадаченно протянул Уэст. — Интересный довод. Увы, он тоже неверный. Вы не видите картины в целом, повлиявшей на мое решение. Предлагаю вам…

И тут душа премьер-министра моргнула, как уже случалось прежде. Уэст закашлялся. Мысленная завеса вокруг центральных искр приоткрылась и показала его разум.

Картину в целом.

И на мгновение мысли Уэста оказались на виду.

Питер подался вперед и всмотрелся прямо в

душу премьер-министра.

В Стране вечного лета живые души состояли из света: сверкающие многоугольники, языки пламени, пузырьки и очень редко — узнаваемые образы. За несколько десятилетий специалисты по чтению душ составили словарь основных эмоций, но каждая душа обладала собственным уникальным языком мыслеформ.

Питер никогда не видел такую душу, как у Герберта Уэста.

Она напоминала миниатюрный кинотеатр или диораму. В центре возвышался серебряный город с башнями и домами, многослойный, вроде свадебного торта, с бесчисленными крохотными искорками в каждом окне и на каждой улице. В небе над городом парили огромные лица — сам Уэст, а рядом с ним Лодж и Маркони. Питер понял, что смотрит на Летний город.

И тут из бездны под городом выросло темное дерево. Черные ветви протыкали серебряные здания и обвивались вокруг башен. И под их прикосновениями вспыхивали и угасали искры. Через мгновение город превратился в сморщенную шелуху, как покинутый улей на дереве, серый и скукоженный. Оттуда вылезла бордовая тварь, похожая на невиданное насекомое, и Пи-

тер опознал в ней мыслеформу вины.

Потом образ исчез, сменившись обычным калейдоскопом сознания. Какая бы хворь в мозгу Уэста ни вызвала эти картины, все закончилось.

— Камлан, — пробормотал Уэст. — Камлан, Камлан… — Он сделал глубокий вдох. — Простите, мистер Блум. О чем мы говорили?

Питер заколебался, но потом сказал:

— Я высказал свои доводы в пользу того, чтобы делом Джугашвили позволили заниматься Летнему управлению, но вы их отвергли.

В голосе прозвучали визгливые нотки. Увиденное в душе Уэста окатило его леденящим огнем, и от страха собственный мыслеобраз опять превратился в мальчишеский. Питер порадовался, что Уэст ничего не видит в эфире.

— Да, действительно. В таком случае, полагаю, мы закончили. У меня назначена еще одна встреча. Нет покоя грешнику, да?

Были ли те образы порождением лихорадочного воображения старческого ума? Нет, они были слишком мощными, слишком всепоглощающими. И каким-то образом отражали картину в целом, которую упоминал Уэст. Пусть Питер и выпустил из рук операцию в Испании, но получил кое-что более ценное для Вечно Живого.

— Спасибо, что уделили мне время, сэр, — сказал он.

— Мистер Блум? Я помню тот разговор. Вы должны понять, что чем выше забираешься, тем с большей готовностью тебя столкнут с пьедестала. А сейчас я стою на одной ноге. В других обстоятельствах я бы рассмотрел ваши аргументы в ином свете. Вы понимаете?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Продолжайте работать в том же духе.

Душа премьер-министра свернулась в форме яйца Фаберже, запечатав все свои тайны. Потом Питер вошел в Трубу, вернул мыслеобраз в зрелый возраст и начал спуск в Летнее управление, чтобы сообщить Си плохие новости.

10. Чтение душ, 11–12 ноября 1938 года

В финансовом отделе Зимнего управления стоял жуткий холод, а Рэйчел Уайт страдала от похмелья.

Белый шум пишущих машинок прокатывался по ней волнами боли. Она не сумела заставить себя выпить утренний чай с сослуживцами, и потому во рту у нее пересохло. Рэйчел нависла над столом, это как будто уменьшило тошноту. К счастью, через зарешеченные окна бывшей тюремной столовой почти не проникал свет. Электрические нагреватели работали на полную мощь, подсушивая сырость, но все равно приходилось кутаться в толстый шарф и митенки.

Очень медленно Рэйчел взяла ордер на покупку, поставила на нем печать и записала серийный номер в эктотерминале, одну букву за другой. Она решила, что ступит на путь к измене позже, разузнав, какие денежные потоки можно пустить с редко используемого счета в «Крессвел и Пайк» в другую сторону, на небольшую, но разрастающуюся операцию Макса. Но это подождет, пока

мозг не восстановит химический баланс.

Еще одна причина завидовать мертвым вроде Блума.

* * *

Джо, разумеется, услышал о том, что случилось у Харрисов.

Рэйчел точно не знала, кто ему позвонил, вполне вероятно, Филби. Когда утром она проснулась от резкого дребезжания будильника, по-прежнему в полупьяном, дурном состоянии, предшествующем основным проявлениям похмелья, Джо уже встал.

Рэйчел обнаружила его внизу, Джо кормил вьюрков, полностью одетый, но небритый. Птицы сидели на жердочках, съежившись от холода в шарики из перьев.

— Нужно держать их в тепле, — хрипло сказал Джо. — Давай перенесем их поближе к камину.

После инцидента с эктоплазмой они пришли к молчаливому соглашению делать вид, что этого никогда не было. Однако Джо ухаживал за вьюрками с фанатизмом, имеющим привкус епитимьи.

— Мне кажется, самка нездорова, — сказала Рэйчел. — Завтра отнесу их Максу, посмотрим,

что он скажет.

— Прекрасная мысль, любовь моя, — отозвался Джо. — Я и сам могу, если тебе нужен отдых.

— Нет, все нормально. Надо же заполнить голову чем-то, кроме работы.

— Как ты себя чувствуешь с утра?

Рэйчел плотнее запахнулась в пеньюар и подошла ближе к газовому камину.

— Чуть хуже, чем хотелось бы, — ответила она.

Голова разлеталась на мелкие осколки. Из трещин всплывали отдельные воспоминания о вчерашнем вечере, но Рэйчел не хотелось на них смотреть. Неужели она и правда произносила все эти ужасные слова? Оставалось только надеяться, что оно того стоило.

— Вчера вечером пыталась дозвониться твоя мать, — сообщил Джо.

В последнее время мать зачастила со звонками. Она явно скучала, после того как отец Рэйчел отправился путешествовать.

— Ну конечно. Ты с ней разговаривал?

— Нет. Трубку взяла Гертруда. Наверное, вечером тебе стоит ей позвонить.

Рэйчел уже две недели не перезванивала матери. Она не знала даже, как приступить к объяснениям случившегося. Лгать матери на

голубом глазу было сложно и до ее кончины, а теперь, когда она в буквальном смысле заглядывала Рэйчел в душу, практически невозможно. А когда мать скучала, то имела привычку тратить часть прана-пенсии на мысленные путешествия по следам Рэйчел после захода солнца. Рэйчел толком не знала, как к этому относиться — то ли ей это было приятно, то ли раздражало.

— Позвоню, когда будет время, — сказала она.

— Как там Группировка?

— Да как всегда, просто душки. Гай Лиддел спрашивал о тебе. И знаешь, мне сделали несколько предложений на будущее.

— Вот и чудесно.

Голос Джо звучал бесстрастно. Он сунул руку в клетку, чтобы поменять загаженную газету на поддоне. На мгновение вьюрки вспорхнули и заметались. От шума в голове у Рэйчел стрельнули первые лучи боли.

И вдруг поведение Джо ее взбесило. Вечно с ним так — словно собачья перебранка. Выписывает вокруг предмета спора восьмерки, и лишь когда не видит иного выхода, выплескивает эмоции одной пулеметной очередью. И даже тогда о некоторых вещах он не станет говорить вслух.

— Джо, если тебе есть что сказать, скажи. Мне

нужно на работу.

Она знала, что это неверный ход. Рэйчел уже и прежде пыталась заставить его раскрыться, и это никогда не удавалось, он просто умолкал и удирал в свой клуб.

— Слушай, Рэйчел, я просто думаю…

— Что?

— Может, нам стоит взять отпуск. Ты в таком напряжении, а мы уже давно не были на атлантическом побережье. Врач говорит, это пошло бы мне на пользу.

Вошла Гертруда с полным английским завтраком на подносе. Рэйчел поблагодарила ее, но тут же поняла, что не сможет проглотить ни крошки.

— Не знаю, — сказала она, когда экономка ушла. — Мне кажется, слишком рано для отпуска, я ведь только что получила новую работу.

— Уверен, мисс Скэплхорн поймет.

— Ты когда-нибудь с ней встречался, Джо? Она не из тех, кто понимает. Я бы с радостью, но… просто сейчас неподходящее время. Прости.

Бекон пах восхитительно, и она отважилась попробовать кусочек. По горлу тут же поднялся кисловатый привкус. Рэйчел откинулась на стуле, закрыла глаза и подождала, пока желудок не

утихомирится.

— Не воспринимай это неправильно, Рэйчел, — медленно произнес Джо, — но мне следует о чем-то знать? Тебя что-то здесь держит?

Уже несколько месяцев она подозревала, что Джо встречается с другими женщинами. Возможно, даже не с женщинами из плоти и крови. В Ист-Энде были места, где призраки и медиумы вызывали из эктоплазмы соблазнительных красоток для разборчивых джентльменов, беспокоящихся о заболеваниях. А может, это просто секретарша в Бленхейме.

Рэйчел точно не знала, что хуже, а потому заперла свою ревность в дальний ящик, где та сидела, пока ее не потревожат.

Рэйчел открыла глаза и болезненно улыбнулась.

— Только жуткая головная боль, дорогой. Будь добр, принеси мне аспирин, чтобы я могла предстать перед мисс Скэплхорн.

Джо кивнул, мимоходом тронул Рэйчел за руку и пошел наверх за таблетками.

* * *

Рэйчел кое-как добралась до третьего счета, когда кто-то поставил перед ней на стол горячую

чашку чая. Она удивленно подняла голову и увидела Роджера Холлиса.

— Как дела, Рэйчел?

Она подняла чашку и вдохнула аромат.

— Ты заварил слишком крепкий. И без лимона. Но спасибо.

— Решил, что ты бы предпочла настоящий chai. Но всегда пожалуйста.

Рэйчел помассировала лоб и глотнула горячего чая.

— Прости за тот раз, Роджер. Я была усталой и не хотела, чтобы кто-то объяснял мне, что и как. В особенности о том, чего я не хочу слышать. Как ты здесь оказался? В этот раз без букета?

На мгновение Роджер отвлекся на болезненный приступ кашля и вытер рот платком. Другие сотрудники финансового отдела повернули головы в их сторону. Холодная погода плохо сказывалась на состоянии его здоровья. Но ему, скорее всего, было уже все равно, он просто дожидался перехода в Страну вечного лета.

— Вообще-то я пришел к тебе, — наконец сказал Роджер.

— В таком случае, ты ясно видишь, что я последовала твоему совету.

— Естественно, я слышал про вчерашний ве-

чер. Я не должен был тогда тебе этого говорить. Но хотел как лучше.

Ну конечно. Филби уже превратил ее вчерашнюю эскападу в притчу во языцех всего Бленхейма, с его-то талантом трепать языком.

— Ладно, — сказала она. Мисс Скэплхорн внимательно смотрела на них поверх толстой оправы очков. — Давай пойдем куда-нибудь в другое место. Осталось всего несколько минут до обеденного перерыва.

* * *

Они притулились на диванчике в углу общей комнаты для персонала — пустой, поскольку все отправились в столовую. Рэйчел допила чай и предложила Роджеру несколько сухих крекеров из банки. Три штуки она взяла себе, а потом и четвертый — желудок сумел их переварить.

Роджер осторожно надкусил коричневый кружок.

— Рэйчел, прежде чем ты что-нибудь скажешь… Я слышал версию Филби. Он любит все приукрашивать, и потому я оставлю место для сомнений в твою пользу. Я тут подумал и, возможно, сумею тебе помочь.

— Что ж, у меня тут несколько сотен счетов,

на которые нужно шлепнуть печать, если у тебя есть свободное время.

— Я серьезно, Рэйчел. Я поразмыслил над твоими словами и знаю кое-кого в Летнем управлении, кто согласился заняться предполагаемым кротом. Один из младотурков. Это все… неофициально, но он считает, что в этом что-то есть.

— А почему бы твоему приятелю-жмурику просто не запросить мой рапорт?

— Да, но ты же знаешь, как это бывает, не все попадает в отчеты. А кроме того, как я и сказал, все это неофициально. Вот я и подумал, может, ты еще что-то помнишь про Феликса, что угодно.

Рэйчел уставилась на знакомое мальчишеское лицо Роджера, его дружелюбную улыбку.

«Я могла бы сказать, — подумала она. — И пусть этим займется кто-то другой. А я бы пошла к Лидделу, согласилась бы на перевод обратно в Ирландский отдел и подчистила бы за собой, так что никто никогда не узнает».

После снова накатила злость, как у Харрисов. Блум — неприкасаемый, так сказал Макс. Насколько она знала, Роджер работает на тех, кто решил прикрыть Блума. Это ее операция, подарок от Кулагина, ее шанс доказать Секретной службе, на что она способна, и получить назад

свою работу.

— Нет, боюсь, ничего не припоминаю, — ответила она. — Как ни больно это признавать, Харкер, вероятно, прав относительно попытки подсунуть нам дезу. Даже сломанные часы дважды в день показывают правильное время.

А кроме того, вполне в стиле Роджера сделать ей одолжение, чтобы заслужить теплые чувства перед переходом в мир иной, и плевать на давнюю платоническую дружбу. Порой ей казалось, что Роджер с такой легкостью выставляет напоказ свою интрижку, чтобы вызвать ее ревность. Может, она просто себе льстила.

Да, немного лести не помешает.

— Рэйчел, ты ведь понимаешь, что это не худшая должность. Я и правда хочу тебе помочь. — Он нахмурился. — Хотя бы с внешними приличиями. У тебя крошки на губах. Вот тут.

Он протянул ей платок. На мгновение оба схватились за ткань, и пальцы почти соприкоснулись. Потом Рэйчел потянула платок и промокнула шелком губы. Нелепо, но от этого прикосновения она почувствовала себя виновато. Она положила платок на низкий столик между ними, рядом с пустой чашкой.

Даже если его предложение искреннее, она не

могла его принять. Это означало бы подобраться слишком близко.

— Спасибо, Роджер, я это ценю. Я понимаю, что ты хочешь вскарабкаться на самый верх мира призраков, и желаю тебе самого лучшего. Но просто не могу в этом помочь. Прости.

Роджер нахмурился и резко встал.

— Думаю, ты совершаешь ошибку.

В его голосе звучала обида.

— Я всю жизнь совершаю ошибки, Роджер, — вздохнула она. — Как бы то ни было, я буду скучать по тебе, когда тебя здесь не станет.

— Ладно, старушка, — сказал Роджер и подавил приступ кашля рукавом. — Тогда, наверное, это прощание.

— Прощай, Роджер!

* * *

Макс Шевалье склонился к птичьей клетке и рассматривал вьюрков. Самка угрюмо забилась в угол, нахохлившись, а самец скакал вверх-вниз и радостно клевал семечки.

— Боюсь, самки более хрупкие. Посматривай, не появится ли вздутий на брюшке.

— Может, перейдем к делу? — спросила Рэйчел, хотя птица и впрямь выглядела больной.

— Пфф! Приоритеты, миссис Уайт. Живые птицы кладут мертвых шпионов на обе лопатки.

— Может, все это было бессмысленно. Может, Блум просто хотел быть вежливым.

Ее настроение не особо улучшилось по сравнению со вчерашним днем. Джо ночевал в гостевой спальне, снова жалуясь на холод.

Макс назначил встречу на Слоун-сквер на субботу, до своего выхода в свет. Он был в теле Генри и вечернем наряде. Волосы напомажены, от него сильно пахло одеколоном. Если бы не расслабленность лицевых мышц и мертвые глаза, он был бы самым привлекательным мужчиной, которого Рэйчел видела в жизни, но все же она предпочла бы куклу Эдисона.

— Бедное создание, — сказала Джоан. — Интересно, у нее есть душа?

Похожая на птичку блондинка была агентом Макса и говорила с легким шотландским акцентом, а кроме того, судя по ее взглядам на мертвого разведчика, была немного в него влюблена. Другой агент, Хелен, дама преклонного возраста с говорком кокни и в залихватской шляпке с пером, потягивала чай и скармливала кубики сахара сидящему на жердочке сквернословящему амазону. Макс поклялся всем святым, что им

обеим, как и Генри, можно полностью доверять, но все-таки присутствие двух женщин слегка нервировало Рэйчел.

Она пристально посмотрела на Джоан.

— Сейчас меня больше заботит шпионаж, чем эсхатологическая орнитология, — сказала она. — Долго нам еще ждать?

— А зачем торопиться, миссис Уайт? — спросил Макс. — Потихоньку, полегоньку, и сцапаем мартышку за хвост.

— Вчера ко мне заходил мой бывший секретарь Роджер Холлис. Утверждает, что тоже ищет крота по поручению кого-то из Летнего управления. Просил моей помощи.

— Ну разве это не любопытно? — сказал Макс. — И что вы ему ответили?

— Что ничего не знаю. Думаю, у него… есть скрытые мотивы предлагать свою помощь, и насчет расследования он не всерьез.

Хелен весело хихикнула.

— Ого, неужто хотел уложить в койку?

Рэйчел покраснела.

— Либо дело в этом, либо хочет выслужиться перед теми, кто покрывает Блума.

Она с удивлением узнала, что Хелен внедрилась в группу луддитов под руководством

советского агента и отвечала в ней за связь и конспиративную квартиру. Джоан была ключевой свидетельницей в знаменитом деле о «Русской чайной» несколько лет назад. Страстная любительница автомобилей, она выступала в роли водителя. В Зимнем управлении Макс предпочитал таких агентов с частичной занятостью, а не профессионалов, за их целеустремленность и отсутствие карьеризма.

Все это выглядело весело и необычно, но Рэйчел помнила историю о застреленной Максом лисице. Несомненно, при необходимости он поступит со своими агентами с той же комбинацией нежности и беспощадности.

— Ладно, — сказал Макс. — Нужно присматривать за мистером Холлисом. Что до контакта с вами мистера Блума, нет нужды суетиться. Подозреваю, он будет действовать по классической схеме вербовки, не столь уж далекой от соблазнения. Если бы не чтение душ, я мог бы написать для вас сценарий.

Рэйчел прищурилась.

— Ах да, миссис Уайт. Как и большинство умерших, он способен читать вашу душу. Это делает задачу интереснее.

— Хорошо, — с сомнением произнесла Рэй-

чел. — Так как же я не дам ему проникнуть в мои самые глубокие и темные тайны?

— Ну, чтение душ — это все же не чтение мыслей. Призрак видит эфирную форму вашей души, а это весьма мимолетная штука, ее трудно расшифровать, больше похоже на рисунок кубиста, чем на кинофильм. Но чуть-чуть потренировавшись, призраки могут определить большую часть эмоций. Это увеличивает их способности к вербовке. Однако этому можно противостоять, прибегнув к методу Станиславского: используя собственные воспоминания, создайте сильные эмоции, чтобы обдурить наблюдателя. Давайте проделаем небольшой эксперимент.

Он дотронулся до переключателя на короне призрака. Генри окаменел, но потом его лицо стало вполне человеческим.

— Лишь на минутку, мой мальчик, — послышался голос Макса из куклы Эдисона.

Медиум вздохнул и откинулся на спинку кресла. В тех редких случаях, когда Макс покидал его тело, молодой человек старался помалкивать.

— А теперь подумайте о чем-то приятном, пожалуйста.

Рэйчел тупо уставилась на куклу. О чем-то приятном. В голове мелькали детские воспоминания.

Она слушала рассказы няни. Ухаживала вместе с матерью за садом. Джо сделал ей предложение на Атлантическом побережье Франции. Образы казались холодными и далекими. Она почувствовала жжение в глазах, пришлось зажмуриться, чтобы не выступили слезы.

Рэйчел смущенно встала.

— Наверное, я по природе не особо радостный человек, — выдавила она.

— Похоже на то, — мягко отозвался Макс. — Что бы это ни было, я могу это использовать.

— Ничего-ничего, — сказала Хелен. — Все в порядке, пташка. Присядь. Здесь ты среди друзей.

Глядя на ее румяное лицо, Рэйчел вдруг ощутила благодарность к Максу за то, что не завербовал суровых мужчин, как это принято в Зимнем управлении.

— Очевидно, придется закончить нашу работу, — сказал Макс. — Я отменю ужин. Ну да ладно. Тогда давайте попробуем гнев. А еще лучше вину. Вина всегда выглядит правдоподобно.

11. Интрижка в картотеке, 14 ноября 1938 года

Питер Блум вошел в читальный зал картотеки Летнего управления, чтобы поискать информацию по последней битве.

Занята была только половина заляпанных чернилами столов. В зале было четыре стойки архивариусов и небольшая зона отдыха. В любой гражданской организации мира живых это место называлось бы библиотекой, разве что здесь приходилось искать в ана и ката. Даже самому примитивному гиперзрению открывались бесконечные спиральные полки с лабиринтами секретов. Питер любил картотеку, она напоминала ему библиотеку Тринити-колледжа в Кембридже, хотя здесь и недоставало запаха бумаги и пыли.

Он пришел якобы для того, чтобы собрать материал к совещанию по Испании для Зимнего управления. Когда Питер сообщил Си об исходе приватного разговора с Уэстом, шеф разведки пришел в ярость. Старик два дня не высовывал носа из своего кабинета, отказываясь принимать

кого-либо, кроме сурового Хилла. Специальному комитету предстояло собраться на следующей неделе, двадцать первого ноября, и Питер подозревал, что шеф готовится к очередной перепалке с сэром Стюартом. В его отсутствие с деталями передачи операции Зимнему управлению пришлось разбираться Питеру. Молодой сотрудник по фамилии Холлис продолжал бомбардировать его запросами. Питер добросовестно готовил информационный пакет, который через Слушателя будет доставлен также Отто и Норе.

Но подлинная причина, по которой он пришел в картотеку, заключалась в произнесенном Уэстом слове: Камлан.

В Камлане состоялось сражение, где убили друг друга король Артур и злодей Мордред, покончив с золотым веком Камелота. Думал ли Уэст о вероятной мировой войне, надвигающейся из-за конфликта между Советским Союзом и Британией? Отражал ли тот образ вторжение Вечно Живого в Летний город?

Но все же это не объясняло чувство вины Уэста. Камлан — очень похоже на кодовое название операции или кличку агента. В ранние дни существования Секретной службы часто использовались кодовые имена из эпохи короля Артура.

Если существует задокументированный план войны с Советским Союзом, его крайне важно получить, в особенности когда разгоревшееся в Испании пламя может распространиться на весь остальной мир и даже Страну вечного лета.

Это стоит той цены, которую Питер готовился заплатить.

Питер подошел к архивариусу Астрид. Во время работы здесь девушка начала преждевременно угасать. Поступив в Управление, она была хорошенькой, с огненно-рыжими волосами, точеной фигурой и идеальными ногами, похожими на острый карандаш. Она по-прежнему носила белые блузки и короткие юбки, но волосы потускнели, а лицо превратилось в полупрозрачный овал, освещенный изнутри слабым призматическим сиянием лусита.

— Мистер Блум, — прошептала Астрид. Ее голос тоже почти исчез, остались только едва слышные вибрации эфира. — Как ваши дела?

— Боюсь, у меня было слишком много дел, чтобы с вами увидеться. Навещал живых.

— Неудивительно, что вы так бледны.

Несмотря на свое состояние, Астрид была остра на язык и даже любила подшутить над собственным угасанием.

— Просто жду, когда же, наконец, забуду нашу первую встречу, чтобы снова познакомиться.

Астрид засмеялась, и легкий шелест эфира пощекотал лицо Питера.

— И сегодня, вероятно, настал тот самый день.

У каждого угасание проявлялось по-разному, и даже регулярная подпитка праной могла от него не уберечь. До Билетов это происходило очень быстро, неудивительно, что ранних медиумов обвиняли в шарлатанстве, когда вызываемые ими призраки могли вспомнить лишь фрагменты прошлой жизни. Порой Питер гадал, каково было его отцу, какое последнее воспоминание осталось с ним в самом конце.

Питер вздохнул.

— Боюсь, что нет. Мне нужна пара дел.

— Я слышала, вы получили повышение.

— Надеюсь. Но если я не справлюсь, Си отрежет мне голову.

— Только голову? От старческого маразма он стал мягкотелым.

Питер усмехнулся и взял со стола Астрид форму для запроса. Он нацарапал несколько ключевых слов и код операции и подписался своим луситом. Запрос на ранние рапорты Вереска.

Астрид мельком проглядела карточку и на

мгновение застыла. Место утраченных в результате угасания воспоминаний в основном занял обширный каталог картотеки.

Она вызвала из эфира куб Хинтона — текучий, меняющий форму кристалл размером с игральную кость. Он представлял собой уникальный адрес в четвертом измерении, куда можно было мысленно переместиться, как с помощью Билета или маячка в эктофоне.

Питер устроил спектакль, хмуро глядя на куб.

— Знаете, Астрид, мне что-то нехорошо. У меня был неудачный контакт с медиумом, оставивший нас обоих с головной болью размером с Гибралтарскую скалу. Вы мне не поможете?

— Конечно. — Она наклонилась ближе. — С удовольствием.

Питер подмигнул ей. Всегда можно найти изъян в любой системе, как бы тщательно ее ни сконструировали. Этому его научил философ Людвиг Уншлихт.

* * *

Это случилось семь лет назад, на втором году учебы Питера в Кембридже.

Лекция была странной с самого начала. Доктор Уншлихт вошел в аудиторию Тринити-колледжа,

поставил стул в центре небольшого свободного пятачка и сел. Некоторое время он просто сидел молча, на лице отражались напряженные раздумья. Немецкому философу было около пятидесяти, но он запросто сошел бы за тридцатилетнего. Орлиный профиль и густые каштановые кудри поверх высокого лба.

И наконец он начал разрезать воздух правой рукой.

— Я снова и снова буду пытаться доказать, что так называемое математическое открытие куда правильнее назвать математическим изобретением.

При этих словах Питер яростно стиснул учебник и перьевую ручку. Уж конечно, в математике совершают открытия, а не изобретения! Изобретение — слово низшего порядка, больше подходит для инженеров. Математика — наука о законах всех возможных миров. Он оглядел остальных студентов в аудитории и с разочарованием убедился, что никто не пришел в бешенство.

И все же лекция доктора Уншлихта оказалась настолько же захватывающей, насколько и странной. Он не делал записей, только говорил. Время от времени останавливался и что-то бормотал себе под нос, сведя брови в попытке вытащить

мысль из невидимого колодца собственной воли. Когда он снова начинал говорить, утверждение было превосходно сформулировано, логично и, на взгляд Питера, являлось полной ересью.

— Задумаемся над «парадоксом лжеца», — сказал Уншлихт. — В определенном смысле весьма странно, что эта загадка кого-то может смутить, потому что все просто: если человек говорит «Я лгу», мы делаем вывод, что он не лжет, откуда вытекает, что он лжет и так далее. И что дальше? Можно продолжать так до посинения. А почему бы и нет? Это не имеет значения. Просто бесполезная словесная игра. С какой стати вообще уделять ей внимание?

— Потому что это противоречие! — выкрикнул Питер, не в силах сдержаться. — Если в математике допускается утверждение, одновременно правдивое и ложное, то все разваливается!

Уншлихт посмотрел на него, сверкнув глазами. Тонкие губы сложились в улыбку.

— Почему? — спросил он. — Почему все разваливается? Все в полном порядке. С чего бы молодой человек так боится противоречий?

Питер вспыхнул.

— Если строить математику не на логике, то на чем же тогда? — спросил он. — Рассел и Мур

показали, что…

— Я прекрасно знаком с их работой. Но вы не ответили на вопрос. Что плохого в противоречии?

— А если вы строите мост? — раздался звонкий голос, полный энтузиазма.

Обладатель голоса был одним из первых Новых мертвых, которых увидел Питер. Он, точнее его медиум, носил панцирь призрака — похожую на водолазный костюм громоздкую штуковину, покрытую кольцами проводов. От нее исходил слабый запах горелой пыли.

— Если вы хотите построить мост, — продолжил призрак, — нужно убедиться в правильности расчетов. А как вы будете уверены, что мост не рухнет, если в расчетах есть противоречие?

— Доктор Морком, — сказал Уншлихт, — а разве вы не ведете семинары по этой теме? Может, позволите мне присоединиться?

Питер узнал фамилию. Доктор Кристофер Морком — математик-вундеркинд, скончавшийся молодым, но продолживший работу в Стране вечного лета, посмертно он даже получил должность в Тринити-колледже.

— Я и в самом деле веду курс по основам математики, — сказал доктор Морком. — Но мне чрезвычайно любопытен ваш подход.

— Тогда вы, в свою очередь, тоже можете меня просветить. Бывало ли такое, чтобы мост падал из-за «парадокса лжеца»?

— Разумеется нет. Но математика не так тесно сплетена с физической реальностью. В конце прошлого столетия шотландский математик Питер Тэйт показал превосходную корреляцию между классификацией узлов и периодической таблицей элементов. В Стране вечного лета мы обнаружили даже более глубокие связи между геометрией и природой душ. Как можно продолжить это путешествие, если все здание логики покоится на таком шатком основании?

— Ваш аргумент нерелевантен. Математические вычисления не зависят от материальной или эфирной природы. Это языковая игра, ничего более, нежели вопрос грамматики, общественного договора и требований практики. Доктор Морком, вам придется согласиться со мной, что наши мосты выстоят. Если они упадут, то не из-за ошибок в фундаменте вычислений. Найдите в вашей Стране вечного лета идеальный мост, сделанный математически, который рухнет под вашим весом. Тогда я взгляну на вещи по-другому.

— Будем надеяться, что эфирные мосты по-

прежнему нас выдержат, — ответил доктор Морком.

Он сел, уступив в этой патовой ситуации. Уншлихт продолжил лекцию, нахмурив брови.

После ее окончания Питер догнал его в большом зеленом дворе Тринити-колледжа.

— Доктор Уншлихт.

Философ обернулся и склонил голову набок, как озадаченная ловчая птица.

— Я не понял вашу главную мысль, — сказал Питер. — Вы считаете математику истинной или ложной?

— Моя идея в том, что тут нечего обсуждать. Или, если кто-то начнет это обсуждать, я отброшу эту идею и найду другую. Научитесь смиряться с противоречиями, юноша. И тогда, возможно, мы еще поговорим.

Он ушел, а Питер так и стоял посреди двора в полной растерянности, как воздушный змей с обрезанной веревкой.

* * *

Семь лет спустя Питер вошел в самое сердце крепкой математики — в картотеку.

Прикасаясь к его руке словно перышком, Астрид с ослепляющей скоростью провела его к

первой папке. Во время мысленного путешествия цвета папок слились в серый туман, превратившийся затем в кубическое пространство, со всех сторон окруженное полками и освещенное янтарным гиперсветом. Куда бы ни повернул голову Питер, везде изгибались углы. Питер и Астрид находились внутри бесчисленных гиперкубов, составляющих стопки папок. Трудно поверить, что всего тридцать лет назад Секретная служба начинала работу в маленьком здании на Чаринг-Кросс-роуд.

Астрид подлетела к полке наверху, у самого потолка, вытащила толстую папку и протянула ее Питеру.

— Ну вот, мистер Блум. — Ее пустое лицо светилось розовым. — Чем я еще могу помочь?

Питер выпустил папку и притянул Астрид к себе. Он поцеловал ее лицо без губ. Кожа была, как мыльный пузырь, — скользкая и пружинистая. Питер лизнул узелок ее лусита, и Астрид тихо застонала.

В Стране вечного лета у Питера было мало любовниц. Хотя он и находил викторианскую мораль, не одобряющую плотские удовольствия в эфире, смехотворной. Вот только в Стране вечного лета нагота означала буквальное обнажение

души и всех ее секретов. А поэтому даже сейчас его мыслеобраз оставался полностью одетым и четким. Он толкнул собственный лусит в глубину эфирного тела Астрид, но лишь ласкал ее лусит, не проникая в него.

Было бы так легко слиться воедино. А ведь Вечно Живой и есть логическое завершение подобного союза. Астрид притянула его ближе и прижалась луситом. Ее пальцы превратились в нити эфира и обтекали спину Питера. На мгновение они оказались мучительно близко. В его руках находилось лекарство от одиночества, возможность полностью слиться с другим. Астрид же тянулась к его телесным воспоминаниям, к миру живых, ко всему тому, что она потеряла. Но Питер не мог ей этого дать.

Он мог лишь забрать.

И пока Астрид прильнула к нему, забывшись страстью, Питер сосредоточился на ее лусите, проник внутрь, к записям картотеки, наполняющим ее разум, словно опилки мягкую игрушку. Он прошептал слово «Камлан», и тут же увидел куб Хинтона, выскочивший из потерянных воспоминаний Астрид.

Питер ласкал ее еще несколько минут, но без энтузиазма. Наконец, Астрид разочарованно

отстранилась.

— Простите, — сказал Питер. — Простите. — Не знаю, что на меня нашло. Это неправильно, мы не должны…

Гладкое, как яйцо, лицо Астрид не выдавало эмоций, но голос звучал холодно.

— Ничего страшного, мистер Блум. Вы жаловались на головную боль от медиума. Наверное, приятно вам, мальчикам, посещать мир живых. Я решила, что помогу вам немного повзрослеть, но ошиблась.

Питер вспыхнул. Астрид подобралась и воплотилась в прежний чопорный мыслеобраз.

— Уверена, вы найдете дорогу обратно.

В дуновении эфира от ее внезапного ухода зашелестели страницы парящих по кубу папок.

Питер собрал с пола страницы испанского досье. Потом сосредоточился на кубе Хинтона из разума Астрид и перенесся в него. Гиперкубы с папками расплылись. Перекрестные ссылки и несколько мыслепотоков тянули его в разных направлениях. Не обладая инстинктами архивариуса, он сосредоточился на самом сильном, держась за образ из куба, как попавший в течение пловец за бревно.

И наконец он очутился перед заставленной

папками полкой. Вот оно: притяжение куба направило его руку к папке с зеленой обложкой. Питер вытащил из нее листы и вернул пустую папку на место.

На мгновение он задумался о текстуре бумаги между пальцами. Даже сейчас имперские эфирные технологии отчаянно цеплялись за условия мира живых.

Конечно, все было не таким, как кажется. Где-то внутри папок находился лусит, конечный итог угасания, древняя душа, извлеченная из рудников ката, на котором держится сотканная из эфира мыслеформа бумаги и чернил. Остался ли хоть отблеск оригинала? Чувствует ли что-то древняя душа, когда читают документы?

Жаль, что души не могут ясно показать свои мысли и желания.

Питер сосредоточился. Пачка листов свернулась, как будто обугливаясь в невидимом пламени. Превратилась в полыхающий пузырь эфира вокруг осколков лусита, стала яблоком из света и воздуха, лежащим в ладони.

Питер проглотил его. Крохотный осколок лусита осел на орбите вокруг его собственного. И кристаллизованная информация тут же хлынула в его разум: фотографии, отчеты, записи. Слиш-

ком много, чтобы сразу обработать. Позже нужно просмотреть более тщательно.

Но он хотя бы унесет эту угасшую душу с собой, когда вольется в Вечно Живого.

* * *

Вернувшись в читальный зал, Питер чувствовал себя измотанным и опустошенным. Но придется еще немного подождать, прежде чем подпитаться праной. Не стоит пока уходить. Стараясь не смотреть на Астрид, он занял пустой стол и напоказ углубился в чтение рапорта Вереска.

Это отвлекло от соблазна заглянуть в дело Камлана и вернуло к ситуации в Испании. Помимо Инес Питер вел там двух агентов — секретаря Рабочей партии марксистского единства и парикмахера-анархиста с влиятельными и болтливыми клиентами. Передать их кому-то равносильно предательству.

Питер понимал, что это чувство вины иррационально. Шпигельглас явно собирался ликвидировать Джугашвили с помощью добытой Питером информации. Первый шаг к тому, чтобы республика попала в поле влияния Вечно Живого.

Или нет?

— Привет, старик!

Питер поднял голову и встретился взглядом с Ноэлем Саймондсом.

Тот улыбался. Он был худым, с лицом проказливого мальчишки и непокорными кудрями. После смерти он выглядел так же, как и во время их совместных ночных вылазок в Кембридже. Хотя теперь работал в отделе А Летнего управления — контрразведке.

— Я повсюду тебя ищу, — сказал Ноэль. — Не прогуляешься со мной? По дороге перехватим по чарке праны.

Он хлопнул Питера по плечу.

— Похоже, тебе она будет не лишней.

* * *

Кабинет Ноэля находился на верхнем этаже штаб-квартиры Летнего управления, в путанице коридоров, означающей престижную близость к кабинету Си. Маленький, но уютный, украшенный старыми рекламными постерами отцовской компании «Супы Саймондса».

Опустившись на стул, Питер напрягся. Ноэль облокотился на подоконник и посмотрел на Альберт-парк.

Питер знал, что Ноэля прислали за ним. Он раздумывал, не сбежать ли. На крайний случай

Джордж дал ему куб Хинтона с адресом, куда он мог мысленно переместиться. Но для мысленного путешествия уровень праны Питера был слишком мал, а если и впрямь за ним пришли, то повсюду расставят опытных дозорных-призраков, они выследят его с помощью гиперзрения.

Питер представил, что это задачка на логику. Они знали, что он использует Астрид? Возможно ли, чтобы лично Уэст устроил ему ловушку? Это выглядело нелепо, но не полностью невероятно. Дело Камлана горело внутри.

— Как ты, старик? — спросил Ноэль.

Питер вздохнул.

— Вымотался. Си в дурном настроении, а мне придется отдать всю операцию в похотливые ручонки Зимнего управления, преподнести на блюдечке. Даже думать страшно, как они все испоганят.

— Ладно, Харриет принесет немного праны, чтобы ты взбодрился. А как на любовном фронте?

— Боюсь, ничего, как в пустыне.

— Понимаю, о чем ты, — с тоской протянул Ноэль. — Занимаюсь здесь всякой ерундой, а отец пытается затащить меня обратно, выпускать супы, можешь себе представить? А я-то думал,

что все это в прошлом. Говорят, не от всего можно сбежать даже после смерти, но вот уж не думал, что и от супа тоже не сбежишь.

— Как твоя книга?

— Пытался опубликовать ту книгу фотографий, но ничего не вышло. Редактор решил, что поощрять студентов Кембриджа лазить по ночам по крышам — это некошерно. Наверное, в конце концов опубликую за свой счет.

— Мне бы хотелось увидеть книгу. Старые добрые времена.

Ноэль улыбнулся.

— Ты будешь первым, кому я сообщу, когда она выйдет.

Он повернулся спиной к окну, прислонился к стеклу и скрестил руки на груди.

То ли собирался вежливо солгать, то ли наконец решил перейти к делу.

— Слушай, я хочу с тобой посоветоваться. Один парень из Бленхейма мне кое-что рассказывает — негласно, ну, ты понимаешь. — Ноэль похлопал по крылу носа. — Ну так вот, месяц назад Зимнее управление заграбастало какую-то большую шишку и не хочет нам в этом признаваться. Перебежчик. Все хранится в секрете, в курсе лишь главы отделов, заместитель директора и

парочка дозорных. Но только ничего из этого не вышло. Перебежчик рассказал то, что все уже и так знали, несколько недель водил их за нос.

Питер засмеялся, маскируя этим облегчение.

— Как обычно — дело можно только спустить в сортир.

— Вот именно. В общем, они уже были готовы выкинуть его за гроши нашим заокеанским братьям, и тут вдруг перебежчик решил покончить с собой прямо в отеле. Вот так. И без Билета. Просто исчез, как струйка дыма. Наши заокеанские братья рассердились. Полетели головы. Все встали на уши.

Джордж покончил с собой? У Питера голова пошла кругом. Оказывается, он совсем не знал Джорджа.

— А Си знает? — выдавил он. — Нужно рассказать премьер-министру, чтобы не отдавал операцию в Испании этим кретинам.

— Точно! Но есть одна загвоздка. Мой паренек сказал еще кое-что. Видимо, напоследок перебежчик шепнул, что кто-то из наших играет за другую команду. Что думаешь, старик?

12. Ночные альпинисты Кембриджа, 14 ноября 1938 года

Питер и Ноэль Саймондс подружились семь лет назад, в день лекции Уншлихта.

Потрясенный Питер весь вечер бродил по улицам, пытаясь собраться с мыслями. Вернулся он уже поздно, пришлось заплатить привратнику, чтобы его впустил.

Шагая по первому этажу в сторону угловой лестницы, где находилась его комнатушка, он услышал наверху какой-то скрежет. Питер поднял голову, ожидая увидеть живущую на территории колледжа черную белку.

Между двумя толстыми колоннами, торчащими из кирпичной стены, висел молодой человек в костюме и шарфе цветов Тринити-колледжа. Похоже, он каким-то образом вскарабкался по щели между колоннами, упираясь спиной в одну, а ногами в другую. Но теперь застрял на полпути вверх.

— Эй, наверху! — прошептал Питер. — Что ты вытворяешь?

— Ничего, — последовал приглушенный ответ.

— Не вздумай лезть в мою комнату. Я вызову привратников.

— И не собирался! Честное слово! Я просто занимаюсь скалолазанием.

— Похоже, сейчас ты вряд ли поднимешься.

— Это ты верно заметил.

— Ты же Ноэль, да? Ноэль Саймондс?

Однажды Ноэль одолжил у Питера конспект, пропустив лекцию, по его словам, из-за важной встречи. Питер и не подозревал, что это может включать в себя преодоление вертикальных поверхностей.

Ноэль поморщился.

— Слушай, Блум, ты там не видишь моток веревки? Ты, конечно же, не сможешь принести ее вон к тому окну, привязать куда-нибудь конец и бросить остальное мне? Вряд ли я долго продержусь.

Его ноги тряслись, а висел он довольно высоко.

— Ладно, — сказал Питер. — Но потом мы оба залезем на крышу.

* * *

— Вот так? — спросил Питер, натянув веревку.

Он пытался обогнуть торчащую из стены статую святого. Уже высоко, почти в тридцати футах

от пола. Он вспотел, руки ныли, но это не имело значения. Это было настолько иррационально, словно он находится вне тела и парит в невесомости.

— Да. Нет. Поставь ноги вон на тот выступ. Рядом с тобой водосточная труба, хватайся за нее другой рукой. А теперь отпусти веревку и возьми меня за руку. Не волнуйся, я тебя поймаю. Раз, два, три…

Питер отпустил веревку и потянулся к Ноэлю. Одно кошмарное мгновение он держался на стене только мысками ботинок и цепляясь за водосточную трубу. Потом их ладони соприкоснулись, и Ноэль крепко сжал его руку. Балансируя на выступе, Питер отпустил водосточную трубу и схватился другой рукой за край крыши. Он подтянулся, а Ноэль напряг мускулы, удерживая его вес, лицо покраснело от натуги. И наконец Питер поставил ногу на крышу, перемахнул через край и растянулся рядом с Ноэлем. Одна черепица сползла и рухнула во двор с жутким треском. Оба на мгновение замерли и задержали дыхание. Но привратник не появился, и Ноэль улыбнулся.

— Неплохо для новичка, — уважительно протянул он. — Обычно мы занимаемся этим вдвоем, но свинья Банни решил, что идет привратник,

и слинял.

Они прислонились к большой дымовой трубе. В холодном воздухе было тихо, повсюду светились огни Кембриджа.

— И что нужно для начала? — спросил Питер.

— Нужна подходящая одежда. Гладкая куртка хорошего качества — это обязательно, чтобы ни за что не зацепиться. Обувь на резиновой подметке, если рассчитываешь всерьез этим заняться.

— Боже ты мой, так ты часто это делаешь?

— Почти каждый вечер. Даже пишу об этом книгу. — Ноэль ухмыльнулся. — Может, это будет наивысшее достижение моей жизни.

Ноэль неформально возглавлял группу из десятка верхолазов, которые забирались на каждое заметное здание Кембриджа. Питер слушал его рассказы со странной завороженностью.

— Но зачем? Зачем так глупо рисковать?

— Конечно, это опасно. Но знаешь, а что нас ждет? Я окажусь во главе бизнеса по производству супов, можешь себе представить? Я пытаюсь писать стихи, но буду честным — они дрянные. Остается еще политика, но это кошмарная скука. Но скалолазание у меня получается отлично, несмотря на то в каком положении ты меня застал. Приятно, когда у тебя хоть что-то хорошо

получается.

Ноэль всмотрелся в городские огни.

— А знаешь, говорят, от того состояния, в котором ты умер, зависит, что произойдет с тобой в Стране вечного лета. Иногда мне хочется прыгнуть, удариться о землю и падать дальше, прямиком сквозь землю. И целую вечность потом карабкаться обратно. Не так уж плохо. — Он усмехнулся. — К тому же верхолазам легко охмурить девчонок.

— Серьезно?

— Не очень. Вообще-то до сих пор я не встречал любительниц скалолазания, прекрасный пол рассматривает наше увлечение высокими заостренными объектами как нечто нездоровое, в духе доктора Фрейда.

Питер засмеялся.

— А ты? — спросил Ноэль. — Ты-то зачем сюда залез? Прости за назойливость, но от такого дотошного человека, как ты, я совсем не ожидал, что он вдруг решит посидеть на крыше.

— Ты не поймешь.

— А ты попробуй объяснить.

— Это глупо. Сегодня я был на лекции, и слова доктора Уншлихта меня расстроили.

— Серьезно? Мне обычно с трудом удается не

заснуть на лекции, но чтобы еще и расстраиваться…

— Просто… — Питер с досадой махнул руками в воздухе, не находя слова. — Он говорил, что математика ничего не значит, это всего лишь словесная игра, и за ней нет истины. Я считаю, что он не прав, но с ним трудно спорить. Мне хотелось стать математиком, но теперь не знаю, что и думать.

Ноэль оглядел его с любопытством.

— Математиком? А знаешь, многие верхолазы получают диплом с отличием. Думаю, ты так напрягаешь мозги, что ночной воздух пойдет тебе на пользу. Почему бы не попробовать?

— Лазить по крышам?

— Ну да. Способности у тебя определенно есть. Мы написали что-то вроде инструкции, завтра принесу.

Ноэль сверкнул зубами в темноте.

— Конечно, новичок должен кое-что сделать. Ритуал инициации, так сказать.

— Это какой?

Ноэль встал, собрал веревку и обвязал ее вокруг пояса. Потом подошел к ее концу, схватился за водосточную трубу и с проворством обезьяны начал спускаться. На секунду он остановился и с

озорством выглянул из-за края крыши.

— Спуститься, — сказал он. — Удачи!

И скрылся.

* * *

Семь лет спустя в кабинете Ноэля Питер вспоминал то чувство, когда его в одиночестве бросили на крыше. Конечно, это было испытание. В конце концов ему удалось спуститься, после того как он прополз по всей покрытой варом крыше на четвереньках.

Ноэлю нравилось устраивать испытания. Но чтобы пройти текущее, требовалось нечто большее, чем слезть с замысловатой каменной кладки, отделавшись лишь сломанным ногтем.

— Кто-то из наших играет на обе стороны? — наконец проговорил Питер. — Мне это кажется маловероятным. Ты уверен, что русские это не подстроили?

— Так говорят и все шишки из Зимнего управления. Я просто хочу узнать, что думаешь ты.

— Почему именно я?

— Ты всегда хорошо соображал, старик. А в Испании в последнее время у нас больше всего трудностей. Мы должны волноваться о ком-то в твоем отделе?

Питер посмотрел на Ноэля. Тот выглядел все таким же уверенным и беспечным, как когда лез наверх по дымоходу старой библиотеки много лет назад. Это значило, что он не вполне понимает, что делает, но считает, что находится на верном пути.

— Твой источник уверен, что крот именно в Летнем управлении?

— Вроде да. А что?

— Ну, честно говоря, я подумал о Вереске. В Мадриде полно агентов НКВД, а он в добровольческом коммунистическом отряде. Зимнее управление предпочтет свалить вину на нас, если в их курятнике завелась лиса.

— Это точно. Попробую поспрашивать своего человека. Еще какие-нибудь мысли?

— Пожалуй, нет.

— Ну ладно. Я просто решил, что ты должен знать, на случай, если начнется охота на ведьм. Мы так давно уже варимся в этом вместе, что к тебе я решил прийти прежде всего.

По лицу Ноэля ничего невозможно было прочитать. Вполне в его духе предупредить, даже если он подозревает Питера. Или он предлагает шанс выйти сухим из воды?

— А Си знает? — спросил Питер.

— Пока нет. Хочу, чтобы так и оставалось, пока не найдется более веских доказательств. Все это может оказаться чепухой.

Когда на третьем курсе Кембриджа мистер Джепсон, их научный руководитель, завербовал Ноэля в Секретную службу, тот наконец-то нашел более захватывающее занятие, чем лазить по крышам. Вскоре его примеру последовал и Питер.

И уже не в первый раз ему захотелось, чтобы все произошло наоборот. Дружба с Ноэлем была тем единственным, что Питер не хотел возложить на жертвенный алтарь Вечно Живого. Джордж посоветовал продолжить дружбу, сблизиться с Ноэлем, словно ничего не изменилось. Но Питер не смог. Ноэль почувствовал что-то неуловимое, камешек в течении дружбы, и они отдалились друг от друга.

Ирония заключалась в том, что именно ночные восхождения и их общий друг Седрик привели Питера на путь к Вечно Живому.

* * *

На следующий день после знакомства Ноэль, верный своему слову, принес Питеру «Инструкцию для верхолазов» — пачку машинописных

страниц с надписями от руки и фотографиями. Как бы Питер ни старался, он не мог сердиться на Ноэля за то, что тот бросил его на крыше, — ночная вылазка создала между ними какую-то особую связь.

Питер познакомился с друзьями Ноэля — Джеймсом, Банни и Седриком, те тоже по ночам лазили по архитектурным сооружениям Кембриджа. Они излучали смесь энтузиазма и полного безумия. Сообщество верхолазов было маленьким и тайным. Ноэль утверждал, что часто в одном колледже есть верхолазы, которые не знают друг о друге.

Под руководством Ноэля Питер тренировался на крыше старой библиотеки. Ноэль называл ее детсадом для верхолазов — путаница склонов, зарешеченных проходов и железных лестниц.

Месяц спустя Ноэль счел его готовым для восхождения на башню библиотеки. Тонкую каменную иглу высотой в двадцать пять футов, в окружении горгулий и с острым шпилем наверху.

Увидев ее, Питер охнул, но это был, скорее, вызов для ума. Сначала придется преодолеть бездну страха, но после этого каменная резьба на башне делает подъем простым, как по лестнице.

И они вдвоем оказались на вершине, держась за шпиль.

— Посмотри на этот вид, — сказал Ноэль. — Он того стоил, а?

Впереди маячило массивное здание часовни Королевского колледжа, такое огромное, что даже с высоты шестидесяти или семидесяти футов Питер смотрел на него как будто с земли. На севере над морем крыш поднималась часовня колледжа Святого Иоанна. А прямо внизу находился Тринити-холл, по двору веснушками рассыпались привратники. Питер чувствовал себя парящей в воздухе птицей.

Может, Уншлихт оказал ему услугу. Если цепляться за что-то твердое, никогда не взлетишь.

После этого Питер всей душой отдался скалолазанию. Оно отвлекло от сомнительной математики. Приятно было прижиматься всем телом к кирпичу, решать одну задачу зараз — руку сюда, ногу туда — и видеть, как высоко ты можешь забраться. От этого страдала учеба. Дни в промежутках между восхождениями проходили как в тумане, с песком в глазах, и Питер чаще что-то дописывал в «Инструкцию для верхолазов», чем в тетради с домашней работой.

Так продолжалось до сентября — до смерти

Седрика.

* * *

Не считая Ноэля, лучше всех из верхолазов Питер знал Седрика. Он учился в Тринити — высокий парнишка, носивший смешные брюки с высокой талией на подтяжках и куривший трубку. На лекциях он всегда молчал, с трудом втиснув долговязую фигуру на скамью и сжимая карандаш с такой силой, как будто длинные гибкие пальцы вот-вот сломаются. На восхождениях он становился оживленным и разговорчивым, рассказывал Питеру о детстве с шестью братьями-регбистами и планах открыть магазин с американскими комиксами.

Однажды ночью Седрик попытался в одиночку залезть на шпиль часовни Королевского колледжа. Начался дождь, Седрик поскользнулся и упал с высоты больше сотни футов. Его тело на следующее утро нашел во дворе надзиратель.

Через два дня после похорон Ноэль устроил ночную вылазку на шпиль часовни, чтобы почтить память Седрика. Верхолазы добыли эктофон и держали его включенным весь путь до вершины. Восхождение было сложным — уже подморозило, но они были вдесятером и прихватили много

веревок. Они набросились на часовню, как на мамонта, которого следует завалить и принести в жертву, в память о товарище.

На самой вершине Ноэль вызвал по эктофону призрака и стал ждать. Мрачное настроение испарилось, как только из Страны вечного лета отозвался Седрик. Ноэль уселся верхом на горгулью, как ковбой из ада, поднял эктофон и заулюлюкал.

— А вот и мы, старик! Вот и мы!

Остальные верхолазы, оставшиеся чуть ниже, хлопали друг друга по плечам и выкрикивали приветствия.

Ноэль махнул Питеру, предлагая поговорить с Седриком. Под выкрики остальных Питер взобрался на шпиль к Ноэлю и взял тяжелый аппарат.

— Как ты там? — спросил он Седрика.

На линии возникли помехи. Потом раздался голос мертвеца — глуше, чем в жизни, но явно принадлежащий Седрику.

— Вообще-то тут классно. Лекции по-прежнему скучные, даже по эктофону. И залезть особо некуда. Но мысленные путешествия — это потрясающе. И можно создавать предметы силой мысли. Но приходится соблюдать осторожность.

Иначе голова становится похожа на раздавленную сливу. Честно говоря, жаль, что я не попал сюда раньше, прежде чем шлепнулся.

И тут Питеру показалось, что шпиль перевернулся вверх тормашками, а ночное небо стало бездонной пропастью внизу.

— Рад за тебя, — прошептал он и передал трубку обратно Ноэлю.

Не обращая внимания на удивленный взгляд друга, он в одиночестве спустился до самого переулка за часовней и, не останавливаясь, побежал к Тринити-колледжу.

В своей комнате он лег на кровать и закрыл глаза. Это так несправедливо. Отец Питера всю жизнь пытался сделать что-то нужное и сгинул без следа. Седрик просто шел по жизни без всякой цели, и для него Страна вечного лета оказалась чем-то вроде курорта.

Не это ли пыталась втолковать ему мама? Нет смысла забираться наверх, если от падения ничего не изменится. Нет смысла в математике, если это просто игра, а не железобетонная истина.

Ноэль, Седрик и остальные никогда этого не поймут.

Впервые с тех пор, как Питер стал верхолазом, он почувствовал себя совершенно одиноким.

* * *

В последующие годы Питер примирился со своим одиночеством, но все же сейчас, когда он сидел за чашкой праны со старым другом, понимая, что стоит сболтнуть лишнего, и перед ним разверзнется бездна, у Питера ныло сердце.

— Я рад, что ты ко мне обратился, — сказал он Ноэлю. — Держи меня в курсе.

— Конечно.

— Кстати, твой источник случайно не знает что-нибудь о самом перебежчике?

— Не очень много. Дозорный, с которым он говорил, сказал, что русский — тот еще скандалист. Подрался с каким-то поэтом.

Питер изобразил улыбку.

— Подрался с поэтом? Неплохо для начала. Не припомню, чтобы кто-нибудь задирал тебя.

— Ну, был тот подонок Калдекотт. Но то из-за девушки.

Оба рассмеялись, вспомнив тот случай.

— Нужно сходить куда-нибудь вместе после работы, — предложил Ноэль. — Может, даже Седрика захватить. Что бы ты ни говорил про Зимнее управление, но им хотя бы не приходится платить кучу денег медиуму, чтобы просто выпить.

— Как там он?

— Ну, сам знаешь. Весь в делах. И постоянно спрашивает про тебя.

— Неплохие были тогда времена, да? Иногда я вспоминаю ту ночь, когда мы забрались на башню. Ты расскажешь об этом в книге?

— Вряд ли, — ответил Ноэль. — Кое-что каждый должен открыть для себя сам.

* * *

Остаток сумеречного дня в кабинете Питера тянулся бесконечно. Ему нужно было закончить доклад для Зимнего управления, но Питер едва мог сосредоточиться. Дело Камлана горело в его разуме раскаленным угольком, манило, но Питер не осмеливался просмотреть его у себя в кабинете. Вытекающие из-под эфирной ручки слова не раз складывались в полную нелепицу, и приходилось начинать сначала.

Он все-таки закончил и запечатал эктописьмо для Холлиса своим луситом.

По дороге в Нижний район, стоя в вагоне метро, он снова и снова слышал слова Ноэля.

«Я просто решил, что ты должен знать, на случай, если начнется охота на ведьм».

Каждый прохожий, мимоходом бросавший на

него взгляд, казался дозорным. И на мгновение руки Питера на перекладине у потолка снова стали детскими, маленькими и бледными, с обкусанными ногтями. Он быстро сунул их в карманы и взял мыслеобраз под контроль. Из вежливости никто не станет обращать внимание на изменение его внешности, но так не годится — ведь это выдает его взвинченное состояние.

Его лусит пульсировал страхом в одном ритме с клацаньем вагона. У Летнего управления есть специалисты по душам, которые могут откопать в его разуме все секреты, как тщательно их ни прячь. И когда его высосут досуха, он упадет в бездну ката, откуда никто никогда не возвращался.

Впервые за семь лет в Питере зашевелились сомнения. Джордж не только сбежал от Процедуры Термена, но и покончил с собой. С чего вдруг кто-то мог предпочесть падение без Билета в глубины ката вместо соединения с Вечно Живым?

Питер совсем не знал Джорджа.

Если начать с противоречивого утверждения, можно доказать что угодно.

Возможно ли, что это все-таки было не самоубийство, что Шпигельглас или кто-то еще ликвидировал Джорджа, а Зимнее управление это прикрывает? Но почему тогда Шпигельглас

скрыл это от него?

Питер сел и смотрел на бледных пассажиров в темных костюмах, возвращающихся домой с верхних ана-уровней, а может, из долгого и утомительного путешествия в мир живых, и завидовал им. Пусть их жизнь и бессмысленна, зато перед ними не встают невозможные вопросы.

Оказавшись в квартире, он наконец-то заглянул в дело Камлана. Все равно что распаковать долгожданный подарок, а может, выдернуть больной зуб — за день страхи и сомнения в его голове смешались в тугой узел. Питер сосредоточился на пузырьке эфира в крохотной сердцевине лусита и пролистал документы, словно огромные игральные карты фокусника.

Там находился бюджет с намеренно неясными целями расходов, список сотрудников — двадцать исследователей и вспомогательный персонал, и живые, и призраки, а также контракт с «Маркони» на эфирные приборы. Никаких фамилий — стандартная практика в оборонных контрактах. И все же он не зря старался — стоимость контракта превышала миллион фунтов. В непонятном заказе длиной в страницу говорилось про исследование «феномена глубоких зон ката», что бы это ни значило.

Проект в январе 1928 года одобрил лично Уэст, новоиспеченный премьер-министр, а завершился контракт в августе 1928-го. За выполнением следил комитет, включающий Уэста, королевского эсхатолога сэра Оливера Лоджа и Гульельмо Маркони. Сведения о последнем заседании комитета были скупыми, но показывали, что проект закрыли из-за «неубедительных» результатов, и Лодж с Маркони одержали верх над Уэстом. Питер насторожился. Ходили слухи, что трое свидетелей первого путешествия полковника Бедфорда в загробную жизнь в конце 1890-х совершенно рассорились. А Уэста, Лоджа и Маркони давно не видели вместе.

Остальные документы, само исследование, оказались размытыми. Питер выругался. Либо эфирные записи со временем испортились, либо сломалась камера Целльнера, записавшая образы в эфирных формах, чтобы перенести их в Страну вечного лета.

Или кто-то постарался, чтобы она сломалась.

Питер нервно расхаживал по комнате. Потом ему пришло в голову взглянуть на обложку дела. Ведь это эфирная копия старого бумажного документа, хранящегося в земной картотеке. В 1932 году она переехала с Чаринг-Кросс в Сент-Олбанс,

городок неподалеку от Лондона.

А официальный запрос не пошлешь, тем более если Питер под наблюдением у Ноэля и его отдела.

И тут его осенило. Ответ лежал на поверхности. Нужно понять, что о нем знает Зимнее управление и что случилось с Джорджем. Нужно добраться до старой картотеки.

Другими словами, нужен источник в Зимнем управлении.

Он вспомнил ту ночь, когда Ноэль оставил его в одиночестве на крыше. Стояла такая темень, что в поисках спуска пришлось ползти на четвереньках. Потом закрывающая луну туча ушла, и спуск превратился в чисто математическую задачку — простые шаги в правильном порядке. Спуститься по водосточной трубе к окну с резным каменным наличником. Перепрыгнуть на уступ, повиснуть на нем, прыгнуть. И вот ноги уже на земле.

Питер налил себе чашку праны, сел, взял эфирную ручку и начал сочинять эктописьмо Рэйчел Уайт.

13. Вербовка агента, 16 ноября 1938 года

Сквозь ноябрьский дождь Рэйчел Уайт смотрела на Лондон с вершины башни Маркони и настраивала себя на новую карьеру в качестве советского агента.

Блум предложил созвониться здесь вечером, после работы.

«Говорить по эктофону довольно скучно, — написал он в эктописьме. — Я бы предпочел с тобой пройтись — там, где мы можем посмотреть на мир с разных углов зрения».

Рэйчел плотно застегнула плащ от всепроникающих капель и пожалела, что согласилась с такой готовностью. Призраки не мерзнут. Она притопывала ногами и ждала звонка лежащего в сумочке эктофона. Блум опаздывал.

Башня стояла неподалеку от набережной Виктории. Посмертный проект Гюстава Эйфеля, трехногая радиовышка, монстр из кованого железа и стали с запахом ржавчины. Дождь начался, как раз когда Рэйчел поднималась к центральному шпилю. Все туристы повалили в противополож-

ном направлении, с зонтиками и буклетами над головой. Стиснув зубы, Рэйчел проложила путь к центральной гондоле и показала привратнику удостоверение Секретной службы. Тот козырнул и отправился в свою стеклянную будку за чаем.

Разумеется, это превосходное и логичное место для встречи. Башня служила центром притяжения для курьеров-призраков и эктопочты — огромный инструмент, настроенный на эфирные сигналы, связывающие мир живых с миром мертвых, и для обитателей Страны вечного лета встреча здесь — все равно что свидание в людном месте. Блум осторожен.

Внизу текла угольно-черная Темза, рассекая Лондон на две лобные доли, сотканные из городских огней, людей и электричества. Рэйчел тут же почувствовала головокружение и схватилась за перила, стараясь другой рукой удержать зонтик.

И тут тренькнул эктофон. Она выпустила зонтик. Ветер подхватил его и унес, подняв и закрутив. Шляпка и лицо тут же намокли. Рэйчел повозилась с наушниками и диском настройки и наконец через шипение помех и дождя услышала голос Блума.

— Скажи, Рэйчел, что ты видишь?

Она сменила позу.

— Дождь. Лондон. И пропасть, которая позволит мне оказаться рядом с тобой, стоит только сделать шаг.

Блум засмеялся — тихо, как будто шепотом.

— Прошу прощения. Мне следовало узнать прогноз погоды. Вечно забываю.

— Я понимаю.

— Если хочешь, можем пойти в другое место.

Ветер слегка ослабел.

— Ничего, все нормально, — ответила Рэйчел. — Раз уж я сюда забралась, то могу и насладиться видом. А ты что видишь, Питер?

— Отсюда башня выглядит гигантским фейерверком, а мы в самом его центре. Очень шумно. Повсюду призраки, шныряют туда-сюда, носят письма и сообщения.

Где-то неподалеку в Стране вечного лета за ними наблюдает и Макс. Она постаралась избавиться от этой мысли, чтобы Блум ничего не заметил. Сейчас было довольно просто сосредоточиться на холоде, дискомфорте и виде внизу.

— И отсюда видно, как перемещаются души Лондона — словно импульсы по нервным волокнам. Город похож на одно огромное существо, живое и разумное.

— Смерть всех превращает в поэтов или только

тебя?

— Прошу прощения, — засмеялся Блум. — Поэзия тебя не согреет, верно?

— Во всяком случае, не так. Скажи… чем я могу быть полезна Летнему управлению?

— Я бы предпочел обсудить, чем Летнее управление может быть полезным тебе. Ты сделала неплохую карьеру, Рэйчел. Картотека, Ирландский отдел, контрразведка. И даже замуж вышла за нашего. Конечно, такое часто случается, хотя обычно женятся на секретаршах. Без обид. Твой муж был офицером по связи с ВВС?

— Был. У него проблемы со здоровьем.

— Ясно. А я гадал, почему он не пришел на вечеринку. Жаль это слышать.

В его голосе звучало настоящее сочувствие. Мысль о том, что Блум видит ее личные темные глубины, разозлила Рэйчел. Вот и хорошо. Она подхватила это чувство и выдала его в голосе, в точности как тренировалась с Максом.

— Мы вроде бы встретились не для того, чтобы обсуждать моего мужа.

— Конечно. Просто я в курсе, как обстоят дела с твоей пенсией и Билетом.

Рэйчел промолчала. Дождь почти прекратился. И даже приятно было ощущать на лице морось.

— Прости, — сказал Блум. — Я не хотел переходить границы.

— Ты и не перешел. Просто сейчас… все сложно. — Она помедлила. — Можешь рассказать подробнее о том, что ты видишь? Каково там?

— Ну, примерно как описывают в книгах, более или менее. Твоя мать ведь в Летнем доме?

— Питер. Я не хочу услышать о четырехмерных капитанах и трехмерных кораблях или еще какую-нибудь избитую метафору. Расскажи о том, чего я не прочту в книгах. Что там хуже всего?

Блум задумался.

— Угасание. Оно пугает. Поначалу ты его не замечаешь. Прана, эфирная энергия, его останавливает — на время. Мысленные путешествия и создание мыслеформ усугубляют. Эфирологисты утверждают, что эфирные животные тоже когда-то были призраками людей, но столетия назад забыли свою истинную природу.

— Полный кошмар. Я слышала это слово, но не понимала его значения.

— Государственная служба умерших этого не афиширует. Но если получать достаточно праны, оно почти незаметно — за многие годы теряются крохотные воспоминания то там, то сям, и случается это не с каждым. Но есть и прекрасное.

Летний город иногда поет. Как музыкальный дождь. Там есть один человек, угасший, он предсказывает судьбу около Крепости. Слушает кирпичи-луситы. Поначалу я считал его безумным, но если хорошенько прислушаться, то в стенах можно расслышать шепот каменных душ.

— Выходит, быть мертвым не проще, чем быть живым. И хорошо, и плохо.

Несмотря ни на что, рассказ заворожил Рэйчел. Призраки редко обсуждали Страну вечного лета, но всегда с жадностью слушали про мир живых. Она укорила себя за то, что так легко отвлеклась. Она ведь больше не малышка, верящая в волшебное королевство.

Дождь прекратился. Тучи стали серо-розовыми, отражая городские огни. У горизонта на небе подмигивала одинокая звезда.

— Чем больше времени я провожу в Летнем городе, тем больше плохого замечаю, — сказал Блум. — Некоторые его места совсем не так приятны. Есть целые кварталы угасающих, похожие на дома для умалишенных, и никто не дает им прану. А еще есть рудники душ, глубоко в ката. Весь город построен на труде шахтеров, но их заслуги никто не ценит.

— Ты говоришь прямо как коммунист, — ска-

зала Рэйчел.

Это была ловушка. Он пытается прощупать ее на предмет симпатий к левым, а обмануть его сложно. Макс предупреждал, что следует этого ожидать.

— Когда-то это было в моде.

— Ну, возрожденцы всегда тяготели к идеям социализма, — сказала Рэйчел. И это была правда. Герберт-Бланко Уэст когда-то создал политическую партию на основе Фабианского общества, и его наследие никуда не делось, как бы он ни напирал в речах на либерализм, здравый смысл и науку. — Я поступила на Секретную службу во время войны. Тогда мы редко задумывались о политике. — Она помолчала. — Необычный у нас разговор, Питер.

— А ты — необычный человек.

— Мне считать это комплиментом?

— Разумеется. Редкий человек выберет такой нешаблонный путь, как выбрала ты. И я разделяю твои тревоги. Видишь, как сложно нам понять обитателей разных миров? Неудивительно, что между управлениями существует соперничество. Мы понятия не имеем, что происходит тут, а вы не представляете, что значит быть мертвым. И все же мы — правая и левая руки империи.

— И ты хочешь, чтобы я сообщала тебе, что творится в Зимнем управлении, так?

Она подумала о Роджере Холлисе, и негодование стало совершенно неподдельным.

— Не похоже, чтобы ты пришла в восторг.

— Я злюсь на некоторых своих коллег, это верно. Но не значит, что предам их.

— Правда, Рэйчел, я ничего не говорил о предательстве. Но скажи, почему ты злишься на Зимнее управление?

— Потому что меня не оценили по достоинству. Дали работу, с которой справится и школьница. Но мне некуда больше идти. Если я уйду, то потеряю пенсию и Билет и превращусь в одну из этих угасающих. Мой муж нездоров, и… — Она обеими руками схватилась за железные перила. — Я в ловушке, — сдавленно сказала она. — Ты представляешь, каково это?

— Вообще-то да. — Он умолк, а через пару секунд продолжил: — Тогда я был студентом. Наша компания любила по ночам забираться на крыши колледжа. Больше нам особо нечем было заняться. Мы знали, насколько это опасно, но всем было плевать — нас ведь все равно ждала Страна вечного лета. Потом один парень, Седрик, разбился насмерть, пытаясь залезть на шпиль часовни

Королевского колледжа. Никто не придал этому значения. Мы взяли на крышу часовни эктофон, из тех здоровенных моделей «Маркони», и устроили вечеринку в его честь, а он смеялся вместе с нами с Той стороны. И тогда я понял, что все останется неизменным целую вечность. Наши отцы, наши родители, уже в основном по Ту сторону, по-прежнему руководят своим бизнесом, и это будет продолжаться. Что бы мы ни сделали, все не имеет значения. Мне предназначено целую вечность быть госслужащим. Пустым местом.

Рэйчел не сомневалась, что это лишь часть правды. Блум переметнулся уже в Кембридже? Это значит, Советы искали талантливых ребят еще до того, как они поступали в Секретную службу. Такую долгосрочную стратегию мог разработать только четырехмерный ум.

— Ты настроена скептически, Рэйчел.

Рэйчел выругалась. Так легко забыть, что для Блума ее голова — как стеклянный сосуд с цветными эмоциями.

— Просто замерзла. — Она выдохнула облачко пара. — Боюсь, мне скоро нужно будет уходить. И как же ты избежал ужасного предначертания?

— Нашел то, во что можно верить.

Рэйчел вздохнула.

— Служба в разведке. Понимаю. Нечто большее, чем ты сам, нечто поистине бессмертное. Я и сама так думала, но я устала, Питер. Моя вера слаба. Может, всегда такой была. Служба в разведке оказалась не такой, какой я ее представляла, в особенности для женщины.

— И как это можно исправить?

Рэйчел стиснула зубы.

— Я бы заставила людей вроде Харкера испытать унижение. Показала бы, какие они идиоты.

— Месть?

— Справедливость.

— Рэйчел, вот что я предлагаю. Начни вести дневник и показывай его мне. Записывай в него что хочешь, все зависит от тебя. Пиши о коллегах. Наблюдай за ними. И мы найдем какие-то неформальные способы компенсации. Как тебе это?

— Для начала неплохо.

— Путешествие начинается с одного шага, Рэйчел. До свидания. Скоро еще поговорим.

* * *

— Все совершенно напрасно, — сказала Рэйчел Максу Шевалье. Она быстро шла по набережной, по-прежнему дрожа, и высматривала свободный кеб. — Единственным результатом будет

простуда.

Голос Макса по эктофону звучал спокойно.

— Все идет по плану. Он ищет что-то общее между вами, выстраивает доверие, просит о пустяках, которые вы легко выполните. Но вот сохраните ли в секрете? Нужно мыслить как натуралист. Вы ведете себя определенным образом, как будто это естественно, а потом…

— А потом лягушка сварится, так?

— Именно. В следующий раз или еще через раз он попросит сделать что-то более существенное, и мы ему это дадим.

— Мы не можем ему ничего дать. Это была бы измена! И долго тянуть это нельзя. Господи, он же в Иберийском отделе! В газетах разглагольствуют о том, что если положение ухудшится, Уэст пошлет туда войска. Нельзя подставлять наших.

— Миссис Уайт, каждая крепость, стоящая на страже нашего королевства, построена из тысяч мелких измен, вы сами должны это знать.

Рэйчел остановилась и оглянулась на башню Маркони, нависающую над рекой. Похожа на фейерверк, по словам Блума. Рэйчел представила, как башня вспыхивает и падает, словно горящее дерево, сокрушая под собой дома.

— Не волнуйтесь, мы его достанем. Вы отлич-

но справились. Он вел себя напористей, чем я ожидал. Может, его обложили. До сих пор наша пташка была очень пугливой.

— Ладно, — сказала Рэйчел. — Но если возникнет вероятность, что мы рискуем пожертвовать английскими ребятами, мы сдадим назад.

— Естественно.

— Вам-то в любом случае легко говорить, мистер Шевалье. А каков ваш вклад в эту затею?

— Я лишь делаю то, что у меня лучше всего получается, — ответил Макс. — Наблюдаю и слушаю. — Он издал тихую трель, похожую на птичью. — И кстати, один призрак неподалеку наблюдает за нами. Очень ясный мыслеобраз, и семейное сходство очевидно.

Рэйчел вздохнула. Дозорные-призраки из Летнего управления — ничто по сравнению с Генриеттой Форбс-Смит.

— Вероятно, это моя мать. Я с этим разберусь.

Рэйчел нажала на кнопку, служащую маячком для ее матери. Потом набрала с помощью алфавитного диска сообщение:

«Мама. Сейчас не лучшее время. Я работаю. Не трать прану. Скоро позвоню».

Через некоторое время эктофон тренькнул, диски закрутились и показали сообщение:

«Надень резиновые боты. По Би-би-си предсказывали дождь».

14. Финальный экзамен, 29 ноября 1938 года

На большей части совещаний на высшем уровне, где побывал Питер Блум во время работы в Секретной службе, чужак сразу же заскучал бы. Никаких повышенных тонов, тщательное рассмотрение фактов — словом, уровень страстей, как на планерке страховой компании во вторник утром.

Вторая встреча Специального комитета по проблемам Иберии не имела с ними ничего общего.

— Хотите сказать, что мы вручили вам лучших испанских агентов, а вы… вы…

Си немыслимо рассвирепел. Питер никогда не видел, чтобы он потерял контроль над своим мыслеобразом, но сейчас шеф Летнего управления выглядел бледным искореженным трупом с рваным обрубком вместо правой ноги, покрытым черной кровью.

Душа сэра Стюарта съежилась и искрила бесстрашным синим цветом.

— Мы пользовались имеющимися разведданными, — сказал он с издевательской бравадой в

голосе. — Не наша вина, что эти данные далеки от идеала.

— Господа, — устало произнес премьер-министр, — хватит ругаться, и объясните мне, как это случилось.

В его голосе из эктофона звучали визгливые нотки. Питер Блум смотрел на его круглую расплывчатую фигуру, нарисованную в эфире водоворотом линий никтоскопа — все равно что глядеть через зарешеченное окно на черно-белую версию мира живых. Трудно было рассмотреть его лицо, но когда премьер расхаживал туда-сюда по кабинету, Питер узнал знакомую походку вразвалку.

— Мы все еще пытаемся получить картину в целом, — сказал сэр Стюарт. — Мы действительно… потеряли некоторых испанских агентов. Похоже, у республиканцев возникла серьезная борьба за власть между рабочей партией марксистского единства, к которой принадлежит наш агент Палач и которая поддерживает Джугашвили, и коммунистами. Встрече Джугашвили и нашей делегации во главе с мистером Николсоном помешала перестрелка между двумя фракциями. Сейчас республиканцы открыто дерутся на улицах, а коммунисты уничтожают всех, кого

подозревают в связях с Джугашвили…

— А я говорю, что это похоже на утечку из Зимнего управления, — прервал его Си. — Никакая это не борьба за власть. Все срежиссировал НКВД, использовав нашу встречу с Джугашвили как предлог для уничтожения противников коммунистов.

— И где доказательства? — потребовал сэр Стюарт. — Республика — давно уже пороховая бочка! Мы просто споткнулись об нее, когда горел фитиль.

Все должно было пойти не так. Питер решил, что Шпигельглас использует Инес и другую добытую им информацию для ликвидации Джугашвили без побочного ущерба. А вместо этого НКВД буквально плеснул бензина в огонь и развязал гражданскую войну внутри гражданской войны.

— Гарольд, а ты что думаешь? — поинтересовался Уэст.

Политика и давнего друга премьер-министра Гарольда Николсона послали в Испанию на переговоры с Джугашвили. Его мыслеобраз выглядел как свежий труп — белый льняной костюм с алыми дырами от пуль. На пальцах висел эфирный образ сигареты.

— Что-то мы упустили, Герберт, — сказал он. — Мы прождали в «Телефонике» несколько часов, но Джугашвили так и не появился. Там была молодая испанка, член рабочей партии. Я поговорил с ней через переводчика, и она заверила, что он придет с минуты на минуту. Затем в здание ворвались коммунисты и началась стрельба. Никто из рабочей партии не выжил.

Питер знал, что в игре «Маленькие войны» не сожалеют о потере фигурки, но не мог не вспомнить искрящуюся душу Инес, зеленую сферу доверия и убежденности, когда он обещал, что в Испании наступит мир.

Вечно Живой наверняка знал, что случится. И уже рассчитал наилучший исход. Конечно, все дело в этом. Коммунистическая партия вернет в Испанию стабильность и победит франкистов. Все будет хорошо.

Вот только… людям свойственно ошибаться. Шпигельглас мог неверно истолковать указания Вечно Живого. При этой мысли Питер поежился.

— А что насчет Джугашвили? — спросил Уэст.

— Мы его ищем, — отозвался сэр Стюарт, — но, как я уже сказал, нам нужно больше полевых агентов, прежде чем…

— Да бросьте, — сказал Си. — Мы прочесываем

эфир в поисках сигналов. Мы его найдем.

Питер нахмурился. Джугашвили обладал легендарными способностями избегать ареста, но Испания — достаточно жирный куш, чтобы выманить его из логова. Может, его предупредили? Кто мог знать о встрече?

— Значит, нам остается только читать газеты, — сказал Уэст. — Позвольте показать вам заголовки. — Крохотная фигурка в никтоскопе надела круглые очки и уставилась на стопку газет. — «Коммунисты захватили Мадрид». «Мадрид стал красным». «Советская Испания». И так далее, и тому подобное. Именно об этом вы и рассказываете, насколько я понимаю.

Искры души премьер-министра покрывала непрозрачная оболочка, но через нее проникали крохотные искорки, и от них исходило зловещее красное свечение.

— Мне придется разговаривать об этом с парламентом. Дело больше не касается только разведки. Социалисты, набирающие в Британии волонтеров воевать с Франко, — это одно. Но когда коммунисты стреляют в британского дипломата — это совсем другое. Жаль, что мы не можем найти лучший вариант. В самом деле жаль. Я всегда мечтал быть выше мелких про-

блем человечества. Но сейчас у меня нет выбора. Придется начать войну в Испании.

Уэст посмотрел прямо в никтоскоп, и даже через размытый водоворот линий Питер заметил боль в его глазах. Он не сомневался, что ему померещилось, но взгляд был испытующе устремлен прямо на Питера, словно премьер-министр — преподаватель на экзамене, а Питер — снова студент.

* * *

Весь год после смерти Седрика Питер готовился к выпускным экзаменам в Кембридже. В учебе он находил утешение, хотя постоянно чувствовал, будто ходит по хрупкому льду.

Может, именно поэтому он заставил себя работать быстрее и усерднее, учился по двадцать часов в сутки, продираясь через печально знаменитые вопросы для третьей части финальных экзаменов в тщетной надежде найти что-то в геометрии, алгебре или функциональном анализе, опровергающее аргументы Уншлихта.

По ночам Питер бодрствовал, обернув голову мокрым полотенцем, и пил кофе до изжоги в желудке. Когда он наконец засыпал, ему снились пирамиды слонов и мухи, балансирующие на

дрожащих строчках Китайской теоремы об остатках, а также ее приложениях.

Прохладным майским утром, за три дня до экзамена, он встал в четыре утра после почти бессонной ночи. Оделся и пошел бродить по пустынным улицам, еще только начинало светать.

Он очутился у башни часовни Святого Иоанна. Перед экзаменами ее заперли, но железная решетка не была преградой для бывшего ночного верхолаза его калибра. Дымоход, потом открытое окно — и он внутри. На вершине, перед каменным парапетом наклонной крыши, находился небольшой выступ. Питер встал на него и подошел к краю. Его манила к себе бездна.

Как всегда, сверху мир выглядел совсем по-другому. Едва проступающие очертания города имели строгий порядок, неочевидную по ночам геометрию. Он почти поверил, что в мире есть смысл.

Но это была ложь. Сам разум упал с этой стены и разлетелся на мелкие кусочки, так что уже не собрать. Мать все неправильно поняла. И в этом мире тоже ничего нет, а в Стране вечного лета безбилетника ожидает блаженный сон угасания без воспоминаний — желанный дар.

После смерти Седрика Питер сжег свой Билет. А

теперь сомневался, что сумеет получить его, даже если захочет. Всего один шаг отделял его от того места, куда уже ушел отец, — бесформенного, бессмысленного эфира.

Питер закрыл глаза и глубоко вдохнул.

И вдруг услышал снизу крик:

— Мистер Блум!

Прямо под ним стоял Уншлихт, в одной рубашке без пиджака.

И тут Питеру показалось, что неправильно прыгать, когда кто-то смотрит, это дело интимное, касающееся его отношений с миром. Он подумывал спрятаться, но было уже поздно.

— Мистер Блум, если вы там закончили, не могли бы вы пойти со мной?

Уншлихт откинулся на спинку стула, сцепив пальцы, и ясными глазами ловчей птицы уставился в пространство. Они сидели в его квартире в башне Тринити-колледжа. Там был стол, два складных стула и больше практически ничего — ни штор, ни книг. На письменном столе лежали сложенный домиком журнал и перьевая ручка.

Уншлихт долго сидел неподвижно и молча, как будто забыл о Питере. Выглядел он каким-то растрепанным. К рубашке прилип листок, брюки на коленях испачканы травой. Потом философ

поднял голову и склонил ее набок, как делают соколы.

— Вам очень повезло, мистер Блум, что мы с другом заметили вас с лужайки. Что бы мы с вами делали?

— Я больше не стану пытаться, сэр, — сказал Питер. — Это было глупо. Дурацкий порыв. Вызов. В понедельник я сдам экзамены, как и собирался, и обещаю…

Уншлихт рубанул воздух ребром ладони.

— Я совсем не о том. Кажется, вы приняли мои философские комментарии очень серьезно. Это хорошо. Очень хорошо. Но боюсь, теперь вы слишком одержимы смертью.

Питер промолчал.

— Это глупо. Ведь мы не переживаем смерть. Это даже не значимое событие в жизни. Если считать вечность не бесконечностью, а безвременьем, то вечная жизнь принадлежит живущим в этом мире.

— Но Страна вечного лета…

— Она не играет роли. Это просто еще одна конструкция без подлинной вечности. Доска для очередной словесной игры. Но скажите, мистер Блум, кто устанавливает правила? Кто стоит у доски, наблюдает и судит?

— Не знаю.

Питер чувствовал себя неуютно под его немигающим взглядом. От Уншлихта пахло травой и сексом, и Питер вдруг понял, как именно тот испачкал колени.

— Так вот, позвольте показать, — сказал Уншлихт. — Я лишь лестница, мальчик мой. Забраться вы должны самостоятельно, потом отбросить лестницу.

Он встал и вытащил из-под кровати тяжелый кожаный чемодан. Поднял его, чуть напрягшись, и поставил на стол перед Питером.

И открыл.

Внутри был Бог.

15. В пабе «Синий пес», 30 ноября 1938 года

Паб «Синий пес» стоял чуть в стороне от Бромтон-роуд, вдалеке от оживленных кафе и магазинов Найтсбриджа и великолепия музея Виктории и Альберта. По переулку задувал ветер, и голые деревья в частном саду на другой стороне улицы качали ветками и что-то шептали. Яркие окна паба так и манили заглянуть из ноябрьской темноты.

Сразу у входа на Рэйчел накатили волны удушающей жары газового камина и пивные ароматы. Паб был маленьким и тихим, всего несколько столиков и большой радиоприемник, из которого доносилась немецкая песня; картины и постеры с портретами собак на синих стенах и потертая барная стойка с латунными кранами. Хозяин, старик с густыми седыми усами, кинул взгляд на Рэйчел и снова занялся полировкой бокала.

Она заказала полпинты сидра себе и пинту светлого, стянула зимнее пальто и села у камина. Кажется, она слегка простудилась, так что тепло пойдет на пользу. Через пятнадцать минут

тренькнул колокольчик над дверью, и вошел Блум.

— Питер. Приятно снова тебя видеть. Я заказала тебе пиво.

После вечеринки у Харрисов Рэйчел впервые видела Блума во плоти. Насколько она могла судить, он воспользовался тем же телом, что и в прошлый раз, хотя в толстом шерстяном пальто и шляпе выглядел как медведь.

Бармен нахмурился в сторону Блума и продолжил полировать стакан. Новых мертвых не везде привечали, в особенности немецкие иммигранты. Сокрушительное поражение Германии в Великой войне и та роль, которую в этом сыграли эктотехнологии, оставили глубокие шрамы.

— Теперь я могу по достоинству оценить твою стойкость во время предыдущей встречи, в такую-то погоду, — сказал Питер. — Спасибо, что сразу откликнулась на приглашение.

За последние две недели Рэйчел сделала еще несколько шагов к измене. По требованию Блума она писала заметки о своих коллегах. Это возымело терапевтический эффект, в особенности изображение мисс Скэплхорн в виде остроносой гарпии. Рэйчел описала соперничество между главами отделов и интрижки агентов с секретар-

шами. Большую часть она выдумала, приправив полуправдой для вящей убедительности.

Записи она отправляла Блуму через эктопочту, вроде бы случайно с использованием протокола шифрования. Они коротко переговорили по эктофону и в субботу прогулялись по парку Серпентайн, Рэйчел — с вкладышами от эктофона в ушах, Питер — в виде призрака. В тот раз не возникло особой необходимости притворяться — ей и правда нравилось его общество. Как и у Джо, у Блума отсутствовал снобизм, присущий большинству агентов Управления. Он поддерживал легкомысленный разговор, расспрашивал Рэйчел об Индии и рассказывал смешные истории про Си.

Но сейчас он был настроен серьезнее.

— Не ожидала снова увидеть тебя во плоти, — сказала Рэйчел.

— Я понадобился в Бленхейме. Испания быстро катится под откос, и каждые лишние руки на счету. Может закончиться тем, что армия будет сражаться с британскими добровольцами, ты только представь! Полный кошмар. Показательный пример, к чему приводит отсутствие сотрудничества между Зимним и Летним управлениями. Твои записи очень пригодятся, чтобы

измерить здешнюю температуру.

Он снял маску, но остался в шляпе и быстро нацепил затемненные очки, скрыв пустые глаза медиума. Арендованное тело было бледнокожим и пухлым. Выглядел он больше как круглощекий мальчишка в отцовской шляпе.

Уже не в первый раз Рэйчел пыталась разгадать Блума. По ее опыту, двойными агентами движут идеология, секс, деньги или честолюбие. Питер в эти рамки не вписывался. Может, он просто лучше справляется с ролью.

— Рада это слышать. В финансовом отделе все так же весело. Со временем я могла бы даже к нему привыкнуть.

— Сомневаюсь в этом, Рэйчел. Сильно сомневаюсь. — Блум глотнул пива и поморщился. — Боюсь, я не особо люблю пиво. Хотя мое тело, похоже, любит.

Рэйчел подняла бокал с сидром.

— Еще один глоток, за удачу?

Они чокнулись.

— Приятно встречаться вот так, — сказала Рэйчел. — В те встречи… в общем, я чувствовала себя как будто голой.

— Правда?

— Это неправильно, но я знала, что ты можешь

читать мои мысли.

— Не мысли. Только отблеск твоих эмоций. Эфирные отпечатки. Я знаю, так нечестно.

— И что же ты видел?

Блум отпил пива и уставился в стакан.

— Ты очень несчастна. Не просто злишься. С тобой что-то случилось. Ты кого-то потеряла? Конечно, это не мое дело.

— Да, потеряла.

— Это тяжело, да? Молодежь больше не понимает, что значит смерть. В каком-то смысле мы все стали детьми. Вот почему люди со спокойной душой отправляют солдат в Испанию. Для них это все не по-настоящему.

— Ты кого-то потерял, — сказала Рэйчел.

— Отца. У него не было Билета. Он был слишком упрям. Не знаю, что с ним случилось. Наверное, быстрое угасание.

— Сожалею.

Питер одним глотком опустошил половину стакана.

— А знаешь, оно начинает мне нравиться. Так часто бывает — медиум что-то любит, и тебе это тоже начинает нравиться. К примеру, я пристрастился к апельсиновому мармеладу. — Он посмотрел на Рэйчел, за стеклами очков мельк-

нули пустые глаза медиума. — Прости. Болтаю всякую чушь.

Рэйчел невольно улыбнулась. Любитель апельсинового мармелада не может быть совсем уж плохим.

— Ничего страшного, — сказала она. — Мне бы хотелось узнать о тебе больше.

Питер окаменел и сжал в руках стакан.

«Ошибка, — решила Рэйчел. — Я зашла слишком далеко».

Она допила сидр и заказала новые порции. Макс предупреждал ее об этом. Он захочет чем-то поделиться. Все рассчитано, не ложь, а полуправда, чтобы вызвать сочувствие.

Можно сыграть в эту игру и вдвоем.

— Я потеряла ребенка, — сказала Рэйчел.

Блум моргнул. Она понизила голос.

— Оглядываясь назад, я думаю, что наше желание завести ребенка было вызвано неверными причинами. Мой муж… у него есть кое-какие проблемы. Ему нужна была точка опоры. И тогда это казалось правильным.

Джо стал бы хорошим отцом, Рэйчел в этом не сомневалась, в особенности для мальчика. Рассказывал бы ему о регби и полетах. И это, возможно, помогло бы Джо поправиться.

— Поначалу беременность проходила хорошо. Только легкое ощущение одержимости — у тебя внутри странное новое существо с собственными желаниями. Не могу сказать, что мне теперь больше нравится апельсиновый мармелад, но на некоторое время я приобрела привычку рвать туалетную бумагу на кусочки.

Она тихо рассмеялась.

Она представляла мальчика с глазами Джо и ее белой кожей — их общее отражение. Мальчик вырос в ее воображении даже быстрее, чем был зачат, и скоро стал центром всей жизни. Хотя Рэйчел отлично помнила момент зачатия. Даже в лучшие времена они нечасто занимались любовью, но в тот вечер ходили к Харрисам и оба были навеселе, а Гертруде дали выходной. Джо возился с ключами, и Рэйчел захотелось поцеловать его в шею, а потом они судорожно скинули одежду и страстно слились в гостиной, где стоны старого дивана смешивались с их собственными.

Углубившись в воспоминания, Рэйчел улыбнулась и продолжила:

— Я хотела назвать его Эдмунд-Энджело, в честь дяди. Признаюсь честно, мне было нелегко смириться с мыслью, что ребенок отвлечет от работы. Потом я поняла, что если мне будет кого

защищать, это придаст работе больше смысла, чем просто стараться ради Англии. Мы собирались нанять нянек, и Эдмунд встречал бы меня с работы. Уже устроили для него детскую. Джо был счастливее, чем когда-либо. Я покупала Эдмунду книги и одежду. Представляла, как читаю ему, накрываю одеялом и отвечаю на вопросы перед сном.

Прошло несколько счастливых недель беременности, и Рэйчел оказалась на полу ванной с кровотечением. Девять недель после зачатия — то есть у ребенка еще не было души, согласно теории, никакой электрической цепи в мозгу, чтобы уберечь лусит от падения в бездну Неведомого.

— Все случилось так быстро. Я прикоснулась к тому, что из меня вышло. Такой крошечный, как семечко. А после…

Она закрыла рот рукой.

Оглушенная потерей крови, Рэйчел воображала, как сажает его в горшок и выращивает Эдмунда, словно растение.

Блум взял ее за руку.

— Тс-с. Хватит.

Рэйчел посмотрела на него, пытаясь не обращать внимания на пустые глаза и кукольное

лицо. И тут ее затошнило от запаха пива.

— Да ничего, — сказала она. — Я ведь не потеряла реального человека.

— Думаю, что потеряла. Конечно, потеряла.

Придя в себя, Рэйчел штудировала книги в попытке понять, почему ее предало собственное тело, допрашивала его, как подозреваемого под стражей, но все без толку. Осталось лишь ощущение потери и память о том, кто никогда не существовал.

— Теперь ты понимаешь? Мне осталась только работа. — Она схватила холодную руку Блума. — А эти сволочи ее у меня отняли. Пожалуйста, дай мне что-то взамен. Что-нибудь важное.

— Рэйчел. Я понимаю. Поверь, я понимаю.

Он тоже крепко сжал ее ладонь. Как будто хотел что-то сказать, но так и не смог себя заставить. На этот раз Рэйчел не осмелилась напирать, и момент был упущен.

Питер выпустил руку Рэйчел и достал из кармана пальто свернутые бумаги.

— Раньше я не хотел тебя просить. Это очень важно. Я занимаюсь одной операцией в Испании, и Зимнее управление не хочет сотрудничать. Мне нужно дело, которое я не могу получить по официальным каналам.

Он протянул бумаги Рэйчел. Обложка папки из картотеки и расчет бюджета — длинный список, касающийся проекта под названием «Камлан».

— Была программа, десять лет назад. Думаю, кто-то из нее был связан с русскими, но полные записи недоступны в эфире. Если я пойду по официальным каналам, то спугну объект. Но мне нужно знать, к чему они имели доступ.

— Ну, я знакома кое с кем из работников еще изначальной картотеки, — ответила Рэйчел. — Могу разузнать.

Она не стала скрывать зажегшийся интерес.

— Это очень срочно, — сказал Блум извиняющимся тоном. — И секретно, разумеется. И очень мне поможет.

— Мне понадобится пара дней.

— Конечно. Дай знать по обычным каналам, и мы снова устроим встречу.

— С удовольствием.

Блум снял очки и опять надел маску.

— Хорошо. А теперь верну того джентльмена, которого я ношу, в прежний вид и отправлюсь обратно в сумасшедший дом.

— Счастливого пути, Питер, — улыбнулась Рэйчел.

Она проводила его взглядом, немного помед-

лила и допила свой сидр, чтобы отпраздновать победу.

Но в пустом пабе и в одиночестве она не почувствовала вкуса сидра.

А с кем бы она могла отпраздновать? С отсутствующим мужем, чьи кошмары оживают по ночам? С мертвым шпионом, который держит змей в ванной? С бывшим секретарем, мечтающим получить очередную лычку на погонах, прежде чем стать призраком?

Она знала, что это часть игры, но рассказала Блуму о том, в чем не признавалась даже Джо, и Блум ее выслушал и понял. Она многие месяцы не чувствовала себя так хорошо.

Ей было сложно ненавидеть Блума. У него тоже есть раны, это очевидно. Стоит ли уничтожать его, только чтобы указать старикам в Секретной службе на их ошибки? Стоят ли того истории няни о волшебном королевстве, истории, которые Рэйчел придумывала и сама? Отличаются ли убеждения Блума от ее собственных? Как там говорил Кулагин? Все мы товарищи, мужчины и женщины, варимся в одном дерьме.

На пороге смерти, когда руки Кулагина сомкнулись на ее шее, Рэйчел боролась не за Англию, она боролась за собственную свободу.

Она посмотрела на заляпанный пивом стол и бумаги на нем, и сердце сжалось от чувства вины. Что с ней не так? На мгновение ей показалось, что помогать Блуму, превратить игру в реальность — это правильно. Но если она отдаст ему дело Камлана, то обречет многих людей на смерть.

У нее дрожали руки. Нужно найти точку опоры, пока не поздно. Рэйчел так не хватало Джо. Были времена, когда один разговор с ним придавал смысл существованию.

Нечестно по отношению к мужу говорить советскому шпиону то, о чем она не рассказала ему. Нечестно оставлять его наедине с кошмарами, пока они не выльются на их общую постель, жуткие и ядовитые.

Рэйчел сунула бумаги в сумочку и расплатилась с барменом. Эктофон кашлянул и взвизгнул. И возобновил свою песню.

Можно отложить поимку Блума еще на один вечер. Сначала Рэйчел поужинает с мужем, и они поговорят.

16. Всебытие, 30 ноября 1938 года

После встречи с Рэйчел Уайт Питер Блум пообедал в «Лионском уголке» неподалеку от станции Тоттенхэм-корт-роуд — уютном ресторане среднего класса с лампами в форме чаш и зеркалами с волнистыми рамами в стиле модерн.

Через два столика оживленно беседовали Отто и Нора. Она часто и громко смеялась, а он задумчиво курил, уставившись в чашку с кофе и время от времени кивая.

Они установили новый протокол для личных встреч — сначала нужно было убедиться в отсутствии слежки. Питер затребовал встречу, потому что Специальный комитет послал его в Бленхейм для подготовки доклада о причинах провала операции с Джугашвили. Целый день он провел, объясняясь с ошеломленными оперативниками, а затем пил пиво с Рэйчел Уайт. Он с нетерпением ожидал встречи хоть с кем-то, кому не придется врать.

Предполагалось, что ему дадут знак, когда можно уходить, но мысли Питера снова и снова возвращались к Рэйчел Уайт.

Она открылась перед ним в точности так же, как и раньше все остальные, когда между вербовщиком и его добычей внезапно появляется мостик доверия. Ее мотивация была классической — чувство, что ее не ценят по достоинству, усугубленное личной трагедией. Она была компетентной и управляемой, и задача найти дело Камлана была ей по плечу.

Казалось бы, легко сохранить дистанцию, но в какой-то момент Питеру захотелось рассказать ей правду. Нечестно не поделиться чем-то личным после того, как она открыла истоки своей боли. Это как отстраниться от Астрид, только хуже. Питеру хотелось дать Рэйчел что-то взамен, хотя бы отблеск той ясности, которую он обрел в кембриджской квартире Уншлихта много лет назад.

* * *

В чемодане Уншлихта находился аппарат, как позже узнал Питер — предшественник «Фиалки»: клавиатура пишущей машинки с кириллицей и латиницей, роторы с проводами и ролик бумаги.

Уншлихт щелкнул выключателем, аппарат загудел и ожил. Питер провел рукой по клавиатуре и тут же отдернул ладонь. Металл был таким холодным, что больно притрагиваться.

— Давайте, — сказал Уншлихт. — Спросите его о чем-нибудь.

— И что эта штука делает?

— Не эта штука. Он, — скривился философ. — Несомненно, доктор Морком и его друг Тьюринг с присущей им неточностью назвали бы его оракулом. Более точный термин — всебытие. Иначе говоря, Вечно Живой.

До той поры Питер не имел представления о существовании советского супермозга — смерть и трансформация Ленина не были достоянием широкой публики. Во всем мире считали, что великий революционер до сих пор жив и с нечеловеческой безжалостностью правит красной империей.

— И что мне спросить?

Уншлихт раздраженно всплеснул руками.

— Мистер Блум, совершенно не в моих силах понять, что творится у вас в голове. Я лишь могу сказать, о чем спросил бы сам в аналогичных обстоятельствах — о том, чего не могу постигнуть обычными средствами. К примеру, есть ли сейчас в этой комнате носорог? Это утверждение я не могу опровергнуть привычными аргументами человеческого разума.

Питер в недоумении уставился на него. Это что,

какой-то странный философский эксперимент? Аппарат на самом деле — телетайп, а ответы выдает студент последнего курса?

Ну ладно. Тогда он сам устроит испытание эксперименту.

«Грек говорит, что все греки лжецы, — написал он. — Это верно или ложно?»

Клавиши оказались неподатливыми, а их холод обжигал пальцы. Аппарат издал какой-то потусторонний стон. Потом защелкал, и на ролике бумаги появился ответ:

«И то, и другое».

Определенно студент последнего курса. Что ж, по крайней мере, Уншлихт отвлек Питера в момент отчаяния. В ответ нужно хотя бы ему подыграть.

«Докажи», — напечатал он.

Бумага с молниеносной скоростью начала заполняться математическими символами. Питер озадаченно наблюдал, как Вечно Живой предельно коротко, но ясно вывел самую прекрасную теорему, какую только видел Питер.

В ней утверждалось, что закольцованные парадоксы вроде парадокса лжеца неизбежны в математике. Если начать с непротиворечивого утверждения, то все равно рано или поздно на

них наткнешься, как бы строго ты ни мыслил. Но выход есть. В каждом парадоксе скрывается скачок к вере. Нужно принять, что Лжец либо прав, либо нет, это приведет к новой аксиоме и тем самым создаст новую систему мышления, в которой, в свою очередь, появятся собственные Лжецы. И так далее, и тому подобное — дерево парадоксов на веки веков.

Парадокс лжеца не означает крах математики. Он говорит о том, что математика бесконечна.

Вот она, истина, и не только в мире живых или в Стране вечного лета, а во всех возможных мирах.

Питер уставился на финальную строчку: «Что и требовалось доказать».

— Это невозможно, — сказал он.

— Мистер Блум, я даже не удостою это утверждение ответом.

В «Науке смерти» мистер Уэст предполагал, что возможно создание достаточно сложных искусственных электрических сетей, чтобы связать падающие из Неведомого луситы, то есть сделать механизм, обладающий душой. Может, это он и есть? А если так, то это куда более прогрессивное устройство, чем теоретические механизмы, которые обсуждают на лекциях доктора Моркома.

Позже он выяснил, насколько далека от истины была эта мысль.

— Объясните мне, что это такое, — попросил Питер. — Я сделаю что угодно. Прошу вас.

Уншлихт посмотрел на него, склонив голову, как любопытная ловчая птица.

— Что это? Это Вечно Живой, мистер Блум. Единственный путь познать его — это стать им. Как я понимаю, это лишь раззадорит ваше любопытство? Какое разочарование.

Питер уставился на клавиатуру. Ему казалось, что аппарат заполнил пустоту всего мира. Его гул отдавался вибрацией в зубах и костях Питера.

Его второй вопрос был мелким и бессмысленным, даже детским. Не таким, на который способна ответить бездушная машина, пусть и умнейшая. Но Питер был истощен до полной прострации, двигался как во сне, а во сне все наполнено смыслом.

Он положил руки на клавиатуру и напечатал: «Где сейчас мой отец?»

* * *

Когда Питер попросил счет, Отто и Нора поднялись и вышли рука об руку.

Питер осторожно последовал за ними, не те-

ряя из вида. Они неторопливо шли по шумной и оживленной улице, запруженной народом, несмотря на холод и ледяной дождь. Питер не обращал внимания на пыхтение электробусов и яркую рекламу таблеток мистера Паттерсона, сосредоточившись на лицах, пальто и зонтиках, которые могут следовать за Отто и Норой.

Через некоторое время они поменялись местами, теперь впереди шел Питер. В качестве узкого места-ловушки он использовал магазин эфиромеханических и радиодеталей «Братья Пруп». В конце концов Отто показал, что доволен результатом, и уселся на пустую скамейку под голыми деревьями в Уитфилд-гарденс, в скверике в окружении викторианских домов, закрывающих от ледяного ветра. Нора села рядом и положила руку ему на плечо.

Питер устроился на краю скамейки и потер руки. С одной стороны, приятно снова испытать ощущения живого человека, но Питер не сильно скучал по лондонским зимам.

— Мне нужно войти в него, — сказал он.

— Уже? — отозвалась Нора.

Она была в мохнатой шубе и выглядела еще более круглой, чем в прошлый раз.

— Уверен, у Феликса есть причины, — сказал

Отто.

Питер промолчал. Мысль о том, чтобы влиться в Вечно Живого, вдруг перестала казаться ему столь же манящей. Может, сама супердуша и чиста, но оперативники вроде Джугашвили явно неверно интерпретируют ее указания. Не потому ли переметнулся Джордж?

Он задумался — а что, если вернуться к Рэйчел Уайт и во всем признаться? От этой мысли его передернуло. Тройной агент — это уже настоящий ад, а система Билетов и Страна вечного лета давно были ему ненавистны. Уншлихт укорил бы за такие нелепые мысли.

— Сейчас в Летнем управлении ведут расследование, — наконец сказал Питер. — С тех пор как я об этом узнал, я боюсь посылать рапорты обычным путем. Джордж рассказал им о существовании крота, хотя, видимо, этим и ограничился. А теперь провал операции с Джугашвили всех поставил на уши. Как только Си перестанет отвлекаться на войну, он перевернет каждый лусит в Управлении. Оставаться опасно.

— Шпигельглас будет разочарован, — сказала Нора.

— У вас есть от него новости? Не могу понять, кто предупредил Джугашвили.

— Наш товарищ как раз это выясняет, очень… усердно, — ответил Отто. — Он считает, что в ряды коммунистической партии в Мадриде затесались сталинисты, хотя Процедура Термена до сих пор их не выявила.

Нора пристально посмотрела на Питера.

— Мы все видели указания Вечно Живого поддерживать вашу легенду, товарищ. Хотите сказать, вы оспариваете его слова, потому что почувствовали себя неуютно? Или риск — лишь предлог, чтобы прикрыть отсутствие результатов, к примеру, вашу неспособность возглавить операцию с Джугашвили?

— Нет, конечно же, нет! Я… отвлекся. Случилось кое-что еще.

— Уверена, товарищ Шпигельглас будет рад услышать о том, что же вас отвлекло, — сказала Нора, сняла перчатки и расправила сильные пальцы. Ее ладони были покрыты мозолями, а под ногтями чернела грязь.

Все должно было пойти не так, думал Питер. Джордж не говорил бы так, когда Питер в беде. Но Джордж мертв и угас, предав и Питера, и Вечно Живого. Может, жестокая честность Норы и лучше.

— Есть один проект, — сказал Питер. — Я видел

его в разуме премьер-министра. Он как-то связан с его мыслями об Испании и войне.

— Что за проект? — спросил Отто.

— Научное исследование двадцатых годов какого-то малоизвестного аспекта Страны вечного лета. Я поручил своему информатору из Зимнего управления добыть копию.

Нора закатила глаза.

— Похоже, эти бумаги не ценнее той, которую премьер-министр использует в клозете.

— Простите мою жену, — сказал Отто. — Но вы должны учесть, что если операция с этим проектом провалится, вы всех нас поставите под удар. Прежде чем идти на такой риск, я бы крайне рекомендовал получить… больше надежных сведений. Уверен, товарищ Шпигельглас это оценит.

— Вы не понимаете, — сказал Питер. Руки у него совершенно онемели, и он сунул их в карманы. — Уэст одержим этим делом. Оно доминирует в искрах его души, если бы вы только видели…

— Одержимость не всегда означает важность, — возразил Отто. — Кажется, этот джентльмен одержим и военными играми для мальчиков.

Питер моргнул. Мог ли он неверно интерпретировать увиденное? Может, «Камлан» — всего

лишь тупиковый проект, любимая игрушка слабоумного старика? А сам Питер предвзято относится к Уэсту из-за ответа Вечно Живого на второй вопрос, заданный много лет назад.

Он откинулся на спинку скамейки и задумался. Дождь прекратился, и вечернее небо расчистилось, россыпь звезд светила достаточно ярко, чтобы пробиться сквозь лондонские огни. Питер уже давно не видел звезд, и они напомнили ему одну фразу из «Науки смерти».

«Нет причин, почему бы жизнь не могла зародиться на других планетах помимо Земли. Семена душ прошли через все три измерения нашего эфира. Разум мог возникнуть повсюду — и в Солнечной системе, и за ее пределами. Так где же он? Где призраки-марсиане? Некоторые планеты Солнечной системы древнее Земли. Многие звезды древнее Солнца. Страну вечного лета должны населять души разумных существ из других миров. Но в ней живет лишь узкая прослойка землян…»

Осенившая его мысль была холоднее ветра, острая и кошмарная, как зубило Норы. И в один миг смела все сомнения.

— Я знаю, в чем заключается проект «Камлан», — тихо сказал он. — Если я прав, он гораздо

важнее, чем Испания или моя легенда.

— Так просветите нас, Феликс, — сказала Нора.

Питер рассказал. Поначалу они засомневались, но когда он выложил аргументы, даже Нора вытаращила глаза — не то от страха, не то от восторга.

— Согласен, — наконец заявил Отто. — Если вы достанете доказательства этой гипотезы, товарищ Шпигельглас, несомненно, порекомендует вам пройти Процедуру Термена, чтобы Вечно Живой получил доступ ко всем данным. Когда, по-вашему, все будет готово?

— Меньше чем через неделю. Может, дня через три.

— Очень хорошо. Мы запустим протокол эвакуации. Нора подготовит новые экстренные коды Хинтона. Так вы переправитесь во временное тело, и мы перевезем вас в безопасное место для проведения Процедуры.

Питер нахмурился. Он воображал, что когда завершит задание, Вечно Живой просто вберет его в себя, как по волшебству. Но потом понял, что это глупо и по-детски. Невозможно мысленно переместиться в Вечно Живого, ведь его образ не представишь. Вечно Живой должен прийти за тобой, а обратный контур для Процедуры Термена

требует наличия человеческого тела, чтобы было за что зацепиться.

Нора взяла Питера за руку. Ее грубые ладони были теплыми.

— Я ошибалась на ваш счет, товарищ Феликс. Я не считаю вас трусом. Думаю, вы совершенно безумны. Но это безумие величия. Принесите нам «Камлан». Мы будем ждать.

Отто и Нора ушли рука об руку, их тут же подхватила людская река. Питер замерз, но еще немного посидел в одиночестве, сунув руки в карманы, наблюдал за звездами и прислушивался к тиканью короны призрака на голове Пендлбери.

17. «Камо грядеши», 30 ноября 1938 года

Выйдя из «Синего пса», Рэйчел нашла телефонную будку, позвонила Джо в клуб и забронировала им столик на ужин в «Камо грядеши» на Дин-стрит, потом отправилась домой переодеться.

Она решила ограничиться легким макияжем и надеть синее платье, которое любит Джо. Сам ресторан тоже был частью плана — из публичного места ему будет труднее сбежать, если они дойдут до сложных тем. А кроме того, окна с мозаикой пастельных тонов в стиле модерн были великолепны — сетка зеленого, лососевого и оранжевого.

Она села за столик и стала ждать, слегка озябла и потерла голые плечи.

Откуда-то возник метрдотель — аккуратный итальянец небольшого роста.

— Мадам? Не хотите ли аперитив?

— Что? Нет, спасибо. Не сейчас. Может, позже.

По правде говоря, ей отчаянно хотелось выпить, но пустой желудок так свело, будто она наглоталась льда. И Рэйчел ждала, поигрывая

краем безупречно белой скатерти и размышляя о том, что скажет.

Проблема заключалась в том, что Джо никогда не говорил с ней о войне.

С первой встречи между ними всегда стояла некая тайна, чье присутствие Рэйчел ощущала чутьем следователя. Но все-таки не стала ее ворошить. Они так хорошо понимали друг друга, что кое о чем можно было и не говорить. Достаточно улыбки или взгляда, означавшего «ты только посмотри, как нелеп этот мир».

Вероятно, Рэйчел поняла еще прежде Джо, что он собирается сделать ей предложение. Все произошло как бы невзначай. Они гуляли по продуваемому ветром пляжу на атлантическом побережье Франции и спрятались за скальный выступ, когда Джо вытащил из кармана кольцо и сжал его в ладони, словно мальчишка, нашедший в песке драгоценный камень.

— Я тут подумал, что мы могли бы придать нашим отношениям больше постоянства, — сказал он. — А ты как считаешь?

Она сказала «да», Джо издал победный вопль и уложил Рэйчел на песок броском регбиста, так что она тоже охнула. Песок забился повсюду.

Свадьба была скромной. Рэйчел хотела нанять

медиума, чтобы могла присутствовать ее мать, но Джо отказался, по этому поводу они впервые поссорились.

— Может, куклу Эдисона, если ты настаиваешь, — угрюмо сказал он. — Но никаких медиумов.

И Рэйчел сдалась. Мать утверждала, что не возражает, но с тех пор напоказ игнорировала Джо, когда он пытался поздороваться во время еженедельных эктофонных звонков.

За три года они узнали друг друга лучше. Всякие мелочи воспоминаний, обычно после занятий любовью или во время долгих прогулок у озера Серпентайн. Рэйчел рассказала о детстве в Индии, как с тех пор она постоянно мерзнет в Англии. Как пытается вписаться в Управление. Джо говорил про игру в регби за сборную Англии. Как он начал летать в перерывах между чемпионатами, сначала ради острых ощущений, а потом полюбил смотреть на мир с высоты.

Но он никогда не рассказывал о войне. А когда Рэйчел потеряла ребенка, они не говорили уже о двух вещах, но два тяжелых камня заполняли пустоту в каждом разговоре.

Может, за последние недели она все ухудшила и добавила третий.

* * *

Джо на несколько минут опоздал. Он был в полной форме, в хаки и при орденах, чисто выбрит, недавно подстрижен. Выглядел он лучше, чем за многие месяцы, и если бы не седина в волосах, ничем не отличался бы от тех дней, когда они только познакомились.

Он коротко кивнул Рэйчел и сел.

— В клубе было собрание? — спросила она. — Просто… у тебя такой бравый вид.

Лицо Джо осталось непроницаемым.

— Нет. Расскажу позже. Давай выпьем.

Тут же появилось испанское игристое, и они молча выпили. Вино щекотало Рэйчел живот. Потом она потянулась через стол и взяла Джо за руку. Он откинулся назад, но Рэйчел не отпустила руку. Нужно сделать это сейчас, прежде чем она потеряет решимость, прежде чем они вернутся к старым привычкам, как две застрявшие граммофонные иглы.

— Джо, я знаю, все пошло наперекосяк. И думаю, мы оба знаем причину. Я решила, что мы могли бы… могли бы пойти в какое-нибудь новое, приятное место и поговорить.

— Рэйчел, я… Ох, черт. Неужели разговор спосо-

бен что-то изменить? Случившееся — моя вина. И с ребенком, и… той ночью, когда ты принесла вьюрков. Просто позволь мне с этим жить, хорошо?

— Джо, ты не можешь просто взять на себя вину и все. Ребенок… все было нормально, и вдруг… Может, если бы я была осторожней, то… — Она запнулась и закрыла глаза. — Какая я дура. Я выбрала это место, чтобы не расплакаться.

Джо похлопал ее по руке.

— Ничего, ничего.

Рэйчел не открыла глаза, пока не услышала, как Джо делает заказ. Позже она так и не поняла какой. Когда Джо снова заговорил, его голос звучал мягко:

— Я не знаю, что произошло тогда с тобой и в ту ночь со мной. Я не врач. Но вполне уверен, что в обоих случаях виноват я.

— Это не так. Может… если бы ты рассказал об этом. О том, что случилось. Что с тобой сделали. Это бы мне помогло. Помогло нам.

Джо долго молчал.

— Мы уже это проходили. Это будет нечестно по отношению к ребятам, Рэйчел, — наконец сказал он.

— Я не одна из них. Но понимаю, что такое долг,

сам знаешь. Я сумею понять.

— Надеюсь на это, Рэйчел, — вздохнул он. — Правда надеюсь. Сегодня я хотел тебе кое-что сказать. Я снова записался в армию. Похоже, в Испании будет заварушка. Многие ребята из клуба собираются ехать, и я подумал — почему бы нет? И, честно говоря, мне кажется, для нас обоих лучше некоторое время пожить врозь.

Рэйчел накрыла рот рукой. Она снова почувствовала головокружение, как на башне, перед ней открылась черная бездна, только сейчас она уже в нее падала.

— Джо. Пожалуйста, не надо, — прошептала она. — Это опасно. Там…

Там помогает Советам предатель. Она прикусила губу. Ей хотелось рассказать про Блума, про Макса, об их операции. Но кто знает, как он поступит, что подумает. Во многих смыслах они жили в разных странах, говорили на разных языках, а между ними стояла стеклянная стена.

Но в конце концов победила многолетняя привычка не раскрывать секреты.

— Что там? — спросил Джо после паузы в несколько секунд.

— Я просто знаю, что все выйдет боком. Кое-что слышала на работе.

— Всегда гуляют слухи, Рэйчел. В любом случае теперь я уже не могу отказаться. Это было бы бесчестьем. Неправильно с моральной точки зрения.

— Но есть кое-что еще…

— Тс-с, — сказал Джо. — Хорошо, что мы сюда пришли. Но лучше не говорить слишком много. Я не дурак, Рэйчел. Знаю, с тобой что-то происходит. Но не мне тебя судить. Я… когда мне стало совсем худо, я ходил кое-куда в Ист-Энде, где можно… ну… Эфирная любовь, так это называют. Я думал, это прогонит кошмары. Но не помогло, хотя даже выразить не могу, как мне жаль, Рэйчел.

В клетке груди вспорхнула ревность, и Рэйчел отвернулась. Значит, вот как, именно это она и подозревала — эктоплазменные фантазии, ничего реального. И все-таки по коже пробежал холодок.

— Уверена, что это не помогло, — тихо ответила она. — И я не желаю об этом знать.

— А мне не нужно знать о… о твоей работе. Что бы это ни было.

Может, он бы понял. Рэйчел изо всех сил надавила на стеклянную стену.

— Это совсем не то, о чем ты думаешь, Джо. Правда. Позволь объяснить, что происходит…

Джо поднял руку.

— Для меня это не имеет значения. Я все равно уезжаю.

— Почему?

— Потому что этого хочу.

— Джо, я должна понять причину. С эфирной любовью я могла бы примириться, со временем. Но уехать на войну, уехать от меня — это совсем другое. Я заслуживаю объяснения. И способна понять гораздо больше, чем ты думаешь. Я ведь была медсестрой, помнишь? Я видела раненых. Но никогда не могла понять, что ранило тебя так сильно, почему ты хранишь это в тайне даже от меня.

Джо промолчал. Повертел в руках фуражку и отложил. Потом заказал еще вина и опустошил бокал. Принесли первое блюдо. Джо уставился на гребешки в тарелке, осторожно съел одного и опустил вилку.

— Хорошо, Рэйчел. Ладно.

* * *

Джо потребовалось время, чтобы перейти к сути. Поначалу он говорил медленно — о том, как вступил в армию, как плыл во Францию. Рэйчел задержала дыхание — эмоции из старых

воспоминаний всплывали перед ней, словно картинки из волшебного фонаря. Она ничего не говорила, только периодически поддакивала, чтобы побудить его рассказывать дальше. Она почти задержала дыхание, чтобы не прервать поток слов.

— Поначалу казалось смешным носить те штуковины. У меня получалось лучше, чем у многих — я наловчился в них ходить. Но все равно толку от этих штук было мало. Одного парня из Кента убило током. Я видел фильмы о ранних экспериментах. Из одного бедолаги вытекала эктоплазма, но он не мог ее контролировать и метался по лаборатории, разбивая все вокруг, пока его не пристрелили в голову. Конечно, у всех нас были Билеты, как у всех солдат, но тогда все только начиналось, и мы боялись. Офицеры пытались послать ребят в атаку через минные поля, но это вселяло еще больше страха. Эктофоны были еще паршивыми, да и в Стране вечного лета в те времена не все шло гладко, а мы чего только не воображали о ней. В общем, солдаты наглухо засели в траншеях, ситуация была патовой. И тогда появились мы, эктовойска, танки и летуны. Я всегда был чувствительным, еще с детства, но только чуть-чуть. Иногда ощущал что-то вроде

щекотки на затылке и видел умерших и странные огни. И это все. В первый раз, когда включили панцирь… — Джо покачал головой. — Это как будто тебе дали кулаком по голове, и все стало холодным, как головная боль после мороженого в детстве, но только весь мозг замерз. А после этого… приходят они. Открывается дверь. А ты… тебя подбрасывает вверх, но то, что из тебя выходит, становится твоей частью, делает тебя крупнее и выше. Как будто ты способен на все. У некоторых вырастали огромные ноги и щупальца — ну, ты сама видела. Некоторые больше похожи на гигантских животных из эктоплазмы или пауков, рассыпавшихся по траншеям. А я любил делать крылья и летать. Это была единственная хорошая сторона. Если бы я знал, что происходит с нашими жертвами, вряд ли я бы на это пошел. Но нам сказали только, что гансы умрут и отправятся в Страну вечного лета, как обычно. И лишь в первом настоящем бою мы узнали, что происходит на самом деле. Но когда попробовали это на вкус, уже было поздно.

Джо наполнил бокал, осушил его и глубоко вздохнул. Рэйчел не сводила с него взгляда. Конечно, она видела кинохронику и имела смутное представление о том, как работает эктоплазмен-

ное оружие, но всегда полагала, что оно питается энергией, высвобождающейся, когда душа покидает умирающее тело. Ужасно, но не хуже отравляющего газа или артиллерии. Только, похоже, это еще не все.

Наконец Джо продолжил:

— Бедняги гансы. Они умирали дважды. Первый раз — на поле боя, и мы питались их душами, пока от них не оставался один лишь камень. — Он понизил голос. — Иногда нас даже заставляли использовать своих же. Обычно дезертиров. Это было хуже всего.

До Рэйчел доходили слухи, что, прежде чем отправить эктотанк в атаку, ему требовался «запал» — солдаты, которых приносили в жертву, чтобы наполнить энергией оружие, но слышать это от Джо — совсем другое дело. И если они полностью уничтожали душу врага, то это противоречит утверждениям возрожденцев о гуманной войне. И тут ее охватила ярость. Если это всплывет, то разразится скандал. Может, и стоило бы.

— Ты поэтому никогда об этом не говорил, да? — прошептала она. — Тебе велели хранить молчание.

Джо выглядел пристыженным.

— Мы все пришли к выводу, что никто из тех,

кто там не был, не поймет. Это был единственный способ выбраться из того ада — грязи, крови и прочего. Что еще нам было делать?

— Я тебя не осуждаю, Джо. Спасибо, что рассказал. Продолжай, пожалуйста.

— Вторая причина, по которой я никогда не говорю про войну, заключается в том, что я мало помню. Когда приходят души, ты просто теряешься в потоке. Это как в лучшем матче по регби, когда мчишься вперед, сталкиваешься с противником и борешься за мяч. Тебя наполняет грохот и вой стрельбы. Здесь, дома, всегда слишком тихо. И я чувствую себя слабым. Наверное, так себя чувствуют призраки. Все проходит сквозь тебя.

— Ты никогда не казался мне призраком, — сказала Рэйчел. — Останься. Ты не должен к этому возвращаться.

— Нет, Рэйчел, должен. Не ради наших ребят, не ради долга. А потому, что я по этому скучаю. Потому что слишком сложно без этого обходиться.

Рэйчел уставилась на него. Глаза Джо покраснели. Он вытащил из кармана платок и высморкался.

— Теперь ты знаешь все, — сказал он.

Рэйчел хотелось ему посочувствовать, она понимала, что его таким сделали и он не может

иначе. Но он выбрал войну, а не ее.

Между ними остывало нетронутое главное блюдо, тушеная телятина. От запаха Рэйчел замутило.

Она считала себя такой умной, такой современной, убеждала его открыться, выговориться. Только потому, что предатель заставил ее представлять себя лучшей, чем она есть на самом деле. Какая же она дура.

Рэйчел встала и бросила салфетку на пол.

— Нет, я не хочу этого знать, — выкрикнула она. — Не хочу! Это нечестно.

По столам пробежал шепоток, все повернули головы в их сторону.

— Рэйчел, пожалуйста, сядь, — зашептал Джо.

Она и не взглянула на него. Но не могла и разреветься, когда все смотрят. Она ведь и пришла сюда, чтобы не плакать.

Рэйчел сделала глубокий вдох и снова села.

— Этого я и боялся, Рэйчел, — сказал Джо. — Потому и не хотел тебе рассказывать.

— Когда ты уезжаешь?

— В среду на следующей неделе. А до тех пор поселюсь в клубе.

«Я этого не хочу», — хотела сказать Рэйчел, но слова не шли. Она снова начала теребить край

скатерти.

— Мне несложно, — сказал Джо, пытаясь выглядеть бодрым. — Перед отъездом я зайду попрощаться.

Джо тихо переговорил с метрдотелем, извинившись за переполох, сунул ему банкноту, расплатился по счету и ушел. Рэйчел сидела в одиночестве перед нетронутым ужином. Несмотря на свет канделябров и шум голосов, мозаичное окно выглядело мрачным и темным.

* * *

Через полчаса сонная и полуодетая Сьюзи впустила ее в квартиру Макса. Животные по большей части спали, и Рэйчел ждала в холодном зимнем саду, пока девушка отправит эктописьмо Максу в Летний город.

И наконец Сьюзи завела куклу Эдисона.

— Сегодня я встречалась с Блумом, — начала Рэйчел без предисловий. — Положение изменилось. Скажите, если мы что-нибудь дадим Блуму, какую-нибудь мелочовку, вы уверены, что он приведет нас к куратору?

— Если честно, трудно сказать, — ответил Макс. — Он может использовать закладки. Конечно, мы за ним проследим, но сложно будет

добыть доказательства, если мы не поймаем его вместе с куратором. Для личной встречи нужно что-то важное и срочное. Вам стоит успокоиться, миссис Уайт. Что-то случилось?

Рэйчел сделала глубокий вдох. Она не собиралась останавливаться. Сейчас главное — помешать Блуму усугубить положение в Испании.

Рэйчел никогда не думала, что можно ревновать к войне.

— Дело в Испании. Больше ждать нельзя. Ставки слишком высоки. Блум попросил меня добыть дело из картотеки. Мне нужен план, чтобы поймать его, когда он получит это досье.

— Миссис Уайт, это совершенно неразумно. Вы же хотите, чтобы он вам доверял. Если мы будем действовать слишком быстро, все труды пойдут насмарку. Вы же не хотите все испортить.

— На Блума давят. Вы сами это сказали. Ему отчаянно нужно это досье, я уверена.

— А вы уверены, что на вас ничто не повлияло? Мне неприятно это предлагать и противоречить самому себе, но если в Летнем управлении ведется расследование, то почему бы к нему не подключиться?

Рэйчел покачала головой.

— Как только возникнет хоть намек, что объек-

том может быть Блум, расследование прикроют с самого верха, в точности как случилось со мной. Нет, нам нужны доказательства. А кроме того, я вам уже говорила — я не доверяю Роджеру.

В глазах куклы Эдисона невозможно было что-либо прочитать.

— Очень хорошо, миссис Уайт. На определенной стадии нужно полагаться на чутье агента. Я подготовлю свою команду для охоты. — Кукла тихо тренькнула. — И еще кое-что. Вам следует лучше скрывать эмоции. Вы что-то носите в себе, и ему это будет очевидно. Подумайте о том, что вызывает у вас чувство вины. Сделайте что-нибудь отвратительное, если ваша совесть чиста.

Раздался щелчок, и голос пропал, но тусклое электрическое освещение отразилось на глазах куклы призраком веселья.

18. Мелочовка, 1 декабря 1938 года

Старая картотека Секретной службы находилась в Сент-Олбансе, тихом городке в двадцати милях к северу от Лондона, славящемся римскими развалинами. Именно там Рэйчел начала карьеру в Секретной службе во время войны, надев форму и вливших в ряды женщин, клерков и аналитиков, которые пытались извлечь смысл из радиоперехватов и эфирных карт, составленных разведчиками-призраками.

Они работали сутки напролет, поначалу ночевали у местных жителей, потом для них поспешно возвели казармы. В редкие перерывы в безжалостном ритме пишущих машинок, переводов и заполнения форм они набивались в тесный викторианский паб «Король Гарри» с низко нависшим потолком.

В четверг вечером Рэйчел снова оказалась там. На этот раз в пабе толпились фермеры и местные рабочие в фетровых кепках и грязных сапогах, но запах пролитого пива и горелого дерева был все тот же. Ожидая у бара порцию розового джина,

Рэйчел прикрыла глаза, вдохнула ароматы и снова почувствовала себя семнадцатилетней, вспомнила Марджори, Элизабет, Венди, Джона и Дилли, ожидающих ее за видавшим виды угловым столом, готовых к схватке с гансами с помощью проницательности и со свойственной юности идиотской бравадой.

Но когда принесли джин и она развернулась вместе с подносом, на котором стоял бокал, Рэйчел увидела только старого полковника Билла Вудфилда с лицом цвета свеклы. Он неуверенно помахал ей. А Рэйчел как раз собиралась украсть для советского шпиона одну из тех папок, которые ревностно стерег полковник.

— Приятно вас видеть, Рэйчел, — сказал Вудфилд, после того как они чокнулись и Рэйчел велела бармену повторить. — Рад, что вы решили заскочить по пути к ребятам Феликса Каугилла.

Иберийский отдел Зимнего управления тоже находился в Сент-Олбансе, хотя его считали чем-то вроде последнего прибежища для проштрафившихся агентов. А раз так, то для Рэйчел имело смысл зайти на ланч к главе отдела Каугиллу, который раньше возглавлял отдел В и вместе с Харкером входил в неформальный клуб бывших колониальных офицеров.

— Что ж, полковник, очень рада, что вы еще меня помните.

— Как я мог забыть? У вас такие ясные глаза. По-прежнему. Я знал, что вы далеко пойдете.

Рэйчел вздохнула.

— Не вполне уверена, что вы в курсе, полковник.

Она вкратце поведала официальную версию истории — разногласия с Харкером и несправедливое понижение в должности.

— Редкое невезение, — изрек Вудфилд. — Но ваша звезда еще взойдет, попомните мои слова. Вы не закончите, как я, — старым пьяницей, годным только на то, чтобы копаться в древних бумагах. Конечно, время от времени кто-нибудь приезжает сюда из города, и я помогаю в поисках, и порой очень важных. Жду не дождусь, когда наконец помру, но старая печень все работает.

Он похлопал по выдающемуся животу.

— Не возражаете, если мы заглянем на старое место, после того как пропустим еще по стаканчику? — спросила Рэйчел. — Когда нет никакой определенности, приятно иногда вернуться туда, где все начиналось.

Если прежние привычки Вудфилда не изменились, после нескольких порций джина он

упьется почти до беспамятства, и Рэйчел сможет пролистать старые дела, пока он беспробудно спит у себя в кабинете. Не слишком замысловатый план, но в последнее время более серьезные меры безопасности она приберегала для работы с Летним управлением.

Вудфилд покосился на нее.

— Вы что-то ищете, Рэйчел? Я вечно дурачился перед девушками, но это не значит, что я и впрямь дурак, да и вы стали старше. В чем дело?

Рэйчел вздохнула. Ей стало стыдно за попытку втянуть старика в неприятности. Но мозг автоматически составил новую стратегию. Можно его шантажировать: ходили слухи о Вудфилде и девушках, еще с тех пор. Можно пригрозить ему увольнением, если она заявит, что он приставал к ней, когда они выпивали в память о старых добрых временах. Но при взгляде в ясные голубые глаза на смуглом морщинистом лице у нее комок встал в горле.

Рэйчел глотнула джина и поставила бокал.

— Вы совершенно правы, полковник, — вполголоса сказала она. — Я ищу одно дело, к которому у меня нет доступа. Это совместная операция армии и разведки, примерно десятилетней давности.

— И почему же вы не сказали с самого начала? Для чего вам это нужно?

Рэйчел задумалась.

— Вам лучше не знать подробности. Это имеет отношение к Испании. Но я не хочу навлекать на вас неприятности. Я распишусь в книге и все такое.

Вудфилд хмыкнул.

— Рэйчел, вы же видите, в кого я превратился. Думаете, мне не плевать? — Он подался вперед, и в свете от камина блеснули его золотые коронки. — В загробной жизни у меня три брата, отличные парни, все погибли на войне. А у меня никогда не было возможности отличиться. А у вас вид человека, который делает нечто пугающее, но все равно делает. И если я сумею помочь вам, откопав какое-то старое досье, то для меня даже лучше, что у вас нет доступа. Понимаете?

Пахло от него по-стариковски — потом и мятной зубной пастой, но в это мгновение Рэйчел готова была его расцеловать.

— Да, сэр, — ответила она и заказала еще по порции джина.

* * *

Вместе с полковником Вудфилдом Рэйчел дошла до старого потрепанного особняка, где теперь хранился архив всех агентов Секретной службы и бесконечные досье по исследовательским программам, которые финансировала Секретная служба, начиная со дня ее основания в 1908 году. Рэйчел ожидала увидеть завалы бумаг, но вместо этого обнаружила безупречное место — ряды аккуратно организованных полок.

— Может, я и пропойца, — сказал полковник, — но должность библиотекаря воспринимаю всерьез.

И все же потребовалось полчаса на поиски досье «Камлана» — толстой коричневой папки, перевязанной бечевкой. Рэйчел открыла ее и пролистала содержимое. Не считая краткого описания и страниц с бюджетом, все остальное было зашифровано — плотные строчки бессмысленных букв, страница за страницей. И в конце — несколько фотографий. Рэйчел толком не поняла, что это. Возможно, копии образов из никтоскопа, но больше похоже на рентгеновский снимок с размытыми черными и белыми контурами.

— Спасибо, — сказала она Вудфилду.

Тот улыбнулся.

— Надеюсь, вам это пригодится. С нетерпением буду ждать нашей новой встречи в «Короле Гарри», когда вы принесете папку обратно.

* * *

Было уже далеко за полночь, когда Рэйчел оказалась дома, на Сент-Джонс-Вуд. Там было холодно и темно.

Она провела бессонную ночь с досье «Камлана», изо всех сил пытаясь разобраться, сойдет ли оно за мелочовку и как до встречи с Блумом убрать оттуда все важное.

Она устроилась с чашкой дымящегося чая в кабинете, завернувшись в одеяло, сражаясь и с усталостью, и с отупляющей дремотой после розового джина. Вьюрки спали в клетке, свернувшись в плотные шарики из перьев рядом друг с другом. Рэйчел позавидовала им и подумала о Джо и холодных зимних ночах — как она лежит, свернувшись калачиком под одеялом, с водяной грелкой в ногах и теплым, надежным Джо, прижавшимся к груди и животу.

Через несколько дней он уплывет в Испанию. Во время Великой войны она была слишком мо-

лода, чтобы по-настоящему бояться за ушедших на фронт друзей, которые считали, что уезжают за море в веселое приключение. А теперь и сама смерть внушает меньший ужас, но Рэйчел больше боялась за душу Джо. Может, даже лучше принять быструю смерть от руки республиканцев, чем все глубже погружаться в тот кошмар, на который обрекла его служба в BBC.

Но она еще могла помочь Джо, схватив Блума. Если все получится, Рэйчел может попросить о переводе в Иберийский отдел.

Она тряхнула головой и попыталась сосредоточиться, расстелила страницы на полу и ползала между ними на коленях в попытке найти разгадку. Без ключа шифр был совершенно непонятным, хотя Блум, вероятно, сумеет его взломать, ведь он прошел через государственную школу эфирных кодов и шифров. В папке были чертежи какого-то никтоскопа для глубоких уровней ката и эфирной обсерватории в Летнем городе. Вероятно, этот аппарат и использовали для получения похожих на рентгеновские снимки изображений, хотя что на них было — оставалось загадкой. Там присутствовали черные расходящиеся линии на сером и бесчисленные белые пятнышки, возможно, луситы.

В целом досье больше напоминало научный проект, чем что-то, имеющее отношение к Испании. И все-таки трудно судить, отдаст ли она Блуму малозначительную и отвергнутую программу или раскроет ключевую операцию.

Рэйчел погрузилась в размышления, и тут в комнате стало еще холоднее и зазвонил старый эктофон в углу — три быстрые металлические трели.

— Алло, алло! Рэйчел? — раздался бодрый женский голос.

— Да, мама, — ответила Рэйчел. — Это я.

* * *

Мать Рэйчел, Генриетта Форбс-Смит, умерла уже десять лет назад.

Она совершила эвтаназию, как только в груди появились первые узлы, и скончалась в том месте, которое любила больше всего, даже больше Индии — в саду их дома в Илинге, сидя в шезлонге под теплым майским солнцем, с ампулой морфина в руке. Она в последний раз взглянула на диаграмму куба Хинтона из лежащего на коленях Билета, а затем сжала руки Рэйчел и ее отца. Откинулась назад, удовлетворенно вздохнула и ушла так быстро, что Рэйчел пришлось

прикоснуться к ее улыбающемуся лицу, чтобы удостовериться — мать мертва.

Когда Рэйчел казалось, что она забыла материнское лицо и запах, она вспоминала ее ладонь в своей — маленькую, как и ее собственная, красную и сухую, с крохотными порезами и мозолями и грязью под ногтями — руку садовницы. И это всегда оживляло другие воспоминания.

Они с нетерпением дождались сумерек, как полагается, потом Рэйчел с отцом повозились с настройкой эктофона и пробились через шипение помех и завывания мертвецов, привлеченных эфирным прибором.

А после этого раздался низкий и теплый голос матери.

— Алло, алло! — весело сказала она. — А вы знаете, что здесь есть цветы? Кто бы мог представить?

* * *

Рэйчел села в большое кресло перед эктофоном. Это была старомодная модель размером со шкаф, без экрана никтофона, как некоторые новейшие модели компании мистера Бэрда.

— Как дела? — рассеянно спросила она, зажав тяжелую бакелитовую трубку между подбород-

ком и плечом и пытаясь изучать бумаги досье «Камлана», разложенные на коленях.

— Я по-прежнему мертва, — отозвалась ее мать, — хотя с твоего последнего звонка прошло столько времени, что я могла бы уже восстать из мертвых, дождавшись второго пришествия.

— Мама, я была занята.

— Не сомневаюсь. — Генриетта помолчала. — Выглядишь расстроенной. Знаешь, я ведь вижу твою душу, всю спутанную и колючую, как шипы.

Рэйчел беззвучно выругалась. Общение с Блумом должно было дать ей понять, насколько ее состояние заметно призракам.

— Не обращай внимания. Проблемы на работе. А как твои дела?

— У меня все хорошо, Рэйчел, просто скучаю. Твой отец шлет фотографии с Кипра. Ты же знаешь, мы там когда-то бывали, когда ты была маленькой. Я поместила фотографии в свой мысленный сад, чтобы выращивать вместе с воспоминаниями.

Порой трудно бывало понять, как функционирует Страна вечного лета. В отличие от многих других мертвых, Генриетта не работала и жила на пенсию, частично с поддержкой отца

Рэйчел, а частично на собственные доходы. Экономисты-антивозрожденцы часто описывали в газетных статьях кошмарный сценарий — каждому последующему поколению живых придется содержать огромную, все расширяющуюся пирамиду мертвых. Разумеется, это полная чепуха — для эфирных технологий появилось столько областей применения, что мертвые стали даже важнее живых. Секретная служба — хороший тому пример. Мать Рэйчел была счастлива, и это самое главное, а впереди у нее была вечность, так что она снова могла начать работать. А пока можно и отдохнуть.

— Но на самом деле ты обо мне не беспокоишься, Рэйчел, ты просто хочешь услышать мой голос, потому что тебя что-то тревожит. Я же сказала, я все вижу.

— Меня… меня понизили. Теперь я работаю в финансовом отделе.

— Что?! Это какая-то ошибка.

— Мне нельзя это обсуждать. Но это не ошибка, по крайней мере, так считает начальство.

— Рэйчел, мне так жаль. Ты ведь не виновата, правда?

— Не знаю, мама. Может, и виновата.

— Рэйчел, я всегда говорила, что работать в го-

сударственной организации — не самая лучшая идея, как бы ты ни любила глупые отцовские истории. Правительству нельзя доверять.

Рэйчел вздохнула. С тех пор как она объявила, что собирается работать в Секретной службе, споры не утихали. Мать крайне не доверяла всему, что связано с политикой или разведкой.

— Ну ладно, Рэйчел, я знаю, как это для тебя важно. Твой отец может помочь?

— Нет, мама. Это совсем другой уровень.

В молодости отец Рэйчел служил во флоте младшим офицером-радистом разведки, сначала в России, потом в Индии. Теперь он вышел на пенсию и путешествовал по Европе. Рэйчел знала, что он рассердится, начнет писать письма и поднимет шум, но до людей ранга сэра Стюарта или Си все равно не дотянется.

— Тогда ладно.

— Что ладно?

— Тогда вопрос в том, что ты будешь делать дальше.

На мгновение Рэйчел захотелось снова стать ребенком и услышать от матери, что все будет хорошо. Но Генриетта сухо продолжила:

— В детстве ты хотела всех спасти во что бы то ни стало. Но ты больше не ребенок, малышка

Рэйчел. Ты должна смириться с тем, что ничто не длится вечно. А цветы все равно растут. И ты тоже найдешь свои цветы, я знаю. Джо — хороший человек.

У Рэйчел защипало в глазах. На линии возникли помехи, резкие щелчки вместо обычных фоновых шумов.

— Мама, скажи, рядом с тобой есть другие призраки? — быстро спросила Рэйчел.

— В городе всегда многолюдно.

— Просто оглядись. Ты видела кого-нибудь из них раньше, когда следила за мной?

— Некоторые двигаются очень быстро, прямо со скоростью света. Один как раз промелькнул мимо. А что? Почему ты испугалась?

— Мне пора. Прости. Я люблю тебя. Позвоню на следующей неделе, обещаю.

Рэйчел выключила эктофон. Низкий гул затих не сразу.

С ледяной уверенностью она поняла, что призрак, которого заметила ее мать, — это дозорный из Летнего управления. Более того, она была почти уверена, кто его послал.

Рэйчел надеялась, что мать уже на обратном пути к Летнему дому и не увидит ее ярость.

* * *

Роджер Холлис жил в Челси, в небольшой холостяцкой квартире на втором этаже. Выдыхая пар на холоде, Рэйчел всмотрелась в темное окно, гадая, где сейчас Роджер — то ли у одной из любовниц, то ли та у него. Потом она услышала слабый кашель и улыбнулась.

Она несколько раз нажала на звонок и, не получив ответа, стала колотить по двери кулаком. В соседних квартирах зажегся свет, и наконец Роджер, щурясь, открыл дверь. Он выглядел растрепанным и был в одном халате.

— Рэйчел? Какого черта тебя принесло в такое время?

— Пришла вот выпить с тобой чая, Роджер. Ты что, не пригласишь меня войти?

Она протиснулась мимо него, в несколько прыжков поднялась по лестнице до его квартиры и включила свет. На фоне зеленых полосатых обоев в стиле ампир стояла старая и громоздкая мебель и довольно напыщенный бюст Нельсона у большого окна. В бледном электрическом свете квартира выглядела слишком тесной и довольно жалкой.

Из спальни выглянула стройная рыжеволосая

девица лет двадцати, завернутая в простыню. Она не была похожа на Кэтлин, постоянную возлюбленную Роджера.

— Дорогой? В чем дело?

Роджер последовал за Рэйчел вверх по лестнице, крепче запахивая халат.

— Послушай, Рэйчел, так нельзя, ты не можешь вот так врываться…

— Твои дозорные влезли в мою частную жизнь, подслушивая мой разговор с матерью, так что я врываюсь в твою. Эй ты, — сказала она, мотнув головой в сторону девицы. — Выметайся. Государственное дело.

— Виола, не слушай ее, она сумасшедшая. Я от нее избавлюсь!

Рэйчел сложила руки на груди.

— Правда, Роджер? В конце концов, я ведь из плоти и крови. Но могу сказать по опыту, что куда сложнее выгнать из дома шпионов-призраков. Они хуже крыс.

Она снова повернулась к рыжей.

— Виола, да? Если ты не уберешься через две минуты, дорогуша, на тебя откроют дело за соблазнение ключевого сотрудника правительства, хотя мне и неприятно причислять Роджера к этой категории.

Она махнула перед носом девицы удостоверением Секретной службы.

Виола вытаращила глаза и побежала собирать одежду.

* * *

Роджер поспешно попрощался с Виолой в коридоре, но девушка убежала в слезах.

— Не нужно было так поступать, — сказал он.

Рэйчел изучала бюст Нельсона. Он выглядел как подлинная антикварная вещь.

— А я думаю, что нужно.

— Чего ты хочешь?

— Хочу знать, зачем ты подослал ко мне дозорных. Хочу знать, на какое Управление ты работаешь на самом деле. — Она села на диван. — А пока рассказываешь, я бы не отказалась от чая.

— У меня тоже есть к тебе вопросы, Рэйчел. — Роджер подавил кашель и скрестил руки на груди. — Что ты делала вечером в Сент-Олбансе? И что насчет встреч с Питером Блумом? И звонков Максу Шевалье?

В черепе Рэйчел громыхнула головная боль. Ей следовало быть осторожнее.

— Ты поверишь в то, что мы с Максом обсуждали уход и разведение гульдовых вьюрков? —

спросила она.

— Боюсь, что нет.

— Он столько всего о них знает. Скажи, Роджер, на кого ты работаешь в Летнем управлении? Кто дал тебе доступ к дозорным?

Роджер изучил ее и прищурился.

— Саймондс, — объявил он. — Я знаю, что ты проводишь неофициальную операцию, Рэйчел. И хочу в ней участвовать.

— С какой стати я тебя приму?

— Потому что иначе я пойду к сэру Стюарту с тем, что у меня есть, и это покончит с твоей карьерой в Секретной службе.

— Саймондс, — сказала Рэйчел. — Ну просто отлично.

— В каком смысле?

— Крот — это Блум. Саймондс — его лучший друг и, вероятно, пытается его прикрыть. Или Саймондс тоже замешан. Откуда тебе знать, что на самом деле ты не работаешь на Советы?

— Это смешно.

— И как идут дела с поиском компромата на Блума?

— Боже, мне нужно выпить, — сказал Роджер.

Он открыл шкафчик на крохотной кухне и принес бутылку односолодового виски.

— Плесни и мне чуть-чуть, пожалуйста.

Роджер налил ей и протянул бокал. Рэйчел покрутила янтарную жидкость и глотнула. Во рту расцвели вкусы меда и пекана, в голове слегка загудело. Утром определенно будет похмелье — виски после выпитого джина в Сент-Олбансе. Может, существует корреляция между ее похмельем и Блумом?

— Что у тебя есть на Блума? — спросил Роджер.

— Пока что ничего. До сих пор он ведет себя со мной в точности так же, как Саймондс с тобой — использует как неофициальный источник в Зимнем управлении. Но на этой неделе попросил достать кое-какое конфиденциальное досье. Это вполне может быть что-то вроде лакмусовой бумажки. Я достала досье в Сент-Олбансе и прочитала документы. Думаю, их можно безопасно использовать — большая часть зашифрована. Если будем действовать быстро, он не успеет взломать шифр, прежде чем мы его возьмем.

— Это очень опасно, Рэйчел.

— Еще бы. Но если мы схватим Блума во время встречи с куратором, он наш.

Роджер прошелся взад-вперед.

— Не думаю, что могу вовлечь в это дело дозорных из Летнего управления. У тебя есть

кто-нибудь с Той стороны?

— Для этого и нужен мистер Шевалье.

Роджер сел напротив Рэйчел. Между ними стоял стеклянный столик, на его поверхности отражались их лица, словно призраки. Роджер выглядел усталым и истощенным. Вокруг его рта пролегли морщины, под глазами темные мешки. Рэйчел смотрелась на сверкающей поверхности расплывчатой тенью — бледный овал лица в обрамлении темного пальто.

— Хорошо, — наконец сказал он. — Сделаем это вместе. Я уберу все препятствия со стороны Летнего управления и помогу с арестом. Будем придерживаться версии, что с самого начала занимаемся этим вместе, и разделим славу.

— Согласна, — сказала Рэйчел и опустошила бокал. — Надеюсь, тебе понравится в Летнем управлении, Роджер. Хотя, судя по тому, что я слышала, там сложно найти симпатичных секретарш. В особенности фигуристых. Если это вообще возможно.

Некоторое время они молчали.

— Почему ты на меня злишься, Рэйчел? — наконец спросил Роджер.

«Это не ради Англии, — подумала Рэйчел. — А ради Джо».

Она встала и подошла к нему. Осторожно прикоснулась к лицу, пробежала пальцами по небритым скулам, по уголкам суровых губ.

— Потому что из-за тебя я чувствую себя виноватой, — ответила она и поставила бокал на стол. — Веришь ты или нет, но именно это мне сейчас и нужно.

19. Разум на краю своей натянутой узды, 5 декабря 1938 года

После встречи с Рэйчел Питер провел день в напряженном предвкушении.

Долгие рабочие часы он действовал как автомат, разбирал операцию с Джугашвили и присутствовал на устроенном Хиллом совещании. Летнее управление готовилось к войне, и в коридорах часто мелькали офицеры Королевских эфирных сил в угловатых панцирях.

Питер забежал к Ноэлю и рассказал ему о визите в Бленхейм и о том, как он осторожно упомянул о маршруте в старую библиотеку нескольким пылким студентам, пришедшим на экскурсию из Кембриджа. Они вместе над этим посмеялись.

Питер никак не мог расслабиться — стоило ему погрузиться в медитативное состояние, заменяющее в Стране вечного лета сон, как эфир в комнате начинал кипеть и изгибаться. Миниатюрная буря отступила, как только Питер вышел и мысленно переместился к границе города и обратно, истощив запасы праны и воли, тогда он провалился в глубокое забытье без снов.

* * *

На следующее утро курьер-призрак оставил на его столе эктописьмо от Рэйчел Уайт с кодом эктофонного маячка и временем подключения. Два часа спустя Питер мысленно представил четырехмерную комбинацию из цветных многоугольников и переместился в нужное место прямо из рабочего кабинета, не затратив ни капли праны. Эфир растекся в густую жидкость и перенес его к сверкающему контуру эктофона.

Рэйчел была одна. Ее мыслеформы были спокойными, гладкими и голубыми, хотя края странно расплывались. Она прикоснулась к проводу контура, как будто тронула струну арфы, и через мгновение эфир завибрировал голосом Рэйчел.

— Питер? Извини за плохую связь. Это наш старый домашний эктофон. Он так греется, что зимой рядом с ним тепло.

На линии звучало эхо. Ее голос был совсем тонким. Питер удивился, насколько, оказывается, хотел услышать ее голос, и сказал ей об этом.

— Что ж, очень мило с твоей стороны. Однако я собираюсь вести себя как профессионал и скажу, что и физическая, и эфирная версия интересую-

щего тебя досье находится в Кресуэлле, в ячейке камеры хранения, чей номер я сейчас прочитаю.

Она назвала длинный код Хинтона. Питер визуализировал его в эфире и положил мерцающую конструкцию в карман.

— Спасибо, Рэйчел. Я это ценю.

— Можешь дать мне еще какое-нибудь задание. В последние два дня я наконец-то перестала смертельно скучать.

Под бодрым голосом и ярко-желтыми мыслеформами явно что-то скрывалось, Питер это понимал. Совершил ли он страшную ошибку, доверившись ей? Он вспомнил, как Рэйчел прикоснулась к его руке в «Синем псе», как дрогнул ее голос. В шкуре медиума легко обмануться — все кажется далеким, словно все ощущения проходят сквозь толстую ткань, совсем не то, что обостренные чувства в эфире.

— Рэйчел? Все в порядке? — спросил он.

— О да, все прекрасно. Может, я слегка пьяна.

— Не слишком ли рано?

— Я взяла выходной по болезни. Вчера у меня была долгая ночь, и, возможно, я совершила чудовищную ошибку. Потому и начала пить так рано.

Ее мыслеформы вспыхнули рваными лепест-

ками темно-пурпурного и фиолетового — виной и ревностью.

— Прости, мне не следовало ничего говорить. Тебе не о чем волноваться.

— Все совершают ошибки.

— Только не я. По крайней мере, мне так казалось.

— Я могу чем-то тебе помочь? Только скажи.

— Нет, если ты не сумеешь обратить вспять решение парламента послать войска в Испанию. Мой муж отплывает в среду. Мы поссорились. И я, наверное, все еще усугубила. Ох, Питер, я такая дура… — На мгновение она умолкла. — Мне просто нужно хоть что-то чувствовать. В каком-то смысле все это не имеет значения.

— Если это не имеет значения, — медленно сказал Питер, — может, твоему мужу и не стоит об этом знать?

— В нашей работе хватает секретов, Питер. Мне никогда не хотелось иметь тайны от любимых.

— Иногда тайны делают тебя сильнее. А ты очень сильная, я знаю.

— Так мы все себе говорим. Но спасибо, Питер. Приятно, что тебе не все равно.

— Как-нибудь выпьем вместе.

— А может, лучше пройдемся, — сказала Рэй-

чел. — У меня и так болит голова, и я не хочу превратиться в пьяницу.

— Ладно. Мне пора. Береги себя.

— Да. Хорошего дня.

Контур моргнул и исчез. Питер еще некоторое время видел мысли Рэйчел. По-прежнему водоворот пурпура и красного с проблеском белого. Специалисты по чтению душ говорят, что белый — цвет надежды.

Нет, если ты не сумеешь обратить вспять решение парламента. Питер пытался отбросить эту мысль, сейчас ему нужна была отстраненность и объективность.

Ныряя обратно во Второй слой эфира, к Летнему городу, он смотрел на крохотную звездочку мыслей Рэйчел, пока ее душа не затерялась среди тысяч других. А потом она влилась в обширное созвездие живых лондонских душ и исчезла в эфирном небосводе.

Питер вздохнул, визуализировал Билет в Альберт-парк и вернулся на работу.

* * *

Вечером Питер взял досье домой, чтобы как следует изучить. Рэйчел дала ему эфирную версию — запечатленную в лусите вереницу об-

разов, сделанных с помощью камеры Целльнера, превращающей фотографии в намагниченные частицы, которые можно перенести в Страну вечного лета. Дело было толстым, видимо, Рэйчел несколько часов переводила страницы в эфир.

В глаза сразу бросились ката-образы из приложения. Питер не мог их расшифровать, но у него возникло чувство, что он на верном пути.

Тогда он обратился к зашифрованному тексту. Первым местом работы Питера был криптографический отдел, так что он знал стандартные шифры обоих управлений. Он быстро определил, что этот, скорее всего, основан на одноразовом шифровальном блокноте.

Вероятно, Вечно Живой со временем сумеет взломать код, но даже у создания из миллионов душ вычисления займут несколько лет. Нет, нужно добыть ключ и расшифровать документы. Несколько часов Питер бился над этой задачей, завалив комнату наполовину сформированными в эфире идеями. В конце концов он раздраженно швырнул досье. И когда зашелестели разлетевшиеся страницы, понял, что обходил стороной очевидное.

Уж конечно, те, у кого был допуск к делу, знают, как его прочитать.

И один из них — Герберт-Бланко Уэст.

* * *

Стол премьер-министра Уэста был завален игрушечными солдатиками, выполненными с потрясающей детальностью — аккуратно разрисованные крохотные человечки в серо-оливковой форме и остроконечных шлемах и даже похожий на паука эктотанк. Они рассыпались по огромному листу бумаги, расчерченному линиями и топографическими отметками. Уэст согнулся пополам и наклонял голову к самой поверхности, тщательно изучая углы.

Поначалу он как будто не заметил Питера, но потом поднял голову.

— Входите, — сказал он. — Садитесь, пожалуйста. Прошу меня простить, мне только нужно кое-что отметить.

Он нацарапал несколько слов перьевой ручкой на листе бумаги, откинулся на стуле и изучал Питера, сложив руки на коленях.

Питер сел. Было утро понедельника. Учитывая грядущую войну, он на удивление легко добился встречи. Рано утром он пошел к Си и сказал, что хочет еще раз попробовать добиться от премьера благосклонности к Летнему управлению

после провала операции с Джугашвили. Потом разбудил Пендлбери и потратил немалую часть месячного жалованья на Сэвил-Роу, покупая одежду для Пендлбери, а вместе с ней и его доверие. Их связь ухудшилась, и взятое напрокат тело казалось неуклюжим и не по размеру, как будто Питер нацепил водолазный костюм или старомодный панцирь призрака.

Если премьер-министр и помнил их разговор по эктофону после заседания спецкомитета, то виду не подал. Без огромной искрящей души он выглядел маленьким.

— Это вы, Питер? Трудно узнать под маской.

— Я останусь в ней, если не возражаете, сэр.

— Конечно, конечно. Как пожелаете. Прошу, называйте меня Гэ-Бэ, как все остальные.

— Со всем уважением, сэр, я не все остальные.

Уэст посмотрел на него. У него были удивительные глаза серебристого цвета, не то волчьи, не то рысьи, а во всем остальном круглое лицо стареющего человека с тонкими усами было ничем не примечательным. И еще слабая медовая улыбка, ее Питер тоже помнил.

— Так значит, вы по-прежнему играете в «Маленькие войны», — сказал Питер.

— Вы помните! Что ж, игра неплохо продается,

даже лучше после того, как я получил этот пост. Люди пытаются с ее помощью нащупать стратегию, можете себе представить? В ней нет такой глубины. Хотя в последнее время она меня успокаивает. Создавать маленькие миры с четкими правилами. Охватить определенные аспекты реальности в линиях между кусочками металла. Бросать кубик для определения исхода. Порой мне кажется, что это лучшее мое творение и оно меня переживет. Я воображаю миллионы людей, играющих в «Маленькие войны» с эфирными машинами из будущего!

От визгливых ноток в его голосе Питер аж подпрыгнул.

Уэст нахмурился.

— Прошу прощения. Что-то я разворчался. Так бывает, когда нервничаю. Я ожидал, что вы будете выглядеть по-другому, но это не ваша вина. Нужно найти лучший способ видеть эфир. От ящиков Бэрда никакого толка. Может, нужен какой-нибудь аппарат с кристаллами Целльнера, обладающий гиперзрением. Знаете, когда-то я даже одобрил подобный проект. Но в моем возрасте сталкиваешься с тем, что никогда не уверен, нова ли эта идея или ты просто о ней забыл.

Уэст сморщил губы и подобрал упавшего сол-

датика. Потом встал и прошелся по кабинету стариковской походкой, со сложенными за спиной руками, запер дверь и вернулся в кресло.

— Как поживает ваша мать? — спросил он.

— Мы давно уже не разговаривали, — ответил Питер. — Она до сих пор работает в министерстве труда.

— Это я как раз знаю. Очень жаль. Ей бы хотелось с вами поговорить, я думаю.

Питер промолчал.

— Чем я могу быть полезен, Питер? Вы пришли с сообщением от Мэнсфилда, вашего Си, да?

Питер уставился на солдатиков на столе. Он вспомнил первую игру с Уэстом, когда старик позволил ему выиграть. Сейчас он ощущал то же самое — все тщательно спланированные намеки и аллюзии растворились под взглядом серебристых глаз премьер-министра.

— Дело не только в этом, — медленно выговорил он. — Вы же знаете, я никому не говорил о вас и моей матери.

— Я знаю. У нас хорошо получается недоговаривать.

— Но мне нужно кое-что по работе. Если вы мне это дадите, я буду молчать о… о том, чего нельзя произносить.

Уэст вздохнул.

— Я этого боялся, — сказал он. — Вы сердиты на меня.

— Нет.

Он просто ненавидел тайны и ложь.

Премьер-министр откинулся назад.

— Я пойму, если так. Я плохо обошелся с вашей матерью. Я пользовался успехом у женщин и с большей частью из них остался в дружеских отношениях. Но с вашей матерью мы встретились в сложное время, когда только возникло движение возрожденцев, сами понимаете. Для вас, конечно, это роли не играет. Но все же мне хотелось бы как-то оправдаться, хоть немного. Я сделал для вас кое-что за эти годы, поспособствовал вашей карьере. — Он помрачнел. — Мне никогда не хотелось, чтобы вы оказались в Летнем управлении. Это была ошибка. Кто-то решил, что мне это понравится, но это не так.

Питер поморщился. Неудивительно, что оказалось так легко проникнуть в Управление. Он приписывал это некомпетентности сотрудников Секретной службы и предвидению Вечно Живого, но на самом деле с самого начала его направляла невидимая рука Уэста. Чего хотел от него старик? Что ему известно?

— Почему это была ошибка? — спросил Питер.

Он почувствовал головокружение, как будто снова стоит на краю пропасти парадокса.

* * *

Много лет назад, еще до того, как машина Уншлихта напечатала ответ «На Даунинг-стрит», Питер уже знал, что это так. А это значит, ему лгали с самого рождения.

Со слезами на глазах он молча посмотрел на Уншлихта. Философ печально улыбнулся.

— Самое сложное — это не обмануться, мистер Блум, — сказал он. — После той лекции, когда вы последовали за мной, я решил, что вы готовы к тому, чтобы открыть глаза. И я был прав.

Он схватил Питера за плечо.

— Не волнуйтесь. Если правда вас пугает, это значит лишь, что вы не понимаете всей правды, как муха не понимает, что застряла в бутылке. Но вместе мы найдем выход, мы с вами… и он. — Уншлихт указал на машину. — Если, конечно, вы еще с ним встретитесь.

Питер кивнул.

— Что значит — он?

— Давайте будем двигаться постепенно, мистер Блум.

Финальные экзамены прошли для Питера как в тумане. Он был наполнен светом, который как будто озарял каждую стоящую перед Питером задачу. Он потерял потребность есть и спать, осталось только сияние. Питер гадал, является ли это результатом разговора с машиной, и как только экзамены закончились, вернулся к Уншлихту.

Чтобы понять сущность того, с кем он разговаривает, Питеру потребовалось несколько бесед с Вечно Живым. Тот отвечал на вопросы всегда прямо и правдиво, но часто так лаконично, что Питеру требовалось несколько дней для осмысливания ответа. Более того, он ощущал, что за этими истинами кроется нечто большее, чего он не понимает, и каждый разговор наполнял его неудовлетворенным желанием, похожим на любовь.

Когда Вечно Живой наконец назвал Питеру свое имя и цели, идеологии империи и возрожденцев стали выглядеть эфемерными — паутиной по сравнению с блестящими аргументами, исходящими из аппарата. Питер не переметнулся, это неверное слово. Скорее, выскользнул из бутылки, как муха, по словам Уншлихта, понял, что дверь, в которую он всю жизнь ломился, на самом деле не заперта, просто открывается вовнутрь.

Когда он это обнаружил, то сдал вторую серию экзаменов с отличием и едва мог в это поверить. Решив еще шестьдесят три задачи, он проспал два дня кряду. В зале ратуши в напряженной тишине Питер узнал, что стал одним из лучших выпускников. А когда к нему подошел доктор Морком и предложил работать на правительство, Питер увидел едва намечающиеся контуры планов, которые составил на него Вечно Живой.

* * *

Семь лет спустя Питер гадал, включал ли план Вечно Живого Герберта-Бланко Уэста. Премьер-министр задумался и как будто съежился, уменьшившись в размерах. Питер впервые заметил дряблость его кожи и покрасневшие глаза.

— Ладно, пусть будет Летнее управление, — произнес Уэст. — Скажем так, я помогал вам, потому что от этого мне становилось легче. Нет нужды меня шантажировать, Питер, так никогда бы не поступил тот мальчик, которого я встретил много лет назад, он расстроился, когда я чуть-чуть смухлевал в игре. Чего вы от меня хотите?

— Недавно я прочел несколько абзацев из «Науки смерти», — сказал Питер. — У меня есть теория. Я хотел бы ее проверить. Она касается

призраков с Марса.

— Позвольте вас прервать, Питер, — поспешно сказал Уэст. — А знаете, у меня где-то есть экземпляр первого издания.

— Я не о том, — продолжил Питер, к своему отвращению, с теми же визгливыми нотками, что и в голосе Уэста.

Так неправильно. Он подготовил кучу оправданий, историю вроде той, что выдал Рэйчел, об охоте на крота и о том, к чему тот имел доступ. Он ожидал сражения, эпическую дуэль воли. И в глубине души знал, что готовился к этому всю жизнь. Но старик не оставил ему возможности драться.

— Я знаю, что не о том, — откликнулся Уэст. — Я сейчас.

Он нагнулся, хмыкнул, пошарил в ящике стола и выудил книгу в кожаной обложке. Потом смахнул несколько солдатиков и положил книгу на стол среди них.

— Помните, что я тогда сказал? — спросил он, положив руки на книгу. — Чем выше забираешься, тем пристальнее за тобой наблюдают, тем менее свободным ты становишься. Я не могу говорить о некоторых вещах, даже если бы захотел. Вы понимаете?

Взгляд Уэста нервно бегал из стороны в сторону.

Питер медленно кивнул. Уэст хотел, чтобы Питер выяснил про дело Камлана, но не осмелился сказать этого вслух.

Это не паранойя, ведь в каждой комнате может находиться невидимый призрак, подглядывая в твои мысли или слушая слова по скрытому эктофону.

— Знаете, — сказал Уэст, — свободнее всего я себя чувствовал, сидя перед пустым листом бумаги с ручкой в руках, готовясь последовать туда, куда приведут меня мысли. В те дни я надеялся увлечь за своими мыслями других людей. Признаюсь, я употреблял кое-какие вещества, чтобы идеи выглядели красочнее. В эфире это прекрасно видно, как мне сказали. И побочные эффекты паршивые, но тогда у меня просто не было времени об этом волноваться. Вскоре я присоединюсь к вам в Стране вечного лета. Наша медицина не так хороша, как была бы, если бы мы не обнаружили Другую сторону. Мы просто перестали ее развивать. Мы с вашей матерью часто об этом спорили.

Он улыбнулся.

— Я многие годы за вами наблюдал, Питер,

пристальнее, чем вы думаете. Я знаю, вы способны на то, на что я не способен. Мне хотелось бы, чтобы книга была у вас. Может, во мне говорит тщеславие, но мне кажется, ее стоит перечитать.

Он толкнул «Науку смерти» через стол к Питеру.

— Да, и, пока я не забыл, пожалуйста, передайте Мэнсфилду (я никогда не стану называть его Си) мои наилучшие пожелания. Вообще-то у меня и для него кое-что есть.

После очередной экспедиции в недра своего стола Уэст вручил Питеру склянку с голубой жидкостью.

— Я прекрасно понимаю его восхищение невидимым. Вероятно, вы так и не дочитали эту мою работу. — Он махнул в сторону тонкого зеленого томика на полке. — Сейчас книга выглядит такой устаревшей. Но я получил удовольствие, когда писал последнюю главу, где человек-невидимка Гиффен становится видимым.

Он встал и неуклюже похлопал Питера по плечу.

— А теперь ступайте. По возможности приходите меня навестить.

Питер выдавил слабую улыбку.

— Хорошо. Спасибо. Может, в следующий раз

мы сыграем.

Уэст пригладил усы и хлопнул по разложенной на столе карте, на которой стояли солдатики. На карте разыгрывалась «Маленькая война» в Испании.

— Мой дорогой мальчик, а чем, по-вашему, мы занимались все эти годы?

* * *

Питер вышел на Даунинг-стрит, в мрачный, жемчужно-серый день, щурясь и дрожа, с «Наукой смерти» под мышкой и склянкой в кармане.

Читай между строк, велел ему Уэст. Человек-невидимка понемногу становился видимым.

Он сел за угловой столик в оживленном кафе, заполненном клерками, и начал листать книгу. Старая бумага пахла ночами чтения в его комнате на Пэлас-террас-гарденс. Он открыл последнюю главу и брызнул на страницу каплю голубой жидкости из склянки.

И тут же между напечатанным текстом появились строчки с четким убористым почерком, написанные синими чернилами. Питер осторожно намочил носовой платок в жидкости и протер страницы, пока запись не появилась целиком.

* * *

Дорогой Питер!

Если ты это читаешь, значит, работаешь на Советский Союз. Я знал это еще до того, как увидел рапорт Макса Шевалье о тебе, много лет назад.

Признаю, поначалу это было мне неприятно, но я не собираюсь тебя осуждать. Я понимаю привлекательность упорядоченной, рациональной системы для молодого человека твоего склада. Ведь она притягивала и меня, когда я был еще невинным.

Я также знаю, что именно тебе могу доверить задачу по сохранению загробной жизни.

Позволь мне рассказать все с самого начала. Вероятно, ты в курсе, что я начинал как ученик торговца мануфактурой. Я знаю, каково служить тому, кто имеет больше, и мечтал о лучшем мире. И эти мечты превратились в видения – вторжение марсиан, человека-невидимку. Теперь все это так смешно. Многое из этого было чистой фантазией. Но людям

нравилось, и я задумался, не сумею ли создать другие мечты, которые и впрямь изменят мир.

Как и все остальные, я прочитал заметку сэра Оливера Лоджа об озарении на острове Рубо, где он присутствовал на сеансе с медиумом Эвсапией Паллади-но и попросил призрака разомкнуть электрическую цепь с помощью когерера, изобретенного им для экспериментов с радио. У призрака получилось, он позвонил в звонок и тем самым провозгласил начало Эфирной эры. Великий ученый позабыл о соперничестве с Гульельмо Маркони, и оба занялись созданием аппарата для общения с загробным миром.

Когда Лодж и Маркони начали эксперименты с беднягой полковником Бедфордом, они пригласили меня в качестве репортера, рассказать всему миру историю нашей эпохи. Я был так горд, что выбрали меня, а не мошенника Дойла. Ох, а какую я задумал книгу! «Первый человек в загробном мире», так я собирался ее назвать. Или «Эфирная машина».

В том томике, который ты держишь в

руках, ты прочтешь фрагменты этой истории. Как поначалу мы не могли найти способ поговорить с Бедфордом, как он чуть не угас от нехватки праны, как мы пригласили Хинтона, чтобы помог ему визуализировать то место, где он находится, и описать его. Как Бедфорд нашел Летний город и Крепость, набрал отчет с помощью азбуки Морзе, а мы втроем в это время засели в доме в Эссексе, и нас окружала огромная антенна Маркони, похожая на металлическую паутину.

Мои друзья-эсхатологи имели разные мотивы для изучения загробной жизни. Лодж хотел найти сына, а Маркони погрузился в мечты о том, что может дать новая технология. Я же хотел рассказать о покорении смерти и объединить человечество.

А еще я первым задумался о том, что произошло со Старыми мертвыми.

Бедфорд нашел множество угасших душ, но даже самым древним было меньше сотни лет. Мы решили, что людей-призраков поглотили эфирные звери, останки высших животных. Не считая

Крепости и города, мы не обнаружили следов развитой цивилизации.

А ведь технологический прогресс в Стране вечного лета должен идти легче, чем в Первом слое эфира, и ограничен лишь воображением и доступностью праны.

И где же тогда великие эфирные цивилизации? Почему Бедфорд не встретил превосходящие нас и более многочисленные цивилизации, не связанные цепями грубой материи? А где призраки-инопланетяне? Почему их нет, если можно мгновенно перемещаться куда угодно одной силой мысли?

У нас возникло множество теорий. Маркони предположил, что четвертое измерение так обширно, что развитые цивилизации уже обратили свои взоры туда, куда не может дотянуться даже наше воображение – вполне сносное объяснение, учитывая, что мысленные путешествия ограничены только способностью к визуализации. Как католик, он склонялся к теории Тейяра о духовной эволюции и вероятной трансцендентности.

Лодж возражал, что цивилизация просто исчезла, как у майя, а естественная энтропия довершила процесс.

Когда Бедфорд нанес на карту старые части Летнего города, меня осенило. Если как следует присмотреться к городу, держа в уме всю человеческую историю, становится очевидным, что это вовсе не город. Это цитадель, построенная для войны.

И все же это были только догадки, пока Бедфорд не наткнулся в Крепости на скрытое помещение, где пряталось несколько древних призраков. Они почти полностью угасли и могли лишь в ужасе бормотать о чудовищах, от которых скрываются. Они нарисовали эфирные образы немыслимых созданий, восстающих из бездны под луситовыми рудниками, и эти образы чуть не свели Бедфорда с ума.

Старые мертвые называли этих существ Отбраковщиками. Древние эфирные хищники пожирали души, а может, и луситы, они поднимались из ката и кормились любой эфирной цивилизацией, привлекшей их внимание. Старые Мерт-

вые пытались построить укрепления, чтобы им противостоять, и почти в этом преуспели. Почти.

Лодж объявил это легендой, состряпанной угасшими, долго находившимися в изоляции. В то время даже мне не хотелось верить в Отбраковщиков. Меня переполняло желание рассказать о лучшем мире.

Как бы то ни было, именно в то время я познакомился с твоей матерью. Она не полностью разделяла мои взгляды, но тоже хотела изменить мир к лучшему.

Мы воображали, что миром правит рациональная наука, великие умы станут бессмертными и получат эфирные инструменты, чтобы построить царство разума. Отсюда возникли Билеты, иерархическая система обеспечения жизнью после смерти тех, кто этого заслуживает и желает там работать. Идеальная группа самураев эфира, видящих все и знающих все. Именно Анна-Вероника разработала доктрину возрожденчества.

А потом появился ты, и нам пришлось выбирать между мечтой и расставани-

ем. Мой друг Чарльз Блум, настоящий друг, заверил, что ты родишься в браке, хотя это и вбило между нами клин. Как я понимаю, позже твоя мать и Чарльз нашли общую цель и обрели подлинную привязанность, и я этому рад.

Признаюсь, меня будоражат взгляды богостроителей в России, хотя они зашли слишком далеко. Мне не нравится полный отказ от индивидуальности, как бы это ни было рационально. Для меня Ленин навсегда останется тем одержимым лысым человеком, с которым я беседовал в 1920 году.

Но это уже другая история.

В 1919 году мы сделали огромный шаг вперед. Конечно, война была ужасна, но некоторое время казалось, что мы сумеем достичь той мечты, которую лелеяли с твоей матерью. Я улучил момент и написал «Науку смерти».

Пересматривая свои заметки, я понял, что мы строим в Стране вечного лета город, очень похожий на цивилизацию Старых мертвых. Я запустил проект под названием «Камлан» для создания

чувствительной аппаратуры и изучения глубин ката.

На полученных изображениях обнаружились древовидные структуры, в точности как рассказывали полковнику Бедфорду Старые мертвые. Если ты сравнишь фотографические пластины, то увидишь, что структуры движутся. Конечно, это всего лишь трехмерное изображение чего-то гораздо большего. Может, в ката всего один Отбраковщик, спящий Левиафан, и горе нам, если он когда-нибудь проснется.

Лодж и Маркони не поверили в результаты. Они заявили, что эта структура – всего лишь гипероптическая иллюзия, как марсианские каналы Ловелла, вдохновлявшие меня в юности, и настояли на том, чтобы закрыть проект и засекретить результаты. Я возражал, но тогда они имели влияние на королеву. С тех пор меня держат на коротком поводке, я больше не знаю, кому доверять.

Я бы не бросил борьбу с такой легкостью, но в то время мне казалось, что не стоит открывать правду. Это может

привести лишь к страху и мучениям. В конце концов, у нас отсутствовало эффективное эфирное оружие для обороны, да и в любом случае, я опасался развязать гонку вооружений с русскими.

К тому же уверенности все равно не было. Может, Лодж и Маркони были правы.

Чем ближе я подбираюсь к смерти, чем ближе конец моей узды, тем чаще я задумываюсь о тех днях и образе Отбраковщиков в проекте «Камлан».

А теперь мы стоим перед лицом новой мировой войны, угрожающей перекинуться в четвертое измерение и уничтожить сами души, и я задумался, а не благословляют ли ее затаившиеся Отбраковщики. Если что-то и может предотвратить столкновение двух эфирных империй с противоположным мировоззрением, так это общий враг. Мы все знаем, каких высот достиг Вечно Живой, но, несмотря на выдающийся интеллект, ему не хватает воображения.

Я верю, что вместе мы выстоим перед Отбраковщиками и раскроем тайны эфира, времени, пространства и душ. И даже

тогда это будет только начало.

Если ты это читаешь, то получил досье «Камлана». Там содержится все, что мы знаем об Отбраковщиках. Ключ к шифру – на последних страницах книги, которую ты держишь в руках. Назови это последним проявлением моего тщеславия, но мне хочется подсунуть Вечно Живому мою книгу.

Больше мы никогда не увидимся. Возможно, тебя это удивит, но у меня нет Билета. Когда придет время, я решил уйти туда, куда уведет меня воображение. И если я навеки угасну, то надеюсь, моим последним чувством будет гордость за то, что могу назвать тебя сыном.

Г-Б

20. Облик грядущего, 5 декабря 1938 года

Остаток письма состоял из нескольких страниц сгруппированных цифр и букв — криптографического ключа. Питер Блум закрыл книгу, расплатился за нетронутый кофе и вышел на улицу.

У него закружилась голова, и через несколько шагов он остановился. Служащие в темных костюмах, твидовых пальто и под зонтиками обтекали его, как камень в речном потоке. В конце концов толпа вынесла его к светофору.

Рассказ Уэста звучал очень правдоподобно. Кое-что Питер уже вычислил и сам, по крайней мере, существование загадочной силы, истребившей Старых мертвых и по-прежнему угрожающей Стране вечного лета. Отсутствие густонаселенного загробного мира логично предполагало некий фильтр для эфирной цивилизации, иначе имперские эктонавты обнаружили бы не только руины единственного города. Он высказал свои соображения Отто и Норе и удивился, когда те с ним согласились.

В любом случае это звучало слишком невероятно, чтобы оказаться заговором спецслужб. Премьер-министр — усталый пожилой человек, смирившийся с решением использовать Питера как посланника к Вечно Живому. И это послание изменит все.

Зажегся зеленый. Питер сошел с тротуара и увидел конец времен, форму грядущего.

Если это правда, если появятся Отбраковщики, то Вечно Живой, как и весь Летний город с его бесчисленными душами, будут уничтожены. Британская империя выживет, но Советский Союз — нет. В мире снова наступят темные века варварства, его охватит страх смерти. Религии и люди вроде Джугашвили заполнят вакуум власти и воспользуются страхом, чтобы построить империи на крови и терроре.

Питер перешел улицу и свернул на Бердкейдж-Уолк. Нужно во что бы то ни стало передать книгу Отто и Норе. Все уже готово для эвакуации, но если что-то пойдет не так, Питер отправится прямиком в советское посольство, к резиденту разведки из НКВД, работающему под дипломатическим прикрытием.

Поднялся ветер, принеся запах палой листвы и дождя. Питер нашел свободную телефонную

будку на краю Сент-Джеймс-парка, скормил аппарату шестипенсовик и набрал номер. На линии послышались щелчки, затем записанный женский голос прочитал серию цифр и букв — код Хинтона для Билета. Подвешенным в будке огрызком карандаша Питер записал их на титульном листе «Науки смерти» и позволил себе вздохнуть с облегчением. Он получил эфирный адрес, маршрут побега. Теперь нужно лишь найти способ забрать с собой книгу и код.

Выйдя из будки, он быстро зашагал прочь, обдумывая маршрут, чтобы засечь хвост.

* * *

Рэйчел Уайт была не из слабонервных. Готовясь к выпускному экзамену в колледже, она спокойно распланировала расписание подготовки, идеально его выполнила и ночью перед экзаменом проспала восемь часов. Но теперь, на пассажирском сиденье старомодного бензинового автомобиля (уже больше десяти лет машины в основном были электрическими), припаркованного на Бердкейдж-Уолк, ощущала жжение в желудке и сильнейшее желание грызть ногти.

После завтрака она съела только недожаренную сосиску из ларька. Весь день они выслежи-

вали Блума — и в Стране вечного лета, и в мире живых, с тех пор как он зачем-то купил одежду, потом зашел на Даунинг-стрит, 10 и вышел оттуда с книгой.

Далекая фигура Блума скрылась в телефонной будке.

— Что он там делает? — прошептала Рэйчел.

Сидящая за рулем Джоан бросила на нее осуждающий взгляд.

— Назначает встречу, — произнес на заднем сиденье Роджер Холлис. Он повозился с алфавитным набором эктофона. — Велю Буту и Хиксону приготовиться. Надеюсь, Шевалье справится со своей ролью.

Рэйчел посмотрела на бывшего помощника, затолкала свои сложные чувства в дальний уголок разума и заперла там на ключ. Об этом еще будет время поразмыслить. А сейчас главное — поймать за руку Блума, и Роджер согласился подключить двух дозорных-призраков из отдела Ноэля Саймондса — Бута и Хиксона. Помимо этих двоих и Макса была еще Хелен и второй агент Макса, мистер Строук, — достаточно, чтобы слежку невозможно было заметить, в особенности когда Макс передает сообщения для координации.

— Мистер Блум позвонил, — спокойным и размеренным голосом радиоведущего объявил Макс по эктофону. — Я прослушал линию. Похоже на хинтонский адрес.

— Возвращайтесь туда! — рявкнул Роджер. — Он в любой момент может покинуть это тело!

— Имейте терпение, — ответил Макс.

Блум вышел из телефонной будки и зашагал по улице.

Рэйчел поддалась порыву и стала обкусывать ноготь указательного пальца левой руки.

— Нет, — сказала она. — Сначала ему кое-что нужно сделать. Это касается Уэста и книги, которая привела Блума на Даунинг-стрит. — На мгновение Рэйчел захотелось ворваться в резиденцию самого могущественного человека в стране и потребовать объяснений, о чем говорил премьер-министр со своим незаконнорожденным сыном. — Возможно, ему надо сделать целльнерские фотографии документов.

— Если он решит дать деру и мысленно переместится… — сказал Роджер.

— То мы будем на хвосте, мистер Холлис, — прервал его Макс. — Те достойные джентльмены, которых вы привели, сообщили, что закрепились на его лусите. Куда бы он ни отправился в эфире,

мы последуем за ним. — Он тихо рассмеялся. — Я почти поверил, что мистер Бут и мистер Хиксон в прошлой жизни были охотничьими собаками.

— Можно было бы устроить все и лучше, Рэйчел, — сказал Роджер.

— Кажется, ты превращаешься в старую ворчунью, Роджер.

Джоан нахмурилась и завела двигатель. Они медленно влились в плотный поток транспорта, не сводя взглядов с невысокой и коренастой фигуры Блума.

* * *

Питер пересек Бердкейдж-Уолк и недолго попетлял по дорожкам Сент-Джеймс-парка. Взятое напрокат сердце отдавалось в груди ударами церковного колокола. В парке было сыро и тихо, на другом берегу озера возвышался Букингемский дворец.

«Я вижу это в последний раз», — подумал он. Может, не так уж плохо унести с собой воспоминания о деревьях и белом, будто фарфоровом, дворце, пусть даже королева и правит теперь с того света. Он вдыхал чистые запахи травы и слышал резкие птичьи крики.

В последний раз Питер чувствовал себя так,

когда удовлетворили его просьбу поступить на службу в Летнее управление. Он сразу же отправился в специальный госпиталь, чтобы там перейти в мир иной.

Ему выделили простую койку и капельницу с морфином, и прежде чем мир угас, все стало выглядеть реальнее, чем когда-либо. Даже сейчас Питер помнил яркий солнечный свет через грязное окно.

Потом он заснул, ему снилось восхождение, он искал опору на стене огромного эфирного здания. Мягкое теплое солнце грело спину. Опоры были повсюду — статуи ангелов, могильные таблички, легко было найти, куда поставить резиновые подошвы ботинок. Но тут статуя святого с грохотом рассыпалась под его пальцами, нога соскользнула, и он упал.

И тогда Питер проснулся в полной пустоте, в тишине и холодных объятьях Страны вечного лета. Грудь душила паника, но у него больше не было легких. Он не мог отделить себя от всего остального — все превратилось в потоки и течения одной жидкой среды.

Но он был к этому готов: специально запомнил ощущения своего тела, стоя голым перед зеркалом, запечатляя, как поднимается и опадает

грудь, как течет воздух сквозь ноздри. Он вызвал эти воспоминания, и эфир нарисовал их, мазок за мазком. И тогда над головой появилось сумеречное янтарное свечение Первого слоя эфира.

Вскоре, если не возникнет проблем, Питер пройдет через Процедуру Термена и покинет мир эфира, превратившись в мысль в разуме Вечно Живого. Это подействовало на него успокаивающе, но возникла и нотка сожаления. Питер не попрощался ни с Ноэлем, ни с матерью. Он надеялся, что когда-нибудь они поймут.

Он сосредоточился на пути, на самом процессе ходьбы. Ясно осознавая приближение конца, легко запоминать лица, походку, пальто и номера машин. Он покинул парк через западные ворота и дошел до Итон-сквер с шикарными особняками. Справа на Примроуз-хилл высился некрополь Метрополитен, стоэтажная пирамида для пяти миллионов покойников, но Питер не обращал внимания на огромное сооружение, сосредоточившись на мелком, то есть людях.

И вот наконец явочная квартира.

Она была меньше той, которую когда-то использовал Джордж в Челси. По легенде, ее занимал фотограф под студию — Новые мертвые нередко фотографировались в прокатных телах, чтобы не

забывать свой образ. У Питера сжалось сердце, когда он нащупал спрятанный под цветочным горшком ключ и вошел.

Если все пойдет по плану, отсюда он уже не выйдет. По крайней мере, во плоти.

В доме было холодно и пусто, закрытая чехлами мебель в скупом свете дня напоминала зимний пейзаж.

Камера Целльнера, тяжелая черная штуковина из кожи и металла, лежала в сейфе вместе с чувствительными серебряными поляризационными пластинами, завернутыми в бумагу. В громоздкое устройство можно было вставить только одну пластину зараз, и смена пластин была сложной и занимала несколько минут даже у более опытного человека, нежели Питер.

Питер положил «Науку смерти» на низкий кухонный стол, где было получше с освещением, вставил в камеру пластину и сфокусировал ее на страницах с записанными цифрами. Его руки дрожали. Он чувствовал, как душа Пендлбери ворочается в черепе. Пришлось ненадолго сесть, пока эти ощущения не прошли.

Всего несколько фотографий, сказал он себе. А потом я уйду. Исчезну. Будет ли это похоже на фотопленку, выставленную на яркий свет? Все

составляющие его суть формы и узоры размоются в сиянии Вечно Живого?

Он снова взялся за камеру, сфокусировал ее и сделал первый снимок. Камера зажужжала и запечатлела эфирный узор на магнитной петле пластины. Питер сменил пластину и сделал еще один снимок, затем еще один. Время от времени он прерывался, выдергивал уже сфотографированные страницы и сжигал их в камине.

* * *

— Что он делает? — спросила Рэйчел.

— Он там всего несколько минут, — ответил Макс. — Люди из Летнего управления наблюдают в эфире, моя милая Хелен — с одной стороны здания, а мистер Строукс — с другой. Никто не вошел и не вышел. Если хотите, миссис Уайт, я взгляну, что происходит внутри.

— Да, прошу вас.

— Я присоединюсь к Хелен, — сказала Джоан, вылезая из машины.

Рэйчел кивнула и забарабанила по приборной панели. Ей нужно было хоть чем-то заняться, два ногтя она уже отгрызла до мяса.

Роджер закашлялся. Рэйчел не сразу сообразила, что впервые после ночи в его квартире они

остались наедине. Она вспомнила запах его одеколона, тощее, как палка, тело.

— Ты счастлива, Рэйчел? — вдруг спросил он.

— Я не хочу сейчас об этом говорить.

— Позже у нас может не найтись времени. Почему ты еще с ним? Я про Джо.

— А что ты знаешь обо мне и Джо?

— Люди болтают.

— Ты о болтовне шлюшек-секретарш?

— Они ни капли для меня не значат, сама знаешь. Давай перейдем в Страну вечного лета вместе. Там все по-другому. Мы вольемся в новую Секретную службу, где ценят твою душу, а не пол. Бросай своего солдата, пусть сам разбирается со своими несчастьями.

— Ты просто не понимаешь, — медленно выговорила Рэйчел. — Это случилось между нами, потому что мне хотелось чувствовать себя виноватой. Когда я отдавала Блуму досье, мне нужны были сильные эмоции, чтобы скрыть под ними истинные намерения. Вот и все.

Роджер молчал, прищурившись. На его губах появилась циничная улыбка.

— Ты так себя уговариваешь, Рэйчел. Уж прости, но не было похоже, что ты чувствуешь себя виноватой. Я всегда знал, что в тебе таится страсть,

тебе нужно только позволить себе ее выпустить.

— Не будь таким омерзительным, Роджер.

— Я просто предлагаю тебе над этим подумать. — Он наклонился вперед, взял Рэйчел за руку и провел пальцем по ее ладони. — Жизнь коротка.

Рэйчел закрыла глаза, на миг отдавшись ощущениям.

— Ты не так уж плох, Роджер. Но я люблю Джо.

Она отдернула руку.

— Но разве с ним у тебя могло что-то получиться? Сама знаешь, мы одинаковые. И понимаем, как крутится мир. Мы можем быть равными.

На мгновение она позволила себе задуматься о том, чтобы бросить Джо. Несмотря на все их проблемы, эта мысль все равно отозвалась в ней надломом, как мысль о смерти в прежние времена.

Щелкнул эктофон, и в машине повеяло холодом.

— Он передает документы в эфир, — сказал Макс. — Я не осмеливаюсь подобраться поближе. Может, войдем и схватим нашего почтового голубка, миссис Уайт?

Рэйчел нахмурилась. Если схватить его за руку во время передачи секретных документов, это

может привести к серьезным обвинениям, но они не знают, что это за документы. Блум получил их на Даунинг-стрит. Это могли быть и семейные фото. И все же стоило рискнуть.

— Я обещал Саймондсу куратора, — сказал Роджер. — Нужно подождать.

— Похоже, он появится еще не скоро, — заметил Макс.

— Ладно, — сказала Рэйчел. — Все остаются на позициях, пока он не закончит.

— Боже, мне нужно закурить.

Роджер вышел из машины и потянулся. Потом взглянул на Рэйчел, одними губами проговорил слова: «Подумай об этом» — и закрыл дверь.

— А, юный любовник, — сказал Макс. — Ваш мистер Холлис прилично взбудоражен.

Рэйчел промолчала.

— Понятно.

— Избавьте меня от ваших нотаций, — сказала Рэйчел.

— Ох, ну что вы, я никого не осуждаю. Только наблюдаю.

— И что же вы видите?

— Что разница между людьми и животными в том, что люди редко признаются себе в том, чего хотят на самом деле.

* * *

Питеру осталось скопировать еще несколько страниц, когда зазвонил телефон. Это был обычный аппарат для мира живых, стоящий на столике в углу. Питер на мгновение уставился на телефон, потом осторожно поднял трубку.

— Ткань в горошек, — раздался женский голос. Возможно, он принадлежал Норе, но Питер не был уверен. — Оранжевый и черный.

И женщина повесила трубку.

На кодовом языке Джорджа эти слова означали: «За тобой следят, и призраки, и живые».

Питер выглянул в окно, но ничего не увидел. Потом заметил пожилую женщину на скамейке в сквере рядом с домом. Нужно бежать, и лучший вариант — мысленно переместиться по хинтонскому адресу.

Он повозился с переключателем короны призрака. Действующий на нервы гул и щекотка исчезли. Перед глазами замелькали образы то из мира живых, то с Той стороны. Ноги стали ватными. Питер попытался выбраться из клетки черепа, сбежать из телесной марионетки с отрезанными нитями. Но душа медиума крепко вцепилась в него, словно щупальцами. Не

следовало столько раз пользоваться услугами Пендлбери — душа медиума привыкла к нему и не желала отпускать.

Задрожали руки. Приступ тошноты заставил опуститься на колени. Питер отхаркнул кисловатую жидкость, покрывшую ткань на полу красно-бурыми пятнами. В глазах заплясали эфирные искры. Он изо всех сил боролся с волей медиума и щупальцами чужой души, вцепившимися в разум.

Снаружи хлопнула дверь.

* * *

— В доме просто зазвонил телефон, — сказал Макс.

— К черту, — отозвалась Рэйчел. — Берем его.

Она повернулась к Роджеру.

— Дай мне твой пистолет.

— Почему бы нам не подождать, пока…

— Давай, Роджер! — Она метнула в него разъяренный взгляд. — Я хочу лично его взять. Я это заслужила.

Он молча протянул ей травмат.

— Возьми Джоан и перекройте задний вход. Я пошла.

Рэйчел вышла из машины и побежала к дому,

опустив пистолет.

* * *

Питер стоял на четвереньках. На полу валялись фотографические пластины.

На мгновение он перестал бороться с медиумом, и мысли прояснились. Он сумел бы выбраться, но уже нет времени. Они воспользуются нелетальным оружием, и это запрет его в теле медиума, пока не установят новую корону. Осталось всего несколько секунд.

Но выход есть.

Он пополз к шкафу, где Джордж хранил камеру.

* * *

Рэйчел была уже у двери. Она много лет не стреляла и лишнюю секунду повозилась с предохранителем.

Потом отошла назад, прицелилась в замок и выстрелила.

* * *

В ящике шкафа лежал маленький револьвер.

Ноги у Питера онемели, но рукам хватило сил, чтобы дернуть ящик. Вместе со всем содержимым ящик грохнулся на пол. Руки казались Питеру варежками не по размеру, в глазах взрывались фейерверки.

Он нащупал что-то маленькое, тяжелое и холодное. Изогнутый и острый кусок металла, должно быть, курок револьвера. Питер взвел его и сунул дуло в рот.

Прежде он никого не убивал и сейчас пытался придумать оправдания из-за Пендлбери. Еще одна душа спасется от Отбраковщиков.

Послышался отдаленный грохот. Это он спустил курок? Нет, боль не прекратилась.

Нажимать на тонкий кусок металла было все равно что поднимать гору. Затем вспыхнул свет.

Он бы улыбнулся, но больше у него не было губ.

* * *

Рэйчел услышала выстрел и поняла, что уже слишком поздно.

* * *

Смерть медиума выбросила обоих во Второй

слой эфира, сцепившиеся души наконец-то разлетелись. Питер оттолкнул новорожденного призрака Пендлбери, растерявшегося в первичном смятении, и устремился в ката.

Центр Лондона напоминал гигантскую карту, нарисованную электрическими огнями. Там, куда упало его тело, парили мыслеформы. Одна была похожа на Рэйчел Уайт, но Питер ее проигнорировал.

Он собрал эфирные узоры с пластин камеры Целльнера, как падающие листья. На них светились цифры и буквы из книги с кодами. Питер подхватил их воображаемыми пальцами и прикрепил к своему луситу, дворцу памяти. Потом представил хинтонский адрес для эвакуации и нырнул в эфир.

Огни мира живых расплылись и превратились в мерцающий туннель. Питер тут же понял, что по его следу летят другие призраки, привязанные к его луситу. Это как плыть против течения, когда за тебя цепляется кто-то еще.

Он нырнул в ката, к Стране вечного лета, где ничто не мешало гиперзрению. Сумрак мира живых выглядел туманным слоем из обрывочных мыслеформ, светящихся конусов, треугольников и сфер, кружащихся, словно конфетти. Бесполез-

ные, отвергнутые мысли, возникающие в порыве вдохновения и тут же позабытые. Без тяжести душ они парили ближе к живым.

Спрятавшись среди потерянных мыслей, Питер увидел трех призраков, движущихся прямо на него — тонких и изящных. Он тут же понял, что двое из них — дозорные из Летнего управления.

Питер углубился в ката, под Летний город, кометой устремившись к краю пропасти и луситовым рудникам. Здесь повсюду были старые души-камни, мертвые звезды с еле заметным свечением праны, похожие на водоросли глубин ката. Вокруг роились эфирные существа — колючие, угловатые создания, закованные в окостеневшие мысли, из душ тянулись и танцевали щупальца. Питер влился в этот рой света в надежде затеряться, но дозорные все равно следовали за ним.

В разуме мелькали образы Отбраковщиков из досье «Камлана», притягивая его еще глубже в ката. Его охватил жуткий, всепоглощающий холод. Питер отбросил эти видения и развернулся к сумеречному свету Неведомого — в ана. Прана заканчивалась. Мелкие воспоминания и обрывки мыслей стелились позади и угасали — запах карандашей в школе, первый поцелуй.

И снова Лондон. Похожие на реки линии элек-

тропередачи. Грохочущая Амазонка третьего кольца метро. Мыслеформы живых, как бесконечные маковые поля. А затем башня Маркони, перевернутый фонтан душ.

Питер ринулся в самую гущу потока курьеров-призраков и эктопочтальонов, виляя среди них, наталкиваясь, вызывая на себя град злобных мыслей-стрел. Он поднялся над Лондоном в направлении ана, четырехмерный вид выглядел странно — перевернутым, а свет Неведомого — ярче, чем когда-либо. Попытки пробиться сквозь него полностью истощили запас праны. Питер ощущал себя полой хрустальной раковиной.

Из потока призраков на башне отделился один дозорный, возник прямо перед ним. Остальные двое наверняка где-то рядом. У Питера вряд ли хватило бы праны для еще одного мысленного перемещения. Придется разбираться с дозорным.

Питер плотно сжался вокруг своего лусита. Представил острый край, решение системы уравнений, и образ тут же материализовался в эфире. И тогда Питер рухнул на дозорного под тяжестью притяжения энтропии ката. Дозорный распластался, как светящаяся медуза, вытянул щупальца мыслей, чтобы схватить Питера.

Питер пролетел сквозь него. Мысли-лезвия

резали и кромсали мысли и воспоминания, а потом полоснули по луситу дозорного. Раздался эфирный вопль. Питер мельком взглянул на изорванного в клочья призрака: вокруг лусита остались лишь неровные обрывки праны.

Питер вызвал хинтонский адрес, который дала ему Нора, и рванул к нему. Через мгновение перед ним ярко полыхнул разум медиума и тут же успокоился под мягко пульсирующей короной призрака. Питер нырнул внутрь. Он дернулся, как будто резко пробудился ото сна.

Он лежал в новом теле, виски сдавливал холодный металл короны призрака. Глаза застилали слезы вины. Знакомая сильная рука мягко погладила его по лицу. Нора.

— Все хорошо, Феликс, — прошептала она. — Скоро ты будешь дома.

* * *

Рэйчел и Роджер опустились на колени перед окровавленным мертвым медиумом. Круглая белая маска по-прежнему была на нем, только вместо рта зияла рваная дыра. В ней проглядывалось алое с белым месиво из плоти и костей.

— Боже, ну и кошмар, — сказал Роджер.

Он стянул с ближайшего дивана чехол и

прикрыл тело. На ткани тут же проступили темно-красные пятна, и труп стал напоминать привидение из детской книжки — с красными глазами и ртом.

Рэйчел отвернулась, к горлу подступила тошнота. За Блумом гонятся Макс и дозорные. Он за это заплатит. У мертвого медиума наверняка был Билет, но все же.

Тренькнул ее эктофон, и комнату наполнил ледяной холод призрака. Рэйчел взяла трубку.

— Макс? Куда он направился? — Она повернулась к Роджеру. — Нужно позвонить в Управление.

Поначалу слышны были только помехи. Потом прорвался голос Макса, отдельные фрагменты фраз.

— …резал меня… знал… Я ранен. Теряю…

— Макс! — закричала Рэйчел.

— Тяжело… падаю… Гвледис…

Она стиснула кулаки, ей хотелось как-то помочь, но вокруг были только холод и запах крови.

И вдруг голос стал четким и наполнился ласковым теплом.

— Миссис Уайт. Блума предупредили. Он знал, что мы близко. Будьте осторожны. — Снова за-

шипели помехи. — Ох! — удивленно вздохнул Макс. — Здесь Гу.

Рэйчел услышала что-то похожее на птичий щебет, и все сменилось помехами.

21. Встреча в клубе «Альба», 5 декабря 1938 года

Рэйчел Уайт стояла в конспиративной квартире советского агента, бросив шипящий эктофон на пол, и ее затопила холодная решимость.

Пока Роджер в ярости расхаживал по квартире, курил и кашлял, как паровоз, по городскому телефону она вызвала спецотдел. Полистала лежащую на столе книгу. Несколько страниц были вырваны и сожжены. Рэйчел заметила хинтонский адрес, нацарапанный карандашом с обратной стороны обложки. Несомненно, уже не действующий, но стоит проверить.

Она утешала Джоан и Хелен. Обе рыдали и не могли примириться со случившимся. Макс обычно описывал агентов куда менее тепло, чем своих зверюшек, но отсутствие привязанности явно было наигранным.

Рэйчел объяснила, что среди призраков тоже случается насилие, хотя и редко, ведь в том мире можно избежать столкновения силой мысли, а Макс пожертвовал собой, преследуя Блума.

Когда Роджер успокоился, они поговорили по

эктофону с Бутом и Хиксоном. Хиксон видел драку Макса и Блума, но опоздал и не сумел догнать крота. Рэйчел делала заметки для отчета. Роджер связался с Саймондсом и попросил помочь все подчистить.

Прибыла спецгруппа — двое поджарых мужчин с плохим цветом лица, Рэйчел помнила их еще по «Лэнгэму». Оба оробели в присутствии стольких агентов Секретной службы. Рэйчел дала четкие объяснения, ничего не упустив. Неофициальная операция Секретной службы по преследованию советского агента; да, она тут главная; да, в результате угас неофициальный призрак-консультант, и за это она несет полную ответственность. Рэйчел говорила это как будто извне своего тела, словно находится в кукле Эдисона.

Она не останавливалась. Позвонила Сьюзи в квартиру Макса на Слоун-сквер и поведала печальные новости, выслушала рыдания немецкой горничной в трубке. После прибытия спецгруппы Роджер не разговаривал с Рэйчел, явно пытаясь дистанцироваться от всего произошедшего. Он позвонил Харкеру и выдержал телефонную бурю.

Стемнело, и не оставалось ничего другого, кро-

ме как пойти домой.

Гертруда привыкла к тому, что Рэйчел приходит поздно, и приготовила ужин. Рэйчел на автомате поела, попросила горничную приготовить ванну, но затем передумала и, сидя в кабинете в банном халате, написала прошение об отставке. Голос разума в голове пытался возразить, что все не так уж плохо, как кажется, ведь они раскрыли крота и спецслужбы знают, какие данные ему известны.

Она запечатала письмо и отложила ручку и впервые за несколько часов просто села неподвижно. Руки начали дрожать. Она сложила их на коленях, и тут наконец хлынули слезы.

Плач разбудил гульдовых вьюрков, они вспорхнули в клетке. Самка слегка попискивала.

Рэйчел вытерла слезы и посмотрела на птиц. Она по-прежнему не представляла, что происходит в их крохотных головках, и поразилась тому, как же хорошо Макс понимал своих животных.

А насколько хорошо возможно понять даже человеческое существо? После всех встреч и признаний Блум остался для нее закрытой книгой, таким же не поддающимся расшифровке, как и досье «Камлана». Рэйчел сомневалась, что и он сумел в ней разобраться. Они просто несколько

часов провели рядом и вежливо лгали друг другу, даже если под ложью проглядывала правда.

Она вспомнила рассказ Джо о войне — это была правда, за которой не стоит никакой цели, он просто хотел, чтобы Рэйчел его поняла. А теперь ей может и не представиться возможность сделать то же самое для него. Но теперь, когда Блум все-таки сбежал от Летнего управления, в Испании может стать поспокойней.

И только тогда до нее дошел смысл последних слов Макса.

Может, спокойней и не станет. Блума предупредили. А значит, в Секретной службе есть еще один крот. Эта мысль пронзила ее, как скальпель хирурга, причинив физическую боль, все тело напряглось.

Нужно связаться с Ноэлем Саймондсом.

* * *

— Мне ужасно жаль, но мистера Саймондса нет на месте. Сейчас он в клубе.

Рэйчел крепче стиснула трубку эктофона.

— В каком?

— «Альба», мадам. Могу я передать ему сообщение?

— Нет, не нужно. Я позвоню позже.

— Как пожелаете, мадам. Хорошего вечера.

Она положила трубку и вздохнула. Саймондс, вероятно, останется в клубе до утра. Несомненно, зализывает раны вместе с другими шишками из Секретной службы, не сумев схватить Блума. А завтра будет уже слишком поздно. К тому времени Харкер потребует ее отставки.

Проблема заключалась в том, что «Альба» был самым закрытым мужским клубом столицы. А также клубом Джо, поэтому Рэйчел прекрасно знала тамошние порядки. Членов клуба не побеспокоят ни под каким предлогом и всегда найдут причину для вежливого отказа. А один из основополагающих принципов — не пускать женщин, даже в качестве гостей члена клуба. Джо часто использовал «Альбу» в качестве убежища, когда между ними возникали трения.

Порой быть женщиной — все равно что быть туристкой в незнакомой стране.

Пришедшая ей в голову идея была такой нелепой и дикой, что Рэйчел не удержалась от смеха.

Она подпрыгнула и бросилась в прихожую, где стоял, как рыцарь-стражник, старый панцирь призрака. Еще первого поколения, тяжелая штуковина из латуни, трубок Крукса, резины и ткани, замотанных медным проводом, а сзади

прикреплялся аккумулятор. Джо хранил панцирь в превосходном состоянии.

Рэйчел прикоснулась к панцирю в районе сердца. Не только Джо надевает панцирь во время сражения.

* * *

Клуб «Альба» находился в большом особняке в Вестминстере, с прекрасным фасадом в паладианском стиле, лазурном с белым. Закрытые шторы и дверь без таблички олицетворяли строгость и замкнутость.

Рэйчел потела внутри панциря призрака. В нем было ужасно неудобно. Сочленения тугие, а через щели для глаз едва можно что-либо разглядеть. Раскаленный аккумулятор добавил неприятностей.

Но это хотя бы отвлекло ее от мысли, что она совершает страшную глупость.

В вестибюле висела медная табличка памяти членам клуба, сражавшимся на Великой войне. Администратор не мигая уставился на Рэйчел.

— Чем могу помочь, сэр?

Голос оказался самой серьезной проблемой. Рэйчел позвонила своему приятелю Сайксу из технического отдела. Тот объяснил, как устано-

вить голосовое устройство, предназначенное для призраков, не способных воспользоваться связками медиума.

— Да, я пришел к члену клуба, мистеру Саймондсу. Мы должны встретиться в баре.

Неприятно было слышать треск выходящего из груди чужого голоса, на октаву ниже собственного.

— Хорошо, сэр. Вы здесь уже бывали?

— Очень недолго, с графом Оксфордским в конце прошлого века, — ответила Рэйчел, ставя нечитаемую подпись в гостевой книге. — Вероятно, вы тогда еще здесь не работали.

— Вы правы, сэр. Но если вы пройдете через бильярдную, то бар еще открыт, как и в последние два столетия.

Бар представлял собой узкую комнату с высоким потолком, с креслами, диванами и большим морским пейзажем на стене. К счастью, Джо нигде не было видно. Сначала Рэйчел собиралась попросить его передать Саймондсу сообщение, но вдруг поняла, что не знает, как объясниться с мужем.

Потом она услышала знакомый голос.

— Привет, дружище!

Рэйчел помахал сэр Стюарт Мензис, глава Зим-

него управления. Выглядел он как привратник с треугольником густых усов. Он сидел в нише с человеком в короне призрака и маске домино.

— Выпейте с нами! — сказал сэр Стюарт, хлопнул себя по колену и поманил Рэйчел на пустое место рядом с собой. — Вы поможете нам разрешить спор, сэр.

Самый главный начальник Рэйчел был беспробудно пьян.

Не зная, как поступить, Рэйчел поковыляла к нише и тяжело опустилась в кресло.

— Боже ты мой, наверное, страшно неудобная штука! Вы член клуба?

— Нет, только гость. Очень любезно с вашей стороны меня пригласить. На этой неделе я побывал в «Карлтоне» и не дождался от его членов ничего, кроме «здравствуйте».

— Так в «Карлтон» пускают кого ни попадя, — сказал сэр Стюарт, подмигнув приятелю. — Верно, Саймондс?

Рэйчел обрадовалась, что шлем скрыл ее вытаращенные глаза. Нужно найти способ переговорить с Саймондсом наедине.

— Что у вас за спор, господа? — спросила она.

Под этой веселой встречей явно таилась политическая подоплека. Может, Саймондса

тревожили вероятные катастрофические последствия дела Блума, и он искал поддержку против Си со стороны его соперника, шефа Зимнего управления. Сэр Стюарт наверняка обрадуется возможности возложить ответственность на Си — существование Блума покажет невиновность Зимнего управления в недавнем фиаско с Джугашвили в Испании.

Сэр Стюарт заговорщицки подался вперед.

— Между нами, мальчиками, да? Я утверждаю, что живые превосходят призраков, когда дело касается искусства любви. Саймондс же твердит, что эфирные удовольствия гораздо изысканней, чем грубая плоть. Мы решили заключить пари и записать об этом в клубной книге. Но есть проблема — нужен третий, кто мог бы разрешить спор. И тут вошли вы, сэр, прямо с золотых полей Страны вечного лета!

Появился бармен и поставил перед Рэйчел мартини с соломинкой. Она как-то умудрилась сделать глоток через щель для рта, ничего не расплескав.

— Что ж, господа, — сказала она, — в этом деле у меня мало опыта.

Сэр Стюарт поднял брови.

— Серьезно?

— Я скончался слишком юным, все еще невинным.

— Боже мой! — воскликнул сэр Стюарт, хлопнув по колену. — Какая трагедия! Какая жалость! Тогда я немедленно отведу вас в «Золотой телец». И вы сумеете разрешить наш спор. Из очень приятного положения. Что скажете?

И этим людям она служила всю жизнь? Это лучшие люди из Секретной службы?

— Ваша щедрость не знает границ, — быстро ответила Рэйчел, — но я обручен.

— Еще больше причин попробовать, прежде чем супружеская постель отнимет у вас эти удовольствия.

— Не дразните бедняжку. К тому же ничто не мешает ему завести любовницу. За молодость и невинность! — провозгласил Саймондс, поднимая бокал.

— Поддерживаю!

Рэйчел поежилась внутри панциря. Пустая трата времени. Ее охватило желание сбросить шлем, но не стоило впутывать в дело сэра Стюарта.

— Раз вы, господа, такие прославленные эксперты и в супружеских, и в любовных делах…

— А еще и в военных! — вставил Саймондс.

Прежде чем ответить, Рэйчел пришлось по-

дождать, пока уляжется буйное веселье сэра Стюарта.

— Что касается супружеской стратегии, то мне бы не помешали ваши советы.

— Спрашивайте, мальчик мой! — сказал сэр Стюарт.

— Это весьма деликатный вопрос, — продолжила Рэйчел. — Может, мистер Саймондс ответит на него приватно, раз наши обстоятельства похожи?

Сэр Стюарт хлопнул себя по колену.

— Долг зовет, Саймондс!

— Как и природа, — ответил тот. — Давайте пройдем в комнату для джентльменов, там мы мигом решим вашу проблему.

* * *

К туалету пришлось спускаться по длинной спиральной лестнице, и под конец Рэйчел пыхтела, как паровоз. Она отвернулась, когда глава отдела контрразведки Летнего управления опустошил мочевой пузырь своего медиума в фарфоровый писсуар в форме раковины. Жидкость журчала, как фонтан в Риджентс-парке.

— Так в чем же дело? — спросил Саймондс, моя руки. — Все обычно идет гладко, если как следует

ее подготовить… Что за черт?!

Он увидел в зеркале лицо Рэйчел и подскочил, забрызгав пах водой — Рэйчел сняла маску. Выглядела она как пугало — волосы прилипли ко лбу, а на щеках, где к ним прижимались края маски, проступили красные пятна. Но невозможно было не узнать в ней женщину.

— Что происходит? — взревел Саймондс. — Вы же женщина!

Он схватился за край раковины, чтобы восстановить равновесие, и повозился с настройкой короны призрака. Он был так взбудоражен, что возникли проблемы с управлением медиумом.

— Да, сэр. — Я Рэйчел Уайт. Раньше работала у Джаспера Харкера в контрразведке.

— Боже ты мой. Так вы оказались правы насчет Блума. Какого черта вы сюда пришли?

— Мне нужно с вами поговорить, сэр. И это был единственный способ добраться до вас вовремя.

Саймондс перевел дыхание и помассировал виски.

— Наверное, мы с Блумом в свое время поступили бы так же, — пробормотал он. — Я все еще не могу в это поверить. Я знал его почти десять лет, и все это время… Подумать только… — Он покачал головой. — Да, я что-то подозревал. Я

надавил на него, и он бы выболтал, что не так, как бывало и раньше. Но я никогда в это не верил. Вы позволили ему сбежать, миссис Уайт. Боюсь, нам обоим снимут головы. Я пришел сюда в надежде заставить сэра Стюарта признаться, что Зимнее управление знало про Блума и ничего не предприняло, но он слишком пьян, так что это ни к чему не привело. А может, он думает только о том, как бы снять с себя вину за провал операции с Джугашвили. Подозреваю, что в ближайшую пару лет мне придется вернуться в отцовскую компанию по производству супов.

— Нет, если мы возьмем второго крота, — сказала Рэйчел.

— О чем это вы? — потрясенно спросил Саймондс и снова поправил корону призрака.

Рэйчел подождала, пока он придет в себя, и продолжила:

— Блума предупредили. Я кое-кого подозреваю. Есть способ это доказать, но мне нужна ваша помощь.

— Я не могу себе позволить ввязаться в еще одну незаконную операцию, миссис Уайт. Я всячески стараюсь отстраниться и от этой.

— Вам и не придется. Нужно лишь отправить докладную записку людям, которых я вам укажу.

Там будет упомянуто, в каком месте в Испании замечен Джугашвили, но для каждого свое место.

— Предлагаете устроить «ловушку для канареек»?

— Точно.

Если испанские коммунисты устроят что-нибудь в определенном месте, они вычислят крота. И Рэйчел была почти уверена, кто он.

Саймондс помедлил.

— Блум пытался вас завербовать, верно? Вы превратили себя в приманку.

— Да.

— А вы… Вы разобрались, почему он переметнулся?

— Точно не уверена, — ответила Рэйчел, — но подозреваю, что это случилось в Кембридже. Он рассказывал об одном знакомом, который разбился во время ночного восхождения.

Саймондс потер лоб.

— Я должен был это понять, — сказал он. — После того случая он изменился. Какой же я идиот!

— Трудно узнать человека по-настоящему, — сказала Рэйчел. — Я… я недавно это поняла. Но как бы то ни было, не думаю, что все рассказы Блума были лживыми.

Саймондс переступил с ноги на ногу.

— Разослать записки — собственно, это все, что я могу для вас сделать. Никакой оперативной помощи. Об остальном вам придется позаботиться самой.

— Больше я ничего и не прошу.

— Хорошо.

Саймондс вытащил блокнот и перьевую ручку и нацарапал список фамилий, который продиктовала Рэйчел. — И когда разослать записки? — спросил он.

— Сегодня же, если можно. — Рэйчел дала ему эктофонный код Хинтона. — И пришлите мне эктописьмо, когда закончите.

— Посмотрим, что я смогу сделать, — сказал он.

— Спасибо. — Рэйчел вздохнула с облегчением. — И еще кое-что, сэр.

— Что еще?

— Вы не могли бы найти капитана Уайта и сказать, что кое-кто ждет его в туалете?

* * *

Войдя, Джо уставился на Рэйчел. Она прислонилась к стене. Вес панциря и усталость после долгого дня тянули ее к земле. Она старалась стоять прямо, но ноги подкосились. Металл ца-

рапнул по мраморным плитам.

Джо бросился к ней и подхватил.

— Это мой старый панцирь? — спросил он, вытаращив глаза. — Бог ты мой!

— Это был единственный способ сюда пробраться. Ты сердишься?

— Какого черта, Рэйчел? — выдохнул он. — Ты хоть представляешь, насколько нелепо выглядишь?

— Могу поспорить, далеко не так нелепо, как себя чувствую.

— Я же говорил, Рэйчел. Тебе лучше держаться от меня подальше.

Она вздохнула.

— Я пришла сюда не ради тебя. Думаю, есть еще один крот, и мистер Саймондс поможет мне его схватить. Но я рада, что ты здесь.

— О чем это ты? Что происходит?

— Джо, я… Я совершила так много ошибок. Нужно было рассказать тебе все с самого начала. Меня перевели в финансовый отдел, но на самом деле я гонялась за кротом, неофициально. Он из Иберийского отдела, вот почему я так разозлилась, когда ты сказал, что едешь в Испанию. Я знала, что это небезопасно. Если все пойдет не так, и… Наверное, я уйду со службы. Или меня

заставят уйти.

— Это ужасно, Рэйчел.

Она засмеялась.

— А знаешь, мне так не кажется.

Джо схватил ее за руку в перчатке.

— Может, отвезешь меня домой? — попросила Рэйчел. — Нам нужно о многом поговорить. Я все тебе расскажу. И мне срочно нужно в туалет.

* * *

Вернувшись на Сент-Джонс-Вуд, Рэйчел позвонила Джоан и Хелен и поделилась с ними своим планом. Услышав, что есть еще шанс нанести Советам ответный удар, они поклялись сделать все, что в их силах. Рэйчел попросила Гертруду приготовить кофе — ночь предстояла долгая.

После этого осталось только ждать звонка Саймондса. Джо и Рэйчел сели у газового камина. Она надела пеньюар, наслаждаясь шелком на коже после показавшегося бесконечным заключения в панцире.

— Я была несправедлива к тебе в ресторане, — сказала она, глядя на огонь. — Я попросила рассказать мне правду о том, что с тобой случилось, и ты рассказал. Прости, что я разозлилась.

— Понимаю. Ты не знала, что я из себя пред-

ставляю.

— Я знаю, кто ты, Джо. И тебе не надо притворяться кем-то другим.

— Я видел, как менялось выражение твоего лица, когда ты поняла, когда…

— Посмотри на меня, — сказала Рэйчел. — Я переспала с Роджером Холлисом.

Лицо Джо перекосилось, как у регбиста перед рывком.

— Рэйчел, — прошептал он.

— Я должна была сделать что-то, чтобы почувствовать себя виноватой, скрыть мысли от Блума. — Она поняла, насколько безумно это звучит. — Я сделала это без размышлений и колебаний. Неделю назад я поцеловала русского перебежчика, чтобы скрыть его лицо от прессы. А еще меня чуть не застрелили. Я выкрала документы из картотеки, чтобы завоевать доверие Блума. Теперь они у Советов. Ты не имел на войне выбора, Джо, но у меня выбор был, и я все это сделала. Разве я не хуже тебя? Я размышляла о тех твоих словах, что ты не можешь жить без войны. Так вот, Советы для меня — это как твоя война, и даже еще до ребенка. Речь не о том, чтобы бороться с русскими или раскрыть заговор. Мне хотелось доказать, что я не хуже других. Но

знаешь что? В конце концов оказалось, что я не бросаю это дело не из-за своего провала и не из чувства долга, а чтобы спасти тебя. А после этого для меня все закончится.

— Рэйчел…

— Не говори ничего. Я просто хочу, чтобы ты остался здесь на ночь перед отъездом. И вернулся живым.

Джо встал перед ней на колени, взял ее руку и поцеловал. Рэйчел наклонилась и прижалась лбом к его лбу. Ей хотелось передать мысли в его мозг, как делают призраки в эфире.

Возможно, она уже это сделала.

— А ты знаешь, что в клуб «Альба» не впустили даже королеву? — наконец заговорил Джо.

— А ты предпочел бы, чтобы на моем месте оказалась королева?

— Нет, — улыбнулся Джо.

— Вот как, капитан Уайт. Как это непатриотично.

В его зеленых глазах замерцали золотистые искорки.

Рэйчел поднесла его руку к груди и поцеловала его.

И тут затрещал эктофон.

— Вот черт, — пробормотала Рэйчел и включи-

ла аппарат.

Роторы завертелись и выдали надпись: «Готово».

— Прости, Джо. Мне нужно идти. Это в последний раз, обещаю.

— Нет, — сказал Джо. — Что бы это ни было, я иду с тобой.

22. Ловушка для канареек, 6 декабря 1938 года

По брезентовому верху машины барабанил мягкий дождь. Рэйчел с мужем сидели внутри, дожидаясь, когда Роджер Холлис сделает закладку. Сердце Рэйчел сжимали тиски нервного предвкушения.

Некрополь Метрополитен в Примроуз-хилл был огромной стоэтажной пирамидой, где лежали почти пять миллионов покойников. Роджер только что скрылся в ее чреве. Они припарковали машину на склоне огромного вертикального кладбища, у главных ворот. Хелен и Джоан мокли снаружи, сторожа другие выходы.

В воротах появился силуэт Роджера — высокая, долговязая фигура под зонтиком. Рэйчел слышала его кашель даже на фоне жужжания электромотора и шепота дождя.

Они вели Роджера от его квартиры. Он вернулся из Бленхеймского дворца (работал в ночную смену, когда проще связаться со Страной вечного лета), переоделся и снова вышел с папкой в руках.

Вскоре после того, как он скрылся за углом, в машине открылись двери, и в нее сели Хелен и Джоан. Джоан — рядом с Джо сзади, а Рэйчел уступила водительское место миниатюрной шотландке и передвинулась влево.

— Получилось, — сказала Хелен. — Оставил ее в ячейке камеры хранения. Меня не заметил, я зажигала свечи у могилы какого-то бедняги.

— Спасибо, дамы, — сказала Рэйчел. — Вы понимаете, что мы вот-вот совершим преступление, возможно, государственную измену или что-то вроде этого?

— Он сказал бы так же, — отозвалась Джоан. — Будь он жив, сейчас он бы раскурил трубку и, попыхивая, как сам дьявол во плоти, прочитал бы лекцию о чем-то в таком роде.

— Все лучше, чем сидеть с детишками, — сказала Хелен. — Благослови Господь детей, но мне они поперек горла. Люблю попугать мальцов.

Джо вытаращил глаза. Рэйчел подмигнула ему.

Джоан завела машину, не включая фары, и они медленно покатили вслед за Роджером.

В руке Рэйчел лежал тяжелый электрошокер. Она нажала на кнопку, и между электродами заискрила крохотная электрическая дуга.

— Осторожней с ним, — сказала Хелен. — До-

стался мне от одного американца в Ист-Энде. Производства «Теслы». И недешев, кстати.

— Обещаю, я буду осторожна.

Роджер шел впереди, опустив голову. На улице было пусто.

— Пора, — сказала Рэйчел.

Джоан включила фары и прибавила скорости. Бывший помощник Рэйчел оглянулся и зажмурился от слепящих фар. Джоан вильнула вправо, нажала на тормоза и остановилась рядом с Роджером.

Рэйчел распахнула пассажирскую дверцу, ткнула Роджера электрошокером в живот и нажала на кнопку. Оружие завибрировало, заискрило и потухло, выдав облачко едкого дыма. Короткое замыкание. Она выругалась, но Роджер все-таки рухнул на крышу машины. Джо выскочил и помог Рэйчел затащить его на заднее сиденье.

— Тощий-то какой, — хмыкнул он. — И на том спасибо.

Хелен изучила сломанный шокер и выкинула его на обочину.

— Эти сраные американцы ничего толком сделать не могут, — объявила она.

Они помчались в темно-синюю лондонскую ночь, поднимая волны из свежих луж.

* * *

— Ты!

— Привет, Роджер.

Они были одни в маленькой и пустой комнате конспиративной квартиры Макса в Ист-Энде — Хелен присматривала за несколькими его квартирами. На стенах — драные обои, и время от времени все дрожало от проезжающей электрички. Джоан сидела в машине, а Хелен стерегла коридор. Поначалу Джо настаивал, что останется, но Рэйчел уговорила его присмотреть за задним двором и отдала эктофон, чтобы при необходимости вызвал подмогу.

Привязывать Роджера к стулу было бы слишком театрально, и потому Рэйчел пристегнула его наручниками к кровати. К его лбу прилипли спутанные кудри.

— Рэйчел, ты что, совсем свихнулась? Выпусти меня немедленно, и мы придумаем, как…

— Ох, прекрати, — прервала его Рэйчел. — Я все знаю.

Роджер стряхнул с глаз мокрые волосы. Наручники звякнули о металлический остов кровати.

— Рэйчел. Мы еще можем все уладить. Объясним про твоего ребенка, и все поверят, что у тебя

истерика из-за потери…

— Ты лучше скажи, откуда ты это знаешь.

— Кэтлин заметила признаки и сообщила. А когда… ничего не произошло, я сложил два и два.

— Ты же ведешь досье на сослуживцев, верно? Именно об этом просил меня Блум. Чтобы иметь рычаги. Весьма полезно.

— И что ты будешь делать с этими безумными выдумками? Какие у тебя доказательства?

— Доказательства скоро появятся, как только твой куратор заберет закладку.

Роджер поморщился.

— А если я просто отдавал дань уважения покойным родственникам?

— Кто в наши дни ходит на кладбище?

— Очень слабо, Рэйчел.

— Вовсе нет, когда НКВД пошлет отряд убийц в то место в Мадриде, которое было указано в записке, полученной тобой сегодня ночью.

— Если это «ловушка для канареек», Рэйчел, то почему бы не подождать исхода?

Рэйчел сделала глубокий вдох.

— Потому что я хочу заключить с тобой сделку. Ты сдаешь мне своих кураторов, и сообщение из камеры хранения исчезнет, и тогда ничто не связывает тебя с ним. Ты уходишь в отставку,

берешь на себя провал с Джугашвили и отправляешься обратно на Восток или хоть к черту на рога, мне плевать. Вот что я думаю. Тебя готовили на замену Блуму, после того как его раскрыли из-за Кулагина. Макс рассказывал про тактику жертвоприношения — когда одного агента вот-вот раскроют, то пусть его схватит другой и заслужит повышение. Но что-то пошло не так. Как я догадываюсь, это связано с содержанием досье «Камлана». Блум вдруг стал слишком ценен, чтобы им пожертвовать. И потому ты предупредил его и помог сбежать.

— Рэйчел, с тем же успехом можно назвать вторым кротом и тебя. Вообще-то даже проще. Блум тебя завербовал, ты должна была его сменить и не сумела взять. Что об этом подумает Ноэль Саймондс?

— Знакомая песня. Ни в чем не признавайся, все отрицай, выдвигай встречные обвинения. Я много раз слышала то же самое в Ирландии, с другим акцентом, конечно же.

Рэйчел скрестила руки на груди.

— А как тебе такое, Роджер? Мы подсовываем НКВД дезу о том, что ты двойной агент. Они не обнаружат Джугашвили на той явке, о которой ты сообщил, так что поверят. Мы берем тебя, на-

ходим какое-нибудь милое местечко для допроса, может, даже «Лэнгэм». Ты в курсе, как поступил Кулагин? Вышиб себе мозги, потому что знал — за ним придут и сделают что-нибудь похуже.

— Господи, Рэйчел. — Роджер закрыл глаза. — Чего ты хочешь?

— Помнишь, что ты мне однажды сказал? Я хочу тебя защитить. Что случилось с Блумом? Где его кураторы? Отдай мне их, и я спущу все на тормозах.

— На двух условиях, — слабо улыбнулся Роджер.

— Говори.

— Я хочу, чтобы все это было в письменном виде и подписано Саймондсом. И ты лично приготовишь мне чай.

* * *

Через полчаса, после звонка Саймондсу, свободной от наручников рукой Роджер держал чашку с крепким черным чаем единственного сорта, который Хелен хранила на конспиративной квартире.

— Мне дали указания обеспечить Блуму побег, — медленно начал он, — и потому я попросил Кэтлин позвонить ему и предупредить. — Он

вздохнул. — Не знаю почему, но мне приказали уйти с дороги. Кураторов двое. Не знаю точно, откуда они, возможно из Голландии. Отто и Нора. Странные ребята. И непостоянные, особенно женщина. Они завербовали меня после того, как переметнулся Кулагин. Они работают на какого-то Шпигельгласа, он выше по званию и явно охотится на ведьм среди своих же. Как я понял, Кулагин подрастерял веру в их дело, и они решили избавиться от агентов, которых он мог этим заразить. Вот почему решили пожертвовать Блумом. Но, конечно, все вышло боком. Я не в курсе всего плана эвакуации, но Блум явно не мог скрыться в Стране вечного лета — Летнее управление обнаружило бы его лусит во время мысленных путешествий. А русским нужно специальное оборудование, чтобы отправить его к Вечно Живому, так что он наверняка где-то залег. Я помог Отто и Норе обзавестись специальным местом, где можно кого-нибудь спрятать. Если Блум еще в стране, именно там они его и держат — в теле бедолаги-медиума, как сардину в консервной банке. В любом случае ты найдешь там что-нибудь интересное.

— Криминальная клиника? — спросила Рэйчел.

В Белфасте было несколько таких. С открытием Страны вечного лета преступникам стало трудно убивать без последствий, и криминальный мир научился заставлять людей исчезать, не убивая их. Возникли криминальные клиники, где еще живых жертв годами держали в коматозном состоянии — живых, но не вполне, с запертыми в телах душами.

— Что-то вроде того, — поморщился Роджер. — Надеюсь, ты не боишься темноты, Рэйчел.

23. Криминальная клиника, 6 декабря 1938 года

Уже почти рассвело, когда Рэйчел Уайт и ее маленький эскадрон вломились на заброшенную станцию метро в Бромтон-плейс.

Джоан, как выяснилось, прекрасно управлялась с ножовкой и быстро поработала с замком на железной решетке, закрывающей вход, а остальные стояли на стреме. Улица была пуста, небо слегка окрасилось оранжевым.

Скрежет ножовки отдавался у Рэйчел в зубах, и она вздохнула с облегчением, когда замок с клацаньем свалился на землю. С таким же успехом он мог упасть ей в желудок — во рту уже давно стоял металлический привкус страха.

Они подготовились, как могли. Хелен на полчаса исчезла и вернулась с оружием и всем необходимым — фонариками, маленьким автоматическим пистолетом с настоящими пулями для Рэйчел и старой, но надежной охотничьей винтовкой для Джо. Джоан отказалась от оружия, и Рэйчел снабдила ее эктофоном и несколькими номерами на крайний случай.

Роджер нарисовал на карте города предполагаемое местонахождение бункера с медиумом. Он также выдал еще кое-какие крохи информации, включая комбинацию для кодового замка на двери бункера, находящегося во вспомогательном туннеле, куда можно было попасть из заброшенной станции метро.

Хелен осталась с Роджером, по-прежнему сидящим в наручниках, с указаниями доставить его в Вормвуд-скрабс, если через два часа не услышит новостей от остальных. Рэйчел подумывала вызвать подкрепление, но решила, что это не вариант. Стоит привести в Управление Роджера, и это вызовет такие внутренние конвульсии, которые продлятся несколько дней.

Джо оттянул решетку, и они вошли. Фонарики высветили стены и потолки с деревянными панелями и полки, забитые пожелтевшими истрепанными буклетами и разбитыми лампочками. Джо поднял винтовку, Рэйчел шла сразу за ним, с фонариком и пистолетом.

На платформе стоял ледяной холод. В снопе света показалась выцветшая реклама какао и знакомый символ метро на желто-зеленой мозаичной стене. Они спустились на платформу и углубились в темноту туннеля. Во все стороны

прыснули крысы, испугавшись света. Ноздри наполнил запах сырости и плесени. Пол туннеля был неровным, и Рэйчел представила, как по ржавым рельсам вдруг начинает с гулом бежать ток и прямо на них несется призрачный поезд.

Впереди вспыхнул свет, а рельсы задрожали под колесами поезда. Рэйчел схватила Джо за руку. И тут они заметили проблеск хорошо освещенного туннеля, идущего перпендикулярно к линии Бромтон, мелькнул проезжающий мимо поезд.

— Это линия Пикадилли, — сказала Джоан, но в тусклом свете стало заметно, что ее тоже трясет.

Чуть дальше они обнаружили вход во вспомогательный туннель. Рэйчел держала фонарик, а Джоан несколькими ударами фомки снесла замок. Тяжелая металлическая дверь распахнулась вовнутрь, и показалась узкая лестница, ведущая вниз. Они молча пошли гуськом — Джо впереди. Перестук колес поезда стал совсем далеким.

— Взгляните на это, — сказал Джо, указывая на стену, куда упал луч фонаря Рэйчел. На зеленоватых плитках мерцали медные провода, сплетенные в аккуратную сетку.

— Провода клетки Фарадея. Это не просто вспомогательный туннель.

— Бункер где-то рядом, — сказала Рэйчел.

Она попросила Джоан проверить эктофон, но в нем слышались только шумы.

Лестница закончилась у еще одной толстой двери с кодовым замком. Рэйчел сверилась с заметками Роджера и повернула диск набора. Замок с щелчком открылся. За дверью их встретил слабый запах дезинфекции.

Они очутились на балконе, выходящем в большое, похожее на пещеру помещение высотой этажа в три или более, с тусклыми флуоресцентными лампами на сводчатом потолке.

Все было заставлено аккуратными рядами больничных коек, на них лежали люди, по меньшей мере сотня, никто не двигался. У каждой кровати стояла сложная аппаратура и капельница. Место напоминало зловещий подземный лес грибов на тонких ножках, с прозрачными, наполненными жидкостью шляпками, растущими на неподвижных людях.

— Мать честная, — пробормотал Джо.

— Добро пожаловать в лондонскую криминальную клинику, — сказала Рэйчел. — Джоан. — Рэйчел взяла ее под руку. — Похоже, Роджер хоть раз сказал правду. Вернись и вызови спецгруппу. Приведи их сюда, хоть волоком тащи, если пона-

добится. А мы узнаем, здесь ли Блум.

Миниатюрная шотландка беззвучно кивнула и скрылась в туннеле.

Металлические лестницы справа и слева вели вниз, к полированному белому полу. Рэйчел спустилась, а Джо держал зал под прицелом.

Она оглядела лежащих на койках под бледным зеленоватым освещением ламп. Там были мужчины и женщины всех возрастов. У большинства мужчин отросли бороды, некоторые пациенты находились здесь явно дольше остальных. У некоторых были пролежни — запах разложения сшибал с ног. Булькали и шелестели капельницы. Некоторые пациенты были в коронах необычной конструкции, полностью закрывающих головы, толстые медные кабели вели к стоящим рядом аппаратам.

Запертые в ловушку призраки, поняла Рэйчел. Здесь томились в коматозном заключении не только живые, но и призраки. Вот где кураторы Блума спрятали его в ожидании перемещения в Советский Союз. Конечно, призрак не может долго находиться в теле медиума, чья душа и плоть со временем начнут отвергать гостя, если только обоих не погрузить в кому.

— Нужно выбираться отсюда, Рэйчел, — произ-

нес Джо. — Мне это совсем не нравится.

— Мне тоже, — ответила Рэйчел. — Но если Блум здесь, я хочу найти его раньше Советов.

Она мрачно изучала ряды лиц. Кто они? Жертвы преступлений, помеха операциям Советов или и то, и другое? Она смутно припомнила одно лицо — привлекательного молодого человека, который как-то раз приходил на прием к Харрисам. В любом случае, невозможно вычислить, в каком теле находится Блум.

Потом она заметила прикрепленный к каждой койке лист с температурой тела и датами, как в настоящей больнице.

— Джо, — позвала она. — Ищи людей со вчерашними датами.

Джо кивнул, и они пошли между койками, изучая написанные карандашом цифры. Некоторые пациенты находились здесь многие месяцы.

— Есть, — сообщил Джо.

Он показал на мужчину среднего возраста с одутловатым лицом, спутанными волосами и седой щетиной. Его тощие ноги торчали из-под белой простыни. На голове жужжала похожая на птичью клетку корона призрака.

— Давай попробуем его пробудить, — предложила Рэйчел.

Она осторожно вытащила из его вены катетер капельницы и пошарила на полке у кровати. Наверняка возникают ситуации, когда медсестрам криминальной клиники нужно срочно пробудить жертв. Она нашла шприц и ампулу дипренорфина, опиоидного антагониста.

— Внимание, — предупредила она Джо.

Он сделал шаг назад и прицелился в лежащего человека. Рэйчел выпустила содержимое шприца в раздувшуюся синюю вену пациента в короне.

Тот дернулся, как марионетка, и Рэйчел выронила шприц. Его глаза распахнулись и закатились, лицо скривилось. Он глухо застонал, схватился за корону на голове и затряс ее.

Рэйчел выругалась.

— Помоги мне его удержать, — сказала она, схватив мужчину за руку.

Джо прислонил винтовку к кровати и взялся за вторую руку. Они держали мужчину, пока тот бился в конвульсиях.

— Вы меня слышите? — сказала Рэйчел. — Как вас зовут?

— Рэйчел? — хрипло произнес мужчина.

Голос принадлежал Блуму.

* * *

Перед глазами Питера Блума промелькнули события предыдущего дня.

После его побега Отто и Нора допросили его в подземной больнице. Было холодно, временное тело медиума находилось в плохом состоянии, а громоздкая корона призрака была ужасно неудобной. Лишь уверенность в том, что он приближается к финалу, позволила все это вытерпеть.

Интенсивный допрос со стороны кураторов показался ему несколько странным, учитывая, что Питер должен был влиться в Вечно Живого, как только ему устроят встречу с нелегалом вроде Шпигельгласа, имеющим необходимое оборудование. Конечно, до того могло многое случиться, имело смысл убедиться в надежности разведданных, которые он принес. И все-таки то, как Нора вытаскивала из него все мельчайшие детали, выглядело чрезмерным.

Они выпили за успех темного голландского пива, и Отто на короткое время выключил корону призрака, чтобы Питер передал снимки Целльнера со страницами письма Уэста и ключом к шифру досье «Камлан» на эфирные фотопласти-

ны, прежде чем они сотрутся из памяти. Питер понял, что они находятся в клетке Фарадея — она искривляла эфир и не позволяла проникнуть внутрь призракам из Страны вечного лета, как гигантская корона.

Во время малоприятного процесса передачи воспоминаний — как будто вытаскивают из кожи осколки стекла — Питер не мог удержаться, чтобы не взглянуть на искры душ кураторов. Прежде он встречал обоих, только находясь во плоти. Как он и ожидал, душа Отто была сдержанно-серой, строгим прямоугольником. Но мыслеформы Норы полыхали эмоциями — желтые искры под веером алых и синих лепестков.

Она вдруг напомнила о Рэйчел Уайт. Как и Рэйчел, Нора явно пыталась скрыть что-то от Питера.

Это свербело у него в голове, когда он вернулся в тело медиума. В глазах Норы при взгляде на Питера таился странный голод. И все же она заговорила мягче, чем когда вытаскивала из него все детали предшествующих побегу событий и тщательно записывала. Через некоторое время Отто покинул их, чтобы расшифровать досье «Камлан», которое забрали из ячейки камеры хранения, куда положила его Рэйчел.

Еще через два часа все наконец было готово, и они немного посидели молча. Питер вспомнил, как был здесь в прошлый раз, когда Нора приставила к его затылку зубило. И тут в его голове зазвенели слова Шпигельгласа. «Она создает скульптуры, которые показывают на выставке в Роттердаме». Это о чем-то ему напомнило.

— Так ты из Роттердама? — спросил он.

Нора смахнула со лба светлую завитушку.

— То еще местечко. Я еду туда, куда пошлет меня Вечно Живой. Завидую тебе, Феликс. Хотя теперь, наверное, я могу называть тебя Питером? Ты скоро станешь его частью. — Она улыбнулась, облизнула губы и наклонилась вперед. — Хочешь забрать с собой память обо мне?

— Но Отто…

— Отто поймет.

Она подошла к Питеру, наклонилась перед ним и провела руками по его бедрам. От прикосновения по нему словно пробежал ток.

— Только… только я кое-чего не понимаю, — сказал Питер. — Кто предупредил Джугашвили? Ведь никто, кроме членов спецкомитета, не знал об операции.

— Ты что, еще на работе? — спросила Нора. — Я думала, мы закончили с работой.

Она взяла Питера за руку и медленно облизала его указательный палец.

Она хочет меня отвлечь, догадался Питер, вдыхая запах цветочных духов. Что там насчет Роттердама?

И тут зеленая шторка раздвинулась, и появился Отто со стопкой отпечатанных на машинке листов. Он увидел Нору перед Питером, но выражение его лица не изменилось.

— Это правда, — произнес он еле слышно. — Отбраковщики. Все правда.

Нора вытаращила голубые глаза. Потом встала и улыбнулась, на румяных щеках появились ямочки, как у пупса. — Вот и чудесно, — сказала она, подошла к Отто и страстно его поцеловала.

И Питер увидел, какие эмоции она скрывала — радость, чистую, незамутненную радость. И тогда в памяти вспыли фрагменты встречи спецкомитета. За последнее десятилетие Джугашвили создал по всей Европе сеть агентов и контрреволюционных ячеек, в особенности в Париже, Праге и Роттердаме…

Питер уставился на кураторов и попытался встать. Прокатное тело было чудовищно слабым.

— Давай я принесу тебе еще выпить, Питер, — сказала Нора. — Ты это заслужил.

Питер схватился за корону, намереваясь ее сорвать, но потом вспомнил про клетку Фарадея. Он с трудом поднялся.

— Вечно Живой не позволит вам… — прохрипел он.

— Вечно Живого скоро не будет, — прервала его Нора. — Чтобы пробудить Отбраковщиков, нам нужно лишь развязать войну в Испании. Ох, Питер. Это могло бы быть куда приятнее.

В ее руках оказался пульт управления.

Питер бросился на них, ощутил резкую боль в груди, и свет померк.

* * *

— Стой спокойно, приятель, — бросил Джо, схватил винтовку и приставил ее к груди Блума.

— Все в порядке, Джо, — сказала Рэйчел. — Питер. Все кончено. Мы тебя забираем. И ты ответишь за все.

Блум судорожно вдохнул.

— Ты не понимаешь. Меня предали.

— Что это значит?

— Кураторы. Отто и Нора. Они двойные агенты. Работают на Джугашвили.

— Сталинисты?

Рэйчел вытаращилась на лицо Блума, накры-

тое клеткой.

В Секретной службе давно поговаривали о том, что среди советских нелегалов старшего звена, работающих в других странах по фальшивым документам, есть сторонники Джугашвили. Теперь, когда она об этом задумалась, стало ясно, что одним из них мог быть и Кулагин.

— После того как Джордж… Кулагин переметнулся, им велели взять на себя его сеть и по возможности ее расширить. А вместо этого они использовали ее, чтобы поддержать сталинистов. Использовали меня, чтобы добыть досье «Камлана». — Дыхание Блума стало хриплым. — Что ты со мной сделала?

— Нужно было тебя пробудить. Через минуту пройдет. Говори дальше.

— Рэйчел, ты должна кое-что знать. То, что я хотел передать Вечно Живому. «Камлан» — это исследовательский проект, в котором выяснилось, куда пропали Старые мертвые. Как только в Стране вечного лета накапливается достаточно душ, из ката поднимаются некие Отбраковщики и пожирают всех. Любая крупная война может послужить спусковым крючком для их пробуждения. К этому может привести грядущая война в Испании. Я видел доказательства. Все в том досье.

Уэст дал мне ключ.

— Сталинисты не хотят, чтобы Вечно Живой узнал об Отбраковщиках. Если те поглотят и его, сталинисты победят. Когда меня эвакуировали, предполагалось, что я пройду Процедуру Термена, сольюсь с Вечно Живым, но они не могли такого допустить. Тогда он бы узнал все, что знаю я. Может, ты и не согласна с идеями Вечно Живого, но он лучше, чем полное забвение, которое несут Отбраковщики. Вечно Живой — единственная достаточно могущественная сила в Стране вечного лета, которая может их остановить. У Старых мертвых не было ничего подобного. Прошу тебя. Ты должна мне поверить.

Тощей, как у скелета, ладонью он схватил Рэйчел за рукав.

— Убери лапы от моей жены.

Джо оттолкнул Питера стволом винтовки.

— Ничего страшного, Джо, я с ним справлюсь. — Рэйчел посмотрела на Блума. Его лицо перекосилось, в пустых глазах медиума выступили слезы. — Ты убил Макса Шевалье, — тихо сказала Рэйчел. — Он полностью угас.

— Я сожалею. Я был в отчаянии. Он бы меня не выпустил. — Он обхватил себя руками, его зубы клацнули. — Я никогда тебе не врал, Рэйчел. По

крайней мере, о важном. Все, что я делал, я делал ради чего-то большего. Доказательства — в досье «Камлана». Ты знаешь, что не можешь рассказать Управлению. Ты можешь обратиться к газетчикам, но возрожденцы постараются замолчать эту историю, и лучший вариант…

У Рэйчел гудела голова. Усталость, бессонная ночь и все это безумие навалились на нее и душили, как панцирь призрака. Она посмотрела Блуму в лицо, вспомнив, как он взял ее за руку тем вечером в «Синем псе». Но вспомнила и угасающий голос Макса.

И все же…

Почти два десятилетия она работала в комнатушках Секретной службы рядом с сердитыми, отчаянными людьми, готовыми сказать что угодно ради своей свободы и ради товарищей. Она знала, как звучит ложь, и нутром чуяла, что Блум не врет.

Но с его словами было трудно смириться.

Она вытащила из сумочки наручники.

— Довольно, Питер. Мы едем в Вормвуд-скрабс, и ты все расскажешь мне там. Теперь тебе не поможет даже отец.

— Нет, ты не понимаешь, он-то и хотел, чтобы эта информация просочилась. Если в Испании

начнется война, в любой момент появятся Отбраковщики, и все в Стране вечного лета в опасности, твоя мать…

— Я сказала — довольно!

— Рэйчел, прошу тебя…

— Она сказала — довольно.

Джо ткнул Блума в солнечное сплетение прикладом винтовки. Тот закашлялся и упал.

С мягким щелчком переключателя люминесцентные лампы на потолке вспыхнули и зажглись на полную мощь. Палата превратилась в белое поле простыней и истощенных тел.

На отполированном полу прозвенели шаги. В зал вбежали несколько человек в шерстяных костюмах и фетровых кепках, с револьверами, дубинками и дробовиками в руках. На мгновение Рэйчел решила, что это спецгруппа, но нет — двое тащили Джоан. Рэйчел подняла пистолет, а Джо вскинул винтовку к плечу. Вновь прибывшие тут же остановились и взяли их на прицел.

Страх острым стеклом впивался Рэйчел в грудь.

Из-за спин суровых мужчин в черном вышла улыбающаяся пышная блондинка с кудряшками, как у херувимчика.

— Давайте опустим оружие, господа, — сказала

она с легким иностранным акцентом. — Это все-таки больница.

Рэйчел встретилась с ней взглядом. Видимо, это Нора.

— Подкрепление уже в пути! — громко объявила Рэйчел. — Бросьте оружие.

Слова отразились эхом от сводчатого потолка.

— Серьезно? А я думаю, мы закончим до его прибытия. Если вы опустите оружие, вас могут найти еще живыми.

— У нас обоих есть Билеты. Мы не боимся.

Она сняла пистолет с предохранителя. В ответ на звук громила слева тут же прицелился в нее. Хват обеими руками, ноги расставлены — явно снайпер.

Джо сразу направил винтовку в его сторону. Почти в унисон щелкнули еще пять предохранителей.

— Эта комната — клетка Фарадея, — тонким голоском сказал один из суровых мужчин, вероятно Отто. — Ваши призраки будут заперты здесь, единственный выход для них — тела, которые мы предоставим. Но зачем все эти неудобства? Мы на одной стороне, миссис Уайт. А это, надо полагать, капитан Уайт?

Джо хмыкнул. На его лбу блестели капельки

пота.

— Да, это капитан Уайт из Сто восемьдесят седьмого полка эфирной кавалерии, и он целится вам промеж глаз, сэр, — отозвался Джо. — И хотя я джентльмен, но без зазрения совести пристрелю и вашу подружку.

— Кем бы вы ни были, у вас странное представление о сторонах, — сказала Рэйчел, стараясь придать голосу твердость. — Если вы сдадитесь и пойдете на сотрудничество, с вами будут обращаться хорошо, и вы получите компенсацию за свои сведения. Это лучшее, что вам могут предложить.

— Миссис Уайт, ваше правительство вот-вот начнет войну в Испании. Помешать этому может только Иосиф Джугашвили, — ответил Отто. — НКВД охотится на наших товарищей по всей Европе, как на животных. Мы хотим лишь мира и положить конец мерзости под названием Вечно Живой, который поглотил миллионы душ. Мы благодарны вам за то, что снабдили оружием против него. Вы измените мир, миссис Уайт. Просто заберите Блума и закройте ему рот. Представьте, если смерть опять будет кое-что значить, миссис Уайт. Представьте мир, где войну стоит бояться, где люди заботятся о своем здоровье и процвета-

нии, где все стараются сделать как можно больше в отведенный срок. Где снова возникнет смена поколений вместо вечного правления закостеневших королей и тиранов. Где все поймут, что такое настоящая потеря, как когда-то поняли вы.

Рэйчел сделала глубокий вдох. Кровь стучала в висках.

— Мы вместе построим новый мир, миссис Уайт, а иначе вы старались зазря.

Блум проговорил едва слышным шепотом:

— Они лгут. Они постараются, чтобы Вечно Живой не узнал про Отбраковщиков. Не сдавайтесь. Представьте вашего Эдмунда-Энджело. В каком мире ему лучше было бы расти?

Джо покосился на Рэйчел. В его глазах стоял вопрос.

Сердце Рэйчел стало биться медленнее, каждый удар отдавался в груди церковным колоколом. Мир со смертью или без нее?

Это не ей решать. С нее довольно империй, грез и мелких людишек, стоящих за ними. Блум прав. Они с Джо могут оказаться на койках криминальной клиники.

Она посмотрела на Джо. И вдруг поняла, что есть один безумный выход. Может ли она попросить у него такое? Он поймал ее взгляд и на

мгновение закрыл глаза, соглашаясь.

Рэйчел поняла, что он уже все решил.

— Вы сделали интересное предложение, — выкрикнула Рэйчел. — Мы его обдумаем. Почему бы вам не опустить оружие в знак добрых намерений?

Не глядя в сторону койки, она процедила сквозь зубы:

— Насколько для тебя важна эта миссия, Питер? Чем ты готов пожертвовать, чтобы доставить послание?

— Всем. Даже отдать душу. — Он запнулся. — Твоему мужу.

— Вы заставили нас поволноваться, миссис Уайт, — крикнула Нора. — Но я рада, что мы решим все без насилия…

— Прощай, Питер. И спасибо, — сказала Рэйчел.

И выстрелила Питеру Блуму в голову.

* * *

Во второй раз за последние два дня Питер вырвался из распадающейся электрической сети мозга и оказался в холоде Второго слоя эфира. Но уткнулся в нечто твердое — клетку Фарадея. Он яростно бился в тесном гиперкубе, пока не утих

импульс смерти и не заработало гиперзрение.

Он увидел ощетинившиеся мыслеформы людей Отто и Норы, полные страха и бешенства. И своих лживых кураторов: холодный и расчетливый Отто и цветок злобной радости Норы.

Питера втягивал в себя вращающийся вихрь в том месте, где стоял капитан Уайт. Эктотанк противоположен медиуму, это не душа, которую нужно подавить, а дыра в эфире, перед которой невозможно устоять.

А рядом была Рэйчел. Как всегда, ее душу оказалось прочитать труднее всего. Питеру показалось, что он видит в изгибающихся лепестках прощение, но он не был уверен.

Но все равно что-то близкое к тому, решил он и бросился в пасть бушующего тайфуна — капитана Джо Уайта.

* * *

Сталинисты открыли огонь, и Рэйчел нырнула на пол. По палате раскатился залп, шальные пули с металлическими шлепками входили в лежащих без сознания пациентов. Из простреленных подушек вылетали перья. Рэйчел закатилась под металлическую кровать. Та сотрясалась и звенела от града свинца.

Рэйчел перекатилась дальше и оказалась с другой стороны. Справа, через две кровати, укрылся за тумбой Джо. Рэйчел приподнялась и открыла огонь. Один громила осел на пол, схватившись за горло.

Стрельба не прекращалась. Рэйчел припала к полу и взглянула на Джо. Он сидел неподвижно, с закрытыми глазами. В руке алело пулевое отверстие. Рэйчел беззвучно закричала.

Ничего не вышло. Он слишком слаб. Два стрелка пригнулись за укрытием из кроватей, а двое других шли вперед с дробовиками.

Рэйчел приставила пистолет к раме кровати и яростно выстрелила по приближающимся громилам. Из-за отдачи рука дернулась, и дуло ушло вверх. С потолка посыпались искры.

Грохнул дробовик. Кровать рядом с Джо взорвалась алым фонтаном и рваными простынями. Из мешка капельницы пролился дождь.

Рэйчел установила пистолет на позицию. Стрелки прицеливались. Следующий залп попадет прямо в нее.

— Сволота вонючая! — выкрикнула Джоан и бросилась вперед.

В ее руке что-то сверкнуло. Нож. Она погрузила его в шею мужчины в фетровой кепке. Рэйчел вы-

стрелила в другого, но промахнулась. Простыни под дулом дымились.

Нора выстрелила в Джоан электрическим зарядом. Та упала, дергаясь в конвульсиях.

Стрелки в унисон перезарядили оружие. По полу рассыпались пустые гильзы.

И тут с Джо что-то произошло.

Из его глаз и рта вырвалась белая эктоплазма, поначалу почти невидимая в резком освещении. Она текла по его коже густой молочной пленкой, превратив его в мраморную статую без глаз, без лица.

Сталинисты выстрелили. Рэйчел закричала. Дробь ударила по белой мембране на лице Джо, проступив, словно металлические язвы. Но он не упал.

А поднялся.

Густые, размытые щупальца тянулись из него, словно нити сахарной ваты. Тело превратилось в белый кокон, оно стояло на трех тонких ногах — гигантское нескладное насекомое, подпирающее потолок.

Рэйчел впервые поняла, что эктоплазма не белая, это спутанные нити всех цветов радуги и прочих неизвестных оттенков.

Сталинисты уставились на Джо. На мгновение

оружие умолкло, в палате установилась мертвая тишина. Потом из Джо вылетел пучок тонких волосков-щупалец. Рэйчел отвернулась. Последовали влажные шлепки, звук падающего тела и вскрик. Тяжело дыша, она поползла вперед. Комок эктоплазмы издавал высокий, пронзительный писк.

Нора завороженно смотрела на нового Джо, как малышка, впервые увидевшая бабочку. Она с силой толкнула Отто вперед. Потом развернулась и побежала.

Отто споткнулся и упал. Яростно закричал и потянулся за пистолетом. Джо опустился над ним, как ядовитый паук.

Рэйчел кое-как поднялась и бросилась за Норой. Пол был скользким, что-то теплое, похожее на горячий дождь, брызнуло ей в лицо. Нора уже закрывала за собой дверь. Рэйчел выстрелила наугад. Пуля отрикошетила от металлической двери, и Нора сбежала.

Рэйчел последовала за лязгом ее ног по лестнице. Она не знала, остались ли еще патроны в магазине и вооружена ли Нора.

За ее спиной вопил эктотанк.

Рэйчел остановилась. Вдали затихали шаги Норы. Рэйчел выпустила пистолет, и он упал на

пол. «Я не позволю советскому шпиону снова встать между мной и мужем», — подумала она.

Она вернулась в палату.

Помещение стало похожим на скотобойню. Посередине торчал комок эктоплазмы — раздувшийся порозовевший комар на согнутых под острыми углами ногах.

Рэйчел закрыла нос и рот ладонью и шагнула вперед. Позже ей будет сниться этот кошмар, но сейчас нужно с этим разобраться. Существо дернулось и завыло.

— Я вижу тебя, Джо, — сказала она. — Я тебя знаю. Я не боюсь.

К ней устремилось щупальце. Рэйчел закрыла глаза. Оно мазнуло ее по лицу словно мягкой кистью. Рэйчел пошла дальше. Новые щупальца мягко обвились вокруг нее. Она раскинула руки и позволила себя обнять.

С каждым шагом щупальца таяли, как сладкая вата под дождем, и когда Рэйчел дошла до центра палаты, там был только Джо — сидел на полу, обхватив колени. Он содрогался от беззвучных рыданий.

Рэйчел села рядом и обняла его. Джо прижался лицом к ее плечу, и Рэйчел погладила его по спине.

— Тс-с, — прошептала она. — Все закончилось. Его больше нет. Здесь только мы двое.

Она тихонько укачивала его среди ошметков криминальной клиники, среди мертвецов, умирающих и призраков, пока наконец не прибыла спецгруппа.

* * *

Так вот на что похоже угасание, понял Питер.

Он падал, падал быстрее, чем считал возможным. Он вдохнул всю свою прану в Джо Уайта, пока не осталось ни капли. Мир живых отступал, искры душ превратились в звездное небо над головой.

Стало холодно. И вдруг он уже не мог припомнить, что случилось всего несколько секунд назад. Рэйчел. Нора. Перестрелка.

Он падал и улыбался, хотя и забыл, почему улыбается.

Падал сквозь слои Летнего города, не в силах остановиться, теряя по пути частички себя.

Потом стало темно и тихо. И ему это понравилось. Проще сосредоточиться и подумать. Он по-прежнему двигался, все быстрее и быстрее. Он вспомнил, что движение — это и есть мысль. В Стране вечного лета силой мысли можно ока-

заться где угодно. Он читал об этом в книге, но не помнил в какой.

Если отбросить все ненужное, останется несколько аксиом. Те, которые невозможно доказать. И утверждения вроде парадокса лжеца, которые не могут быть ни правдивыми, ни ложными. Он помнил это из лекции — лжец говорит, что лжет, и за этим скрывается бесконечность математики, змея, пожирающая собственный хвост.

Крохотная точка, когда-то бывшая сознанием Питера Блума, все падала в бесконечность. Он летел целую вечность, а потом увидел под собой океан света, и за ним — звездное небо…

24. Последний танец, 3 января 1939 года

Почти две недели Рэйчел Уайт просидела на стуле в кабинете-камере в Вормвуд-скрабс, пока ее во всех подробностях допрашивали о событиях прошлого месяца — разные люди и с разным уровнем компетентности.

Она не особо следила за новостями, но Джо рассказал, что все заголовки кричали об орудующей в Британии группе сталинистов, а правительство использовало это как аргумент для переговоров в Испании. Однако происшествие в криминальной клинике от прессы утаили.

Никто толком не знал, как поступить с Рэйчел. Харкер разъярился до предынфарктного состояния и хотел немедленно ее уволить. Удивительно, но за нее вступилась мисс Скэплхорн, твердо настаивая, что Рэйчел работает в ее отделе, и, хотя миссис Уайт в нерабочее время занималась сомнительными делами, генералу стоит успокоиться и еще раз подумать. Через некоторое время Харкер сообразил, что, разоблачив связанного с Летним управлением Роджера, Рэйчел вручила

ему дубинку, которой можно тыкать «жмуриков». И наконец ее вызвал Ноэль Саймондс и предложил перейти в Летнее управление и занять пост главы отдела контрразведки, предназначавшийся Роджеру. Она отказалась.

Никто не упоминал о «Камлане».

* * *

В какой-то момент между бесконечными допросами к ней пришел премьер-министр.

Когда он вошел, Рэйчел прихлебывала остывший чай. Уэст был низким и пухлым, с усталым лицом и тонкими седыми усами, но с пронзительно ясными серебристыми глазами. Рэйчел не сразу его узнала, но когда узнала, то встала со стула.

— Сэр.

Уэст махнул рукой.

— Не вставайте, миссис Уайт. К тому же официально меня здесь нет.

От него пахло чем-то сладким, навевающим детские воспоминания о лете.

С видимым усилием Уэст сел на стул перед ней и снял шляпу. Рэйчел приготовилась в очередной раз изложить свою версию событий, которую повторяла уже много дней. Ей хотелось выйти

отсюда и навестить Джо в больнице. Он шел на поправку, но криминальная клиника истощила его эмоционально и физически.

— Я хотел спросить вас о Питере Блуме, миссис Уайт. Полагаю, вы знаете о нашем… родстве. Конечно, если вы упомянете об этом за пределами этой комнаты, я буду все категорически отрицать.

— Разумеется, сэр, — сказала Рэйчел.

— Мне бы очень хотелось узнать, каковы были последние минуты Питера. — Он помолчал. — Не подробности, а… Нашел ли он смысл существования? Вы считаете, он верил в то, что делает?

— На это может ответить только Питер Блум. Но я в это верю.

— Хорошо. Он так долго искал цель, искал истину, лучший мир. Порой я ему завидовал. Я провел жизнь, гоняясь за игрой воображения, включая политику.

Рэйчел промолчала. Чего хочет от нее Уэст?

— Учитывая это, хочу, чтобы вы знали: если вы решите завершить миссию Питера, не считайте это непатриотичным, это, скорее, ваш долг. Или просто услуга умирающему старику.

Уэст положил на стол перед Рэйчел карточку. На ней аккуратным косым почерком был напи-

сан хинтонский адрес.

— Выбор за вами, миссис Уайт. В деле созидания нового мира нет особого прока от неудавшихся отцов. Будущему нужна мать.

С этими словами он надел шляпу и вышел стариковской походкой, закрыв за собой дверь.

* * *

Неделю спустя Рэйчел села за уличный столик французского кафе в Мэрилебоне, рядом с нещадно палящим газовым обогревателем и человеком, который следовал за ней уже целый час.

Он на мгновение загородился газетой. «Конец войны в Испании» — кричали заголовки. «Призрак Ленина предлагает мирные переговоры».

Рэйчел откашлялась. Мужчина аккуратно свернул газету и положил на стол. В его глазах отражалась мировая усталость, на губах играла уверенная, слегка язвительная улыбка. Ему было чуть за сорок, под дорогим костюмом намечалось небольшое брюшко.

— Добрый день, миссис Уайт, — сказал он. — Моя фамилия Шпигельглас.

— Я догадываюсь, кто вы, сэр.

По слухам, Шпигельглас возглавлял так назы-

ваемый мобильный отряд НКВД, уничтожающий сталинистов в европейской сети советских агентов. С ним связывали три исчезновения людей во Франции и Австрии, как и последние события в Испании.

— Хочу вас поблагодарить, — сказал он, глотнув кофе.

Рэйчел откинулась назад и рассматривала прохожих. Кафе находилось на углу, рядом с парком, в воздухе пахло палой листвой и сигаретами.

— Не имею привычки принимать благодарность от агентов НКВД, — ответила Рэйчел.

Он сложил кончики коротких толстых пальцев и подался вперед.

— Согласен, ситуация необычная. Мы понятия не имели о заговоре сталинистов, а я был занят другим. Более того, когда я доложил Вечно Живому о ваших действиях, это вылилось вот во что. — Он похлопал по газете. — Надо думать, не слишком популярное решение как среди моих коллег, так и в ваших спецслужбах.

— Я больше не на службе, сэр. Ушла в отставку на прошлой неделе.

— Вот как. Вообще-то я в курсе. — Он улыбнулся, по-прежнему с намеком на язвительность. — Я читал рапорты Блума. Мы были бы весьма за-

интересованы работать с вами плотнее. Как вы понимаете, в очень ограниченной области. Просто беседа, если пожелаете.

— Что, никакой дотошной вербовки? Никакой идеологии? Никаких попыток затронуть личную жизнь?

— Думаю, вы сочли бы это оскорблением вашего профессионализма.

— Раз уж зашла речь о профессиональной вежливости, должна сказать, что ваше имя всплывало на допросах, и Секретная служба знает о вашей связи с двумя агентами-голландцами.

— Разумеется. Ничего другого я и не ожидал.

— Боюсь, мне придется отклонить ваше щедрое предложение. Однако мы можем заключить сделку, мистер Шпигельглас. Вы оставите меня и моего мужа в покое, а я кое-что вам дам. — Она вытащила из сумочки ручку и нацарапала на салфетке Шпигельгласа хинтонский адрес, который оставил ей Уэст. Шпигельглас взял салфетку, растер чернила пальцем и посмотрел на запись с явным отвращением.

— Что это?

— Местонахождение досье. Питер Блум собирался передать его вам. А вы, видимо, отдадите его Вечно Живому.

Шпигельглас воззрился на нее с любопытством.

— Вы не перестаете меня удивлять, миссис Уайт.

— Не воображайте лишнего. В любом случае в скором времени это станет достоянием гласности. Но некоторые детали могут вам пригодиться. И мне кажется… Питер это заслужил.

Агент НКВД аккуратно сложил салфетку и сунул ее в карман.

— Благодарю вас, миссис Уайт.

— А теперь прошу меня простить, я опаздываю на рейс.

— Конечно.

Рэйчел встала.

— Интересно, каково это? — спросила она. — Работать на существо, чьи мысли и идеи вы не в состоянии понять?

Шпигельглас улыбнулся, на сей раз без насмешки.

— Все равно что снова стать ребенком, миссис Уайт. Я всячески рекомендую это испытать.

— Прочтите досье. Возможно, скоро всем нам предстоит повзрослеть.

* * *

Рэйчел добралась до аэродрома как раз к началу посадки. Привязанное к железной игле башни Уоткинса воздушное судно напоминало пурпурное облако на удивительно чистом зимнем небе, как будто состоящем из одного света.

Джо с багажом уже ждал ее у лифта. Он немного осунулся, но в глазах сверкали искорки.

— Я уже начал волноваться, — сказал он.

— Нужно было выполнить поручение одного друга.

Они поднялись на борт судна вместе с пятьюдесятью другими пассажирами, живыми и мертвыми, и стояли в обзорной гондоле, пока Лондон не исчез в туманной дымке, а внизу не появилась серо-стальная Атлантика.

— Поверить не могу, что ты ни разу не брал меня в полет, — сказала Рэйчел.

— Просто никогда не мог найти правильное место назначения.

Море было гладким, как полотно, начало садиться солнце, и было легко вообразить, что мир перевернулся вверх тормашками и внизу лежит еще одно небо.

На следующее утро Рэйчел проснулась рано

в маленькой каюте. Она накрыла спящего Джо одеялом и приникла к круглому иллюминатору, дожидаясь зари и проблеска земли, где стоит вечное лето.

Появился первый луч, окрасив ночное небо из темно-синего в красный и золотой. Луч упал и на птичью клетку.

Самка проснулась и чирикнула. И тут, наполнив каюту мелодичным щебетом, самец подпрыгнул со звуком распрямившейся пружины и начал свой танец.

Благодарности

Эта книга не увидела бы свет без помощи многих людей, которые парят над страницами, словно призраки в эфире.

Большое спасибо Дину Карверу и Марку Блэклоку за исключительно полезные объяснения по поводу шпионского ремесла и истории четвертого измерения соответственно. Все ошибки, и случайные, и намеренные, естественно, на совести автора.

Спасибо моим хорошим друзьям Эсе Хилли, Рэнди Любин, Брайану Паскалю, Ленни Рэймонду и Робин Слоун за полезные замечания по поводу ранних набросков и идей. Выпивка за мой счет! Особая благодарность моей писательской группе «Непокорных писателей» за безжалостный разбор раннего синопсиса и набросков.

Искренняя благодарность ребятам из компании «ХеликсНано» (Карине, Николаю и Никхилу) за терпение, и особое спасибо нашему другу и советчику Хосе Тревехо за идею для концовки. Благодарю Десмонда и Марию за множество чудесных разговоров в Бостоне, они помогли мне

продолжать работу.

Я чрезвычайно благодарен своему агенту Джону Джаррольду, бывшему редактору Саймону Спантону и всей команде в «Голландц» — Рэйчел Уинтерботтом, Маркусу Джиппсу и лучшему в мире корректору Лайзе, с их помощью появился этот роман.

И наконец, моя любовь и признательность жене Зузане, в особенности за то, что вышла за меня замуж, когда я заканчивал эту книгу.

Примечания переводчика

Персонажи романа, существовавшие и в нашей версии реальности (в порядке упоминания)

Джордж Хилл (1892–1968) — разведчик. В 1917 году работал в Петрограде, но через некоторое время покинул разведслужбу и вернулся лишь накануне Второй мировой войны.

Сэр Стюарт Мензис (1890–1968) — директор Секретной разведывательной службы Великобритании (МИ-6) с 1939 по 1952 год. Учился в Итоне, после чего поступил в Гренадерскую гвардию. Во время Первой мировой войны воевал во Франции. После ее окончания поступил на службу в МИ-6 и в 1929 году стал заместителем директора.

Иоганн Целльнер (1834–1882) — немецкий астроном. Известен как изобретатель звездного фотометра и реверсионного спектроскопа. Выдвинул теорию об электрической природе гравитации. В последние годы жизни увлекся спиритизмом и пытался доказать существование четвертого измерения.

Освальд Харкер (1886–1968), известный также

как Джаспер, исполнял обязанности директора Службы безопасности Великобритании (МИ-5) в 1940–1941 годах. С 1905 года служил в колониальной полиции Индии, был заместителем комиссара полиции Бомбея. В 1920 году вернулся в Британию и поступил в МИ-5, где дослужился до заместителя директора.

Валентайн Вивиан, Вэ-Вэ (1986–1969) — заместитель директора МИ-6 в 1941–1951 годах, первый глава отдела V (контрразведки). С 1906 по 1925 год служил в индийской колониальной полиции. В 1925–1931 годах существовало соперничество между отделом Вивиана в МИ-6, внутренней разведслужбой (МИ-5) и Скотленд-Ярдом, очень напоминающее распри между Летним и Зимним управлениями в романе.

Гай Лиддел (1892–1958) — разведчик. Перед началом Первой мировой войны учился в Германии, собираясь стать виолончелистом. Записался в армию рядовым, а после войны поступил на службу в Скотленд-Ярд. В 1931 году перешел на работу в МИ-5, где занимался советской подрывной деятельностью. Его рассматривали в качестве кандидата на пост директора МИ-5, но отвергли из-за подозрений в возможной работе на советскую разведку, поскольку он был дружен

с Гаем Берджессом и другими из «кембриджской пятерки». В 1953 году был вынужден подать в отставку.

Чарльз Хинтон (1853–1907) — математик и писатель-фантаст. Известен работами, касающимися четвертого измерения и методов его визуализации. Придумал термины «ката» (от греческого «вниз») и «ана» (от греческого «вверх») для описания четвертого измерения.

Питер Тэйт (1831–1901) — математик и физик. Занимался теорией узлов, теорией кватернионов и электромагнетизмом.

Леонид Борисович Красин (1870–1926) — революционер, советский партийный и государственный деятель. Член РСДРП. В 1909 году вступил в конфликт с Лениным, примкнул к группе «Вперед», сторонникам богостроительства, и отошел от политической деятельности. Однако в 1918 году восстановил членство в ВКП(б) и вошел в правительство большевиков, где занимался в основном внешней торговлей и дипломатией. Был одним из инициаторов сохранения тела Ленина в мавзолее. Существует версия, что Красин верил в грядущее воскрешение покойных «великих исторических личностей» с помощью новейших научных достижений.

Лев Сергеевич Термен (1896–1993) — ученый, изобретатель, специалист по электротехнике, создатель терменвокса. В 1927–1938 годах резидент советской разведки в США. В 1939 году отозван в СССР, репрессирован, работал в закрытых конструкторских бюро.

Александр Александрович Богданов, настоящая фамилия Малиновский (1873–1926) — ученый, революционер и писатель-фантаст. Член РСДРП в 1896–1909 годах (был исключен из партии после конфликта с Лениным), организатор группы «Вперед». Группа, в частности, пыталась объединить идеи марксизма и христианства, создать «Бога» из мощи коллектива. Эти идеи разделял также известный художник Казимир Малевич (1879–1935). С 1926 года Богданов — создатель и директор Института переливания крови. Считал, что с помощью переливания крови можно достичь омоложения. Погиб, проводя себе переливание.

Сэр Мэнсфилд Смит-Камминг, известный как Си (1859–1923) — первый директор Секретной разведывательной службы (МИ-6). С двенадцати лет служил на флоте, однако был списан оттуда из-за морской болезни. В 1909 году возглавил отдел по иностранной разведке в Бюро секретной службы.

Подписывал документы зелеными чернилами инициалом «С», впоследствии так стали называть всех директоров МИ-6. В 1914 году попал в автомобильную аварию, в которой погиб его сын, а сам Смит-Камминг лишился ноги. В 1916 году после реорганизации его отдел превратился в Секретную разведывательную службу МИ-6.

Пьер Тейяр де Шарден (1881–1955) — французский философ, археолог, палеонтолог и теолог, член ордена иезуитов. Основные труды Тейяра де Шардена в теологии и философии направлены на переосмысление догматов католической веры в терминах теории эволюции. Один из создателей теории ноосферы.

Сэр Оливер Лодж (1851–1940) — физик, один из изобретателей радио. В 1984 году первым отправил и принял радиосигнал, однако дальнейшими усовершенствованиями своего прибора не занимался. В конце 1880-х годов увлекся телепатией и изучением жизни после смерти, был членом «Клуба привидений». Написал книгу о спиритических контактах со своим сыном, погибшим во время Первой мировой войны.

Гульельмо Маркони (1874–1937) — итальянский радиотехник, лауреат Нобелевской премии (1909), один из изобретателей радио. В 1986 го-

ду приехал в Британию, где получил патент на радиоприемник и передатчик и основал акционерное общество «Маркони и Ко».

Сэр Роджер Холлис (1905–1973) — журналист, разведчик. В конце 1920-х годов работал журналистом в Гонконге и Китае. В 1938 году поступил в МИ-5, где дослужился до поста заместителя директора. После побега Кима Филби в Москву в 1963 году Холлиса подозревали в том, что он предупредил перебежчика о готовящемся аресте, и даже в возможной работе на советскую разведку. Действительно имел длительную связь со своей секретаршей, на которой впоследствии женился.

Гай Берджесс (1911–1963) — двойной агент. Учился в Итоне, затем в Тринити-колледже Кембриджа. С 1936 по 1944 год работал на Би-би-си, а с 1939 года — в МИ-5, с 1944 года работал в Министерстве иностранных дел. Вместе с Энтони Блантом снимал квартиру у их общего друга по университету Виктора Ротшильда. Был завербован советской разведкой, член так называемой «кембриджской пятерки». В 1951 году перед неминуемым арестом сбежал в Москву.

Сергей Михайлович Шпигельглас (1897–1941), оперативный псевдоним Дуглас, майор НКВД. Принимал участие в операциях по устране-

нию перебежчиков и других «врагов народа» за рубежом, занимался подготовкой разведчиков-нелегалов. В 1938 году арестован, в 1941 году расстрелян.

Томас Харрис (1908–1964) — художник, сын торговца произведениями искусства. Вместе с женой Хильдой после начала Второй мировой войны работал в разведшколе в Брикендонбери в качестве повара и смотрителя, с 1941 года — в МИ-5. Устраивал в своем доме вечеринки для друзей-разведчиков, входящих в так называемую «Группировку»: Энтони Бланта, Гая Берджесса, Кима Филби, Тима Милна, Десмонда Бристоу, Виктора Ротшильда, Гая Лиддела, Ричарда Брумана-Уайта и Питера Уилсона. Подозревался в связях с советской разведкой. В 1964 году погиб в автокатастрофе, высказывались предположения, что его устранил КГБ.

Энтони Блант (1907–1983) — искусствовед, советник короля Георга VI, двойной агент, член «кембриджской пятерки». Изучал математику в Тринити-колледже Кембриджа. В 1939 году поступил на работу в МИ-5. От предложения сбежать в СССР отказался, признался в сотрудничестве с советской разведкой в обмен на иммунитет от судебного преследования.

Тим Милн (1912–2010) — племянник писателя Алана Милна, с 1941 года сотрудник МИ-6. Друг Кима Филби, о котором написал книгу «Ким Филби. Неизвестная история шпиона КГБ», опубликованную только в 2014 году из-за противодействия британского правительства. Подозревался в сотрудничестве с советской разведкой.

Виктор Ротшильд (1910–1990) — биолог, агент МИ-5. Учился в Тринити-колледже Кембриджа, где подружился с Гаем Берджессом и Энтони Блантом. В 1937 году унаследовал титул барона, член Палаты лордов. Поступил на работу в МИ-5 во время Второй мировой войны. Подозревался в том, что работал на советскую разведку и входил в «кембриджскую пятерку».

Ричард Бруман-Уайт (1912–1964) — журналист и политик. Окончил Итон и Тринити-колледж Кембриджа. Во время Второй мировой войны поступил на работу в МИ-5, затем занимал различные правительственные посты.

Ким Филби (1912–1988) — двойной агент. Учился в Тринити-колледже Кембриджа, член так называемой «кембриджской пятерки» агентов советской разведки. Работал в МИ-6, возглавлял Иберийский отдел, затем возглавил отдел контрразведки. В 1963 году сбежал в Москву.

Сэр Уильям Крукс (1832–1919) — химик и физик, президент Лондонского Королевского общества в 1913–1915 годах. Исследовал электрические разряды в газах, открыл таллий. В 1869 году занялся исследованием спиритических сеансов, утверждая, что наблюдал появление призраков и выделение эктоплазмы.

Кристофер Морком (1911–1930) — студент Тринити-колледжа Кембриджа, школьный друг Алана Тьюринга, умерший от туберкулеза. Вероятно, его смерть послужила толчком для Тьюринга в развитии идей о мозге как о машине разума, которую можно смоделировать математически.

Гарольд Николсон (1886–1968) — дипломат и политический деятель. Работал дипломатом в Тегеране и Берлине. В 1935 году стал членом парламента.

Джон Бэрд (1888–1946) — инженер, создатель первой механической телевизионной системы, способной передавать движущиеся изображения.

Герберт-Бланко Уэст — вымышленный персонаж, но в нем нетрудно узнать черты писателя Герберта Уэллса. В юности писатель работал учеником торговца мануфактурой, потом занялся журналистикой. Помимо художественных

и публицистических книг написал также свод правил для игры в солдатиков под названием «Маленькие войны». Был членом Фабианского общества, разделял социалистические идеи, баллотировался в парламент от лейбористов. Дважды побывал в Советском Союзе, встречался с Лениным и Сталиным, о которых отзывался нелестно. Имел внебрачную связь с феминисткой и писательницей Эмбер Ривс, у них родилась дочь. Впоследствии Ривс вышла замуж за адвоката Джорджа Риверса Бланко-Уайта. По мотивам своих отношений с Эмбер Ривс Уэллс написал роман «Анна-Вероника».